КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН XX ВЕКА

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ

ЭТО ДЕЛО МУЖЧИН

Криминальный роман XX века

Джеймс Хэдли Чейз

ЭТО — ДЕЛО МУЖЧИН

(перевод с английского)

СП "СОВИНТУРС" 1990

Джеймс Хэдли Чейз
Это дело мужчин

Оформление художника В. В. Сурикова
Корректор И. В. Шаховцева

Сдано в набор 30.08.90. Подписано в печать 26.09.90. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6 л. Цена 3 р. 75 к. Тираж 250 000 экз. Зак. 1235.

СП «Совит-турс».

Отпечатано с готовых диапозитивов в Ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Ч $\frac{4804000000\text{-}005}{950(02)\text{-}90}$ Без объявления

ISBN 5-85087-005-9

ГЛАВА I

Фары моего старого автобуса вырвали ее силуэт из кромешной тьмы, как на сцене, где прожектор освещает только главную героиню.

Она стояла рядом с "бьюиком" 1939 года и, будьте уверены, мыли ее в последний раз до Рождества Христова. Серая фланелевая юбка, жакет винного цвета, поднятая рука...

Вообще-то я никогда не сажаю девушек в машину, но у этой испортилась машина, а машины — мой хлеб. Я притормозил и посмотрел на часы: было двадцать минут двенадцатого. Я был голоден, как волк, чертовски устал, потому что возился с машиной около аэропорта в Норфолке, но ее голос заставил меня открыть дверцу и спрыгнуть на землю.

— Ну, что тут?

— Бензина полный бак, а двигатель не работает.

Подойдя к машине, я поднял крышку капота и почувствовал запах горелого. Все было ясно, как божий день.

— Зажигание приказало долго жить. Завтра вам его починят.

— А вы уверены? Как мне не везет! Но вы даже не посмотрели как следует.

— Нечего было и смотреть. Достаточно было понюхать. Это ведь моя профессия.

Обернувшись, она посмотрела на автобус и красные буквы: "Гарри Коллинз. Ремонт машин, 14 Игл-стрит".

Года два назад я гордился этой колымагой. Когда мне ее продали, я старался не смотреть на подпись, так меня это подогревало. Теперь же колымага напоминала мне белый катафалк.

Она беззаботно рассмеялась:

— Вот повезло, так повезло! Другая наверняка остановила бы какую-нибудь размазню, а я — прямо механика.

— Повезло, но не совсем. Ничем не могу вам помочь. Могу только подкинуть до какого-нибудь гаража. Если вас это устроит.

— Они, наверное, уже все закрыты.

— Могу довезти до какого-нибудь открытого.

— Нет, спасибо, мне не улыбается перспектива тащиться на буксире. А потом, эта развалина не моя. Она принадлежит приятелю, и пусть он потом за ней приедет, если захочет. Я ее тут оставлю.

— А если ее угонят? Ведь это ему не понравится!

— Это его дело. Вы меня отвезете домой? Я живу в Вест-Энде.

— Ну, если это все...

Она скользнула в автобус. Я с сомнением посмотрел на машину.

— А если кто-нибудь врежется в нее в темноте на полной скорости? Что произойдет?

— Боже мой! Вы всегда так беспокоитесь о других?

— Мне самому бы не поздоровилось, налети я в темноте на такую штуку.

Порывшись в багажнике, я нашел красный фонарик и повесил его на дверцу "бьюика".

— Фонарь украдут.

— Ну и бог с ним.

Мы тронулись в путь. Свет фар падал на длинные ноги женщины и открытые колени. Колени были изумительны! В неровном свете я следил за своей пассажиркой краем глаза. Но увидел я немного: темные волосы, разделенные пробором, падали на плечи и чуть вились на концах. Я был уверен, сам не знаю почему, что сидевшая со мной женщина необыкновенно хороша.

— Это ваш автобус?

Она достала сигареты и дала мне закурить. Чиркнула спичка, но мне опять не удалось ее рассмотреть.

— Итак, вас зовут Гарри Коллинз?

— Вы правы.

— А меня Глория Селби.

Мы проехали ярдов двести молча, пока она снова не заговорила:

— Вы всегда работаете так далеко от дома?

— Почему вы думаете, что я работал?

— Вы не похожи на мужчину, который сел бы за руль с такими грязными руками, если только перед этим он не работал как черт.

— Верно. Один из моих немногих клиентов позвонил и попросил посмотреть, что с его машиной. Рядом, в пяти минутах, был гараж, но он так ценит мои услуги... в общем хороший парень.

— А отказаться вы не могли?

— Не те времена, чтобы отказываться.

— А мне казалось, что все владельцы гаражей купаются в деньгах.

— Мне тоже так казалось, поэтому я этим занялся.

— Дело не стоящее?

— Почему же, только я, кажется, неправильно выбрал место.

— Но, по-моему, Оксфорд-Сириус отличный район.

— Я тоже так думал, когда там поселился. Вы не

знаете, где находится Игл-стрит.

— Около перекрестка с Оксфорд-стрит на Робинсон.

Я взглянул на нее и снова стал смотреть на убегавшую под колеса дорогу.

— Вы первая из всех, кого я знаю, ответили на такой вопрос. Улицу сделали с односторонним движением и разукрасили знаками "остановка запрещена". Покупатели боятся даже за бензином ехать. Но зачем это я вам жалуюсь? Вам-то это безразлично.

— Разве я сказала, что мне надоело вас слушать?

Минуту мы молчали.

— Я обязательно поставлю к вам свою машину и скажу о вас моим друзьям.

— Отлично! Весьма вам благодарен.

— Вы не верите, что я так сделаю?

— Почему же? Я думаю, что сделаете, как обещаете, если вспомните. Но завтра вы уже забудете о том, что обещали, и о моем существовании. Поставите, как всегда, машину в ближайший гараж. Так все делают, что тут обижаться...

— Я живу на Нью-Борн-стрит, это ведь совсем не близко.

Мне показалось, что она прижалась коленом к моей ноге.

— Какая у вас машина?

— Один из новых "ягуаров".

Теперь я знал, что она прижимается ко мне.

— Машину нужно ремонтировать?

— Нет, но ее нужно мыть. Могу я поставить ее к вам? Она стоит сейчас слишком далеко от дома.

— Место у меня есть, но я не даю ключей от своего гаража.

Я все еще думал, что она просто болтала.

— Я иногда приезжаю слишком поздно.

— Я живу над гаражом, и мы поздно ложимся спать. Цена, если это вас устроит, тридцать пять долларов в месяц. Вместе с чисткой и мытьем это составит тридцать пять шиллингов.

— Но я столько плачу за закрытый гараж.

— Неправда, — покачал я головой.

— Придется подумать, — рассмеялась она. — Ну, ладно, пусть будет так.

— Тридцать пять — это дешево, и вы это знаете.

Я был уверен, что теперь не услышу ни слова о "ягуаре". Так же я был уверен, что, высадив ее на Бонд-стрит, я больше о ней ничего не услышу.

— А почему вы сегодня взяли "бьюик"?

Она немного наклонилась вперед, чтобы стряхнуть

пепел.

— Сестра моего приятеля уехала в Париж, и он попросил меня отвезти ее в Норфолк, в аэропорт. Вы когда-нибудь были в Париже?

— Да, когда служил в армии, но три или четыре дня всего.

— Вам там понравилось?

— Кажется, да. Там уже тогда была дороговизна, но теперь, говорят, вообще не подступишься.

— Как и везде, но, если знаешь людей, то счастлив твой бог! Я там знаю один дешевый отель, и потом у меня там друзья, вот мне и обходится все дешевле.

— Похоже, вы там частый гость.

— Почти каждый месяц.

— По делу?

— Да, я — модельер. Новые модели белья.

— Это хороший бизнес? — удивился я.

— Очень, я не хуже других художниц. У меня есть связь с лучшими конторами.

— Я думал, возить белье в Париж — пустое дело.

— Да, покупательницы там заелись, но у меня хороший вкус.

— Пожалуй, вы слишком молоды, чтобы вести дело самостоятельно.

— Вы тоже не столетний человек, — рассмеялась она, откидываясь назад.

— Вот не знал, что в тридцать два года выгляжу щенком. Совершенно не ожидал.

— Вы женаты?

— Да, а вы?

— Да зачем мне это? У меня есть работа, а мужчина... это так просто устроить.

Я стал тормозить, поворачивая направо. Похоже, что она не соврала. У нее в самом деле могла быть квартира на Бонд-стрит, она могла ездить в Париж и куда угодно. Я вдруг разозлился на себя. Если у меня плохи дела, то почему так должно быть со всеми? Я сделал ошибку, потратив все деньги на гараж. Если бы у меня осталось немного денег, я бы выкарабкался. Я бы мог заключить контракт на покупку оборудования, мог бы заниматься покупкой станков, мог... Мне не следовало покупать новые бензозаправочные установки, новые машины для мойки, следовало отвить что-то на черный день. Но тогда, в первые месяцы, меня радовала суета с покупками, и мне не верилось, что я, именно я, могу потерпеть крах. Эта девица рядом со мной могла иметь квартиру, ездить каждый месяц в Париж, покупать последние модели "ягу-

аров". Все эти вещи, недоступные для таких, как я, были для меня сказкой, и только. Я работал, учился, приобретал квалификацию, но моя работа не приносила мне ничего, кроме неприятностей и головной боли. Эта же женщина имела хороший вкус, за который ей платили деньги. Она имела все, что нужно, и даже больше.

Она вдруг встревожилась.

— У вас часы правильно идут? Не может быть, чтобы было уже так поздно.

— Они спешат, сейчас двадцать минут двенадцатого. А вы спешите?

— Да ладно, мне все равно не надо рано вставать. А вы любите рано вставать? Я — нет.

— Люблю я или нет, мне все равно надо рано вставать, — в моем голосе прозвучало очевидное раздражение, — я открываю гараж в половине шестого. И это единственное время, когда я могу продать бензин. Если я встану позже, то прощай моя торговля. Вот такие дела...

— Ваши дела действительно плохи.

— Я просто устал сейчас, но дела и верно неважные.

— Возможно, вы не знаете нужных людей.

— Что вы имеете в виду?

— У меня есть знакомый владелец гаража, так у него куча денег.

— Я уже сказал, что неправильно выбрал место.

— Он продает и покупает подержанные машины. Это хороший бизнес.

— Теперь уже нет. Сейчас кризис.

— Я не верю. Кризис — это еще не все. Часто это просто оправдание для бездельников. Если деньги не достались одним путем, надо их добыть другим. Вам не кажется?

Я подумал про себя, что эта девица, чего доброго, начнет мне давать деловые советы.

— Присматривайте лучше за своим бельем.

— Ну, вам виднее, — усмехнулась она.

Я наконец подъехал к Нью-Бонд-стрит и затормозил. Она сказала:

— Просто не знаю, как вас благодарить...

Я открыл дверцу атобуса, и она выпорхнула.

— Я скоро к вам подъеду. Пока, Гарри!

— Пока, — я поколебался и добавил: — Глория...

Она прошла мимо автобуса, и мне захотелось увидеть ее лицо. Если я встречу ее завтра, то ни за что не узнаю. Дойдя до угла, она обернулась и помахала мне рукой, потом исчезла совсем. По дороге домой я

поймал себя на том, что думаю о ней и что мне хотелось бы увидеть ее лицо. Красива ли она? Я вспомнил ее чудесные сильные ноги и круглые красивые колени. До сих пор я ни об одной женщине так не думал, я имею в виду с тех пор, как женился на Анни, но тут было о чем помечтать... Я услышал голос жены и вернулся с небес на землю.

— Это ты, Гарри?

— Да, дорогая, это я. А ты кого еще ждала?

Поднявшись наверх, я очутился в маленькой комнате. Жена ждала меня в дверях, завернувшись в старый потрепанный халатик. Она носила его давно, еще в наш медовый месяц. С тех пор я не мог позволить себе роскошь купить ей новый. Не те времена, чтобы тратить деньги на пеньюары.

— Как ты долго, дорогой.

— Я думал, что эта штука никогда не заведется.

Анни было двадцать шесть лет, но выглядела она как девочка. Кожа у нее была свежая, а глаза большие и серьезные, большой, слегка неправильный рот. Красавицей ее не назовешь, но стройная фигурка и милые ребяческие движения подкупали. Я ей часто говорил, что никакой мужчина не отказался бы от такого лакомого кусочка. Она считала, что у нее отсутствует вкус и шикарной женщиной ей никогда не быть. Зато она научилась отлично готовить — пальчики оближешь. Возможно, она не была шикарной девушкой, но она была доброй, а мне требовалась в моем теперешнем положении доброта, а не внешний лоск.

— Пойди прими душ, дорогой. Чай готов, ты голоден?

— Готов съесть зажаренный топор!

— Сейчас, сейчас...

Когда я вошел в маленькую спальню, она уже легла. Чай и несколько устричных бутербродов лежали на столе. Раздеваясь и одновременно откусывая сэндвич, я рассказал о том, как встретил "бьюик". Потом рассказал о Глории и о ее "ягуаре". Анни не проявила особенного интереса. Только когда я заговорил о Париже, ей тоже туда захотелось. И потом, когда я сказал, что мне надоело вечно сидеть без денег, а у этой Глории их куча, моя старушка вдруг разворчалась.

— У нее, вероятно, тоже хватает проблем, как и у всех людей. Не надо думать, что только ты один страдалец.

— Давай спать. Мне завтра рано вставать, продавать бензин.

— Завтра пойду я, ладно? Я знаю, как включать

насосы. Почему всегда ты встаешь рано?

— Это моя работа. Что бы ты сказала, если бы я пошел к тебе на кухню с советами?

— Я думаю, что на кухне тебе тоже не понравилось бы. Чего уж там...

— Ладно, спи, дорогая...

Она привычно засопела и отвернулась, а я продолжал долго еще лежать и рассматривать потолок. Я думал о гараже, о долгах, и мне все слышался голос этой девушки: "Кризис — это извинение для лодырей. Вы не знаете нужных людей. Если нельзя достать деньги одним путем, то существуют другие".

Ее голос удалялся все дальше и звучал в моем мозгу, как надоедливая шарманка.

ГЛАВА 2

Через пару дней Тим Слива зашел в конторку, отгороженную от гаража и носившую важное наименование "моя контора". Тим вытирал влажные руки куском ветоши, и его очки в круглой оправе из железа, больше, чем когда-либо, делали его похожим на старую мудрую сову. На самом деле ему было только семнадцать лет, но голова у него соображала отлично. Он работал у меня уже год и знал все то, что я знал о машинах и двигателях. Не удивлюсь, если он знал больше.

Я платил ему четыре фунта в неделю, но он, чертенок, стоит вдвое дороже. Разумеется, дела не позволяли иметь такую роскошь, как приходящий механик, но если меня куда-либо вызовут, мне нужен был помощник. Я все собирался его уволить, но привык к парню, по крайней мере он ни разу не попросил прибавки. Он просто обожал Анни, и это еще в большей степени способствовало моему мотовству, откладывая нашу разлуку.

— Хелло, Тим, — поднял я голову от деловой книги. — Ты уже отремонтировал тормоз?

— Там какая-то девица. Спрашивает вас, мистер.

Я отшвырнул стул.

— Проверь запас бензина. На этой неделе я не буду его покупать.

Парень был сметливый. Он кивнул головой и вышел. Наверное, посочувствовал моей борьбе с недельными счетами. Я вышел в мрачный ангар, который служил одновременно мастерской и гаражом. Правда, места тут хватило бы на двадцать автобусов. Тим все

возился рядом с бензоколонкой.

Между воротами бродила девица в черном, без шляпы, на плече болталась сумочка на длинном ремне.

— Чем могу служить?

Она резко обернулась. Вас когда-нибудь ударяло током, когда вы случайно касались оголенных проводов? Это было как раз такое чувство — удар током и неровное биение сердца, частыми толчками, рот пересох... Не думайте, что она оказалась красавицей, нет уж, не скажу. Лицо оказалось прелестно, разумеется, фигура — роскошная, любой мужчина покосится не раз, но было тут и еще что-то. У нее была чувственность, секс — называйте как хотите, дела это не меняет. Это была чувственность животного прямо из джунглей — один взгляд ее глаз заставлял мужчину раздеваться, дрожа от нетерпения. По моим канонам красоты ее лицо было чуточку длинным и худым. У нее были высокие скулы — она смахивала на китаянку, глаза, темные, мерцающие, звали и обещали такие вещи, о которых не принято говорить вслух.

Одета она была в облегающее платье, ее маленькие твердые груди торчали так вызывающе-сердито, как будто хотели вырваться из этого черного подвала на свежий воздух. Талия осиная. Она расширялась вниз к округлым, стройным бедрам и длинным роскошным ногам в нейлоновых чулках.

— Хелло! — улыбка открыла чудесные зубы, глаза мягко вспыхнули.

Да, вот это была женщина!

За последние два дня она не раз приходила мне на ум, но сейчас, когда она стояла посреди мрачного гаража, около грязных, замасленных верстаков, я не мог отвести от нее глаз, она казалась еще более прекрасной и опасной, чем я себе представлял.

— Это сюрприз. Не думал снова вас увидеть, — голос меня подвел — уж очень смело он прозвучал. Но тут я вспомнил про Тима, который наверняка, пялил на нас глаза, и взял себя в руки. Она повернулась одновременно со мной и посмотрела на парня в упор. Бедняга покраснел и мгновенно испарился.

— Забавный парнишка, он вам помогает?

— Он умнее, чем кажется.

— Ему нужно быть умным. Я ведь собираюсь поставить здесь машину.

В глубине души я намеревался ей отказать. Я хотел ее до безумия. Я чувствовал, что если я буду видеть ее каждый день, то начнутся неприятности.

— Здесь вам будет неудобно, вы можете найти

что-нибудь поближе. Около дома.

Тонкие брови нахмурились, и глаза недовольно скользнули по моему лицу:

— Мне нужен закрытый гараж и тут мне нравится. Но если вы не хотите, чтобы я тут находилась, скажите об этом прямо, а не придумывайте отговорки.

— Да мне все равно. Я о вас думал.

— Нечего обо мне беспокоиться. Я буду платить тридцать долларов за стоянку и пять всякий раз, как мне потребуется мыть машину.

Разум говорил мне "нет", но я услышал свой голос, говоривший принужденно:

— Здесь, у стены, вы никому не будете мешать, и вам будет удобно выезжать.

Ее глаза вспыхнули:

— Я заплачу вам за месяц вперед. Прошу выдать мне квитанцию. А то здесь, чего доброго, могут и обмануть.

— Ладно, пройдем в контору.

Тим посмотрел ей вслед, и я понял, что она ему не понравилась. Почему-то он начал меня раздражать. Распахнув дверь, я пропустил ее вперед. При этом я ощутил аромат духов и чистой нежной кожи.

— Прошу вас присесть.

Стоя за столом, я видел ее ноги, колени и белое белье там, где юбка слегка задралась. Я взял книгу и стал выписывать квитанцию. Пришлось постараться, чтобы буквы были ровными, но получилось плохо, как курица лапой выводила эти каракули. Поднявшись, чтобы передать бумагу, я заметил ее изучающий взгляд. Похоже, что она знала о моем состоянии. Но ее взгляд был равнодушен, голос спокоен.

— Завтра я пригоню машину. Я буду пользоваться ею не часто, — она немного помедлила. — Как ваш бизнес, Гарри?

— Чудесно, — ухмыльнулся я. — Два фунта за бензин, десять шиллингов за тормоза, семь фунтов за гараж. Деньги просто рекой текут.

Она подошла поближе. У нее были изумительные духи, сексуальные, как она сама.

— Дать вам идею, Гарри?

— Да, пожалуй, я человек не гордый.

Она встала, потянулась и сняла воображаемую пушинку с моего рукава. Глаза ее светились. Это было недвусмысленное приглашение. Вдруг я заметил, что сжимаю кулаки. Уж очень хотелось обнять ее и прижать крепко, очень крепко...

— Тогда я придумаю что-либо для вас...

— Гарри! — Это был голос Анни сверху, из квартиры.

Мы отпрянули друг от друга, словно заговорщики.

— Где ты?

Немного опомнившись, я шагнул к двери и толкнул ее, сказав, что я здесь.

— Поднимись на минуту.

— Это ваша жена? Тогда я приеду завтра с машиной. Привет, Гарри!

И она прошла мимо меня, задорно и чуть нарочито покачивая бедрами. Пожалуй, слишком нарочито, но тогда я, как дурак, был в таком состоянии, что не обратил на это внимания. Я поднялся наверх, шагая через две ступеньки, стараясь на ходу отвернуть крышку на бутылке с соком. С первой попытки крышка не открывалась, но я свернул ей шею со второй.

— Я не помешала? — спросила Анни.

Неожиданно я посмотрел на нее оценивающим взглядом — старый свитер и выцветшие джинсы, свисавшие мешком. Локон каштановых волос скрывал один глаз, а на подбородке была сода. Полчаса тому назад она казалась мне совершенством, но теперь я помнил аккуратные складки платья и покачивающиеся бедра, колыхавшие эти складки.

— Анни, ты что, не можешь проследить за собой? Эти штаны годятся целому семейству сразу, а по свитеру давно плачет мусорный ящик.

Ее глаза изобразили удивление, а потом она рассмеялась и проговорила:

— Прости, милый, но я убирала квартиру. Сейчас я переоденусь.

— Я не хотел тебя обидеть, дорогая. Мне просто хотелось, чтобы ты была на высоте.

— А некоторые мужья не замечают, как одеты их жены... Я польщена, Гарри.

Я слегка шлепнул ее.

— Выбирайся из этих штанишек. Они непристойны.

— Но ты — мой единственный ценитель, — она заглянула мне в глаза. — Я надеюсь, нам придется покупать новые? Эти спасают мне чулки.

Полученная от Глории бумажка в пять фунтов жгла мне руки. Мне было бы спокойнее, если бы я потратил их на Анни.

— Вот, купи себе новые. Это часть платы за место в гараже.

Ее глаза стали еще больше от удивления.

— Но я пошутила. У нас нет пока денег на одежду. У нас долги, милый...

— Да черт с ними, с долгами. Это я не собираюсь заносить в книгу. Завтра же купи себе новые брюки, а эти выкинь.

— Но, Гарри...

— Бог ты мой! Я так хочу, слышала!

Раньше я никогда не кричал на Анни. Она меня никогда не раздражала. Я никогда ее не критиковал. Я все еще видел ее потрясенное лицо. Нет, на этом надо поставить крест, и немедленно: все эти бедра, аккуратные платья, тонкие руки, снимающие пушинки с моего рукава, глаза, призывно блестящие только мне, — все это не доведет меня до добра. Мне следует отказать Глории и вернуть ей деньги.

Вошел Тим, более несуразный, чем раньше. Не глядя на меня, он заявил, что покончил с бензином и отправляется домой. Я пожал плечами и занялся бумагами, стараясь не думать о Глории. Но она упорно не желала выходить из моей головы. Наконец я посмотрел через дорогу. Там было почтовое отделение, и двое служащих загружали в машину мешки с почтой. Я смотрел на них без всякого энтузиазма, пока не заметил среди них Билла Нетса.

Во время войны он был в моем батальоне. Мы вместе воевали и вместе потом лечились от ран. Нас также в один день демобилизовали. Когда я открыл гараж, то обнаружил, что он работает через дорогу.

Он подошел ко мне, дружески улыбаясь. Его широкое красное лицо выражало только добродушие. Чуть кривые ноги и низкий рост не мешали иметь ему широко развернутые плечи и бычье здоровье.

— Привет!

— Рад тебя видеть, старина!

Он подмигнул мне:

— Не шути, парень. Я тут недавно узрел цыпочку, вылетевшую из твоей дыры. Я чуть не полетел за ней, но вовремя вспомнил, что работаю на втором этаже. Во штучка!

— Она хочет поставить у меня машину.

— Вот удача! Значит, я буду любоваться ею! До сих пор мне не везло: ни одна пара стройных ног не появлялась в моей видимости. Ты мне не конкурент. У тебя есть жена, а то бы я за себя не поручился, будь я владельцем гаража.

— Перестань трепаться, Билли. Что это ты сегодня сияешь, как новый шестипенсовик?

— Повышение. Теперь я охранник. В понедельник приступаю к работе. Больше мне не придется возиться с этими тяжелыми мешками. Сиди себе в кабинете и

посматривай за всеми. Это по мне.

— А чего ты будешь охранять, сторож?

— До сих пор в таких машинах не возили ценностей, а теперь будут возить, и я должен сидеть и посматривать, чтобы у мальчиков не возникли дурные мысли.

— Но это рискованная штука.

— Что ж, мне нравится риск. Помнишь, как в те былые дни? Помнишь, как мы с тобой, Гарри...

Когда я вернулся в контору, то обнаружил жену такой... Она надела халатик и причесалась. Халат она шила сама. Она отличная портниха, и на ней все сидит хорошо. Впрочем, она не носила покупное, на это не было денег.

— Почему здесь пахнет духами?

Я почувствовал, что краснею.

— Духи? Не знаю, возможно, мисс Селби... Я ничего не заметил... Ты помнишь ту девушку, что я подвез? Она занимается бельем. Я все тебе собирался рассказать... Она хочет ставить здесь машину. Она хочет платить тридцать долларов в месяц, и я согласился.

— Чудесно! — У Анни отлегло от сердца. — Но здесь много места, и возможно, другие тоже захотят поставить машину.

— Но у нас нет запирающихся дверей. Все любят брать ключи от гаража с собой. Кстати, — сказал я, чтобы перевести разговор на другую тему, — Билли получил повышение, и теперь он охранник.

— Но ведь это опасно.

— А он в восторге.

— Но... Гарри...

Я посмотрел на нее.

— Я составила список счетов к оплате.

— Очень плохо?

— 89 фунтов.

— Хорошенькое дельце, — я засвистел похоронный марш.

— Нам не стоило покупать все это оборудование для продажи бензина. Мы все равно его не продадим. Я подумала, что если мы уволим Тима, то с колонкой я сама управлюсь.

— Ты? Еще чего не хватало. Твое дело кухня и хозяйство. И потом, мне придет в голову идея, обязательно придет...

— Какая?

— Не знаю. Я еще подумаю.

— Ты действительно не хочешь, чтобы я носила эти брюки? Они еще понесятся, а чулки мне они от-

лично спасают.

Я ее совсем не слушал. Может ли Глория помочь? Она может познакомить с нужными людьми.

— Гарри.

— Чего тебе? — я нахмурился.

— Она хорошенькая? Эта Селби?

Она посмотрела на меня в упор, и я отвернулся.

— Я ее не очень хорошо рассмотрел.

У Анни вдруг опустились плечи.

— Я пойду наверх готовить ужин.

Я смотрел на свои стиснутые кулаки и ненавидел себя.

ГЛАВА 3

На следующее утро, подогревая воду для бритья, я молча злился.

Вчера, после того как я закрыл гараж, явился Билли и принес два фунта сосисок, рыбы, жареной картошки и две пинты пива. Он хотел отметить свое повышение. А я знал, что Анни злится на меня за то, что сравнение с Глорией оказалось не в ее пользу, и я этого не смог скрыть. Конечно, будь у нее красивые вещи, она могла бы их носить, но смотреть на ее вымазанный сажей подбородок после того, как я наглядelся на аккуратные нейлоновые чулки, было выше моих сил.

Ради Билла мы притворились веселыми, но я думал о долгах, Глории, Анни и нашей ссоре. Я не мог заставить себя развеселиться ни за какие деньги. Анни, которая тоже расстроилась, притворялась куда лучше меня. Наконец Билл ушел домой, довольный и ужином и повышением. Он, очевидно, не заметил нашего унылого настроения.

Закрыв двери, я поднялся в спальню и увидел, что жена повернулась к стене и притворилась спящей. Я молча улегся рядом и тоже старательно притворился спящим, и мы лежали, злясь друг на друга. Я думал, что мы как старые супруги покончим с этим, занявшись любовью, но жена не поворачивалась, как будто мы были друг от друга за сотню миль. Утром я проснулся первым и стал греть воду для бритья.

Потом я спустился вниз и расчистил место для "ягуара" Глории. Я решил все же оставить его в гараже. Я взял деньги и оставил квитанцию ей. И потом, я был уверен, что эта девица поможет мне выбраться из долгов. Здравый смысл говорил мне совсем обратное, но на одном здравом смысле далеко не уедешь.

Она — моя главная надежда, говорил я себе, но знал, что не договаривал главного: я хотел ее. Шел дождик, нудный и унылый. Когда Тим вошел в гараж, толкая свой велосипед, волосы у него стояли дыбом и были мокрые. Он сразу увидел пустое место, которое я оставил для "ягуара".

— Подмети здесь, Тим. Я оставил место для машины мисс Селби.

Его совиные глаза вспыхнули.

— Той, что была здесь вчера?

— Да. Поторопись.

Запах кофе напомнил мне, что я еще не завтракал.

Жена уже встала. Старые джинсы по-прежнему висели мешком, но волосы были перевязаны красной ленточкой. У нее была все-таки прелестная фигурка.

— Привет, малышка!

Она обжаривала рыбу и даже не повернулась.

— У нас в доме запахло вкусным.

— Да, дорогой, ты хорошо спал!?

Я обнял ее и посадил на колени.

— Не обижайся, киска, и забудем вчерашнее, хорошо? Нам просто не надо ссориться.

— Но я хочу быть уверена, что нужна тебе. Не сейчас, а вообще. А если мы перестанем доверять друг другу, то... А эта девушка с ее нарядами только добавила масла в огонь. Ты уверен, что она не заставит потерять тебя голову? И потом, если мы разоримся. что мы будем делать дальше? Что с нами будет? А если мы вместе будем работать, то все будет хорошо. Но только пока мы вместе. И потом, я же смогу пойти работать. Ешь завтрак, а то все остынет.

Мои мысли снова вернулись к Глории.

— Подожди, дорогая, может быть, я что-нибудь придумаю.

Славная девочка Анни, не знаю, что бы я без тебя делал.

Потом я спустился вниз и увидел Билла.

— Гарри, мне надо сказать тебе пару слов. Как Анни?

— Спасибо, нормально. Нам было хорошо вчера, ты здорово придумал отметить это событие вместе с нами.

— Вы — это моя семья.

Мы помолчали. Он посмотрел на свои ноги и как-то замялся. Лицо у него покраснело.

— Может, это и не мое дело, приятель, но у вас неприятности, правда?

— Ну, тебе нечего об этом думать.

— Разве? Мы друзья или нет? Ведь если бы у меня были неприятности, ты бы мне помог, так ведь? Вот и я. Пятьдесят фунтов тебя выручат, парень?

— В этом месяце да, а что потом?

— О потом и будем думать потом.

— Но когда я смогу вернуть тебе деньги, если приходится экономить даже на воде?

— Бери деньги, и никаких разговоров. Я ведь тоже экономил и накопил сто пятьдесят фунтов. Мне не на что их тратить. Ну, хватит пыжиться, бери деньги и покончим на этом.

— Ну, хорошо. Только тебе придется подождать, когда я их тебе соберу.

— Мне спешить некуда, я могу подождать.

— Только не говори об этом Анни. Ей не нравится, когда я занимаю деньги.

Билл заволновался:

— Ну, почему же? Я думал, что у тебя нет от нее никаких секретов.

— Да, но это все ей так не нравится... Это такие любители показать себя.

— Будь с ней поласковей, Гарри. Я к вам так привязан. Она добрая женщина.

Я прошел с ним до дверей гаража и в ту же минуту увидел черный "ягуар". За рулем, в прежнем плаще, и как всегда без шляпы — Глория. Билл кивнул мне и ушел, а Тим все пялил свои совиные глаза, но я позабыл обо всем на свете. В целом свете существовали только голубые трусики, которые я увидел в разрезе юбки, и длинные ноги, которые она выбросила из машины резким движением. Все это так подействовало на меня, словно я был несмышленый юнец, пялившийся во все глаза на юбки красоток.

— Я оставлю сегодня машину, хорошо? Вы могли бы ее сегодня помыть?

— Да, я все сделаю.

Она посмотрела на ноги Тима, которые высовывались из-под машины на целых два фута.

— Можно поговорить в конторе, прошу вас.

Какие у нее глаза! Омуты из темной и прохладной воды, а в глубине ясный призыв. Войдя в контору, она закрыла дверь.

— Анни ушла за покупками.

— Это хорошо, а то жены видят грех в самых невинных пустяках, к тому же мне хотелось пригласить вас на вечеринку в следующую субботу. Там будет один человек. Он занимается радио, и вам следует с ним потолковать.

— Но я не занимаюсь радио.

— Он сказал, что ищет место для своей студии, и ваш гараж...

Я сразу понял, какая она умница.

— А вдруг он не согласится?

— Должен. Я у него пользуюсь доверием. Приходите в субботу. У вас есть фрак или приличный костюм?

У меня на языке так и вертелось сказать ей, что в прошлую пятницу я заложил свой смокинг, но я вовремя одумался.

— Можете привести с собой жену, но лучше все обставить по-деловому, а жены всегда мешают... делу.

— Хорошо, я приду один.

— В таком случае, после восьми, я буду ждать.

Я вдруг вспомнил, что в субботу иду в кино с Анни и Биллом. Надо будет отправить с женой Билла, а самому...

— Можете сделать мне одолжение? Позвоните мне в субботу около семи и, когда я возьму трубку, молчите, как рыба.

Ее блестящие глаза потеплели.

— Вам нужно алиби? Это правильно.

Мне в лицо ударила кровь.

— Конечно, Гарри, я позвоню.

Теперь мне было необходимо, чтобы она не встретила Анни в дверях. Она вышла без слов и взяла сумочку и зонтик.

— А кто этот забавный и толстый человек, которого я встретила в дверях?

— Это — Билл Метц, мы с ним друзья.

— Он что, почтальон?

— Пока да, но его повысили, и он теперь будет охранником.

— Разве там есть охрана?

— Когда возят ценные посылки — да.

— Правда? Он, по-моему, славный...

Когда мы уже почти вышли на улицу, то нос к носу столкнулись с Анни. Я видел, как Глория посмотрела на стоптанные туфли моей жены и на ее грязные чулки, и пошла прочь.

Анни ее не заметила, так как в этот момент возилась с зонтиком, стараясь его закрыть.

Я вдруг увидел совиные глаза Тима. Он высунул голову из-под машины и кивал ей. Мне вдруг стало не по себе, как пойманному на горячем вору.

ГЛАВА 4

В пятницу днем, сказав Тиму, что иду за лампами на Чаринг-Кросс, я отправился к Мосс Бросоу и взял напрокат визитку. У меня был чек Билла на пятьдесят фунтов, и я взял рубашку и все остальное. Положив все это добро в коробку, я спрятал ее в камере хранения. Не думайте, что эта игра не действовала мне на нервы, но не взять Анни с собой и отказаться ради вечеринки идти с ней в кино было и так достаточным прегрешением. Должно быть, впервые после свадьбы я шел на вечеринку без нее, более того, с другой женщиной. Я приводил сам себе всякие доводы: деловое свидание, не следует упускать такой шанс, не стоит говорить ей о приглашении, если она так злилась из-за Глории в тот раз. И потом, у нее не было вечернего платья.

В субботу вечером было тихо и тепло.

Анни приготовила ужин и гладила свое единственное приличное платье. Она вся так и светилась от предвкушения, так как мы уже с полгода никуда не выходили. У меня так и вертелось на языке признаться ей во всем, но, когда я увидел ее румяную, словно девочку, в простеньком платьице, увидел, как она тянется ко мне в ожидании ласки, я не смог ничего ей сказать.

— Ты прелесть! Кто сказал, что моя жена не чудо?

— Все в порядке? — она обняла меня и поцеловала в щеку. — Все готово. Пирог с кроликом уже подрумянился.

— Кто тут сказал про пирог?

Это был Билл, в своем лучшем костюме и чисто выбритый, ввалившийся в кухню. Он достал из-за спины большой букет и протянул его Анни, сконфуженно пробормотав:

— Вот. На углу больше ничего стоящего не было. Их нужно сразу поставить в воду, а то они завянут.

Она взяла цветы и сразу же засветилась от радости. Чудо, а не девочка! Даже Билл смотрел на нее с восхищением.

— Вот это женщина, а, Гарри! Желаю такую же себе самому, только вряд ли скоро встречу.

Мы сели за стол около семи, но мысль о том, что вот-вот раздастся звонок Глории, портила мне аппетит. Я просто не знал, куда мне деваться от стыда. Анни сразу заметила мое состояние.

— Что с тобой, милый?

В это время раздался звонок. Она поднялась, чтобы снять трубку, но я вскочил, опрокинул стул и понесся, отбросив вилку, крича "я сам". Я заметил кра-

сем глаз удивленного Билла и тревожно дрогнувшие губы Анни. Но было уже поздно, Глория уже позвонила. Я схватил трубку. Низкий женский голос промурлыкал мне в ухо:

— Это я, Гарри. Ты... Вы просили меня позвонить.

У меня ноги подкашивались, так она на меня действовала.

— Все в порядке. Я буду около восьми.

— Все хорошо?

— Да.

Мне, наверное, следовало бы все рассказать сейчас, — и о деловом свидании, и о вечеринке на квартире Глории, но взгляд Билла, взгляд мужчины, уже заранее осуждал меня, и я промолчал.

Разумеется, они были разочарованы и расстроены, а Анни даже пришла мысль поехать вместе к этому попавшему в аварию клиенту. Но здесь я проявил власть хозяина дома.

— Ты мне будешь только нужна, дорогая.

Кажется, я не мог придумать ничего хуже. Анни покраснела и уткнулась в салфетку.

— Хорошо, дорогой, я пойду в кино с Биллом.

Она смотрела на скатерть, и я ясно видел ее в первый раз. Уж лучше бы дала мне пощечину. Я пошел переодеваться и заметил, как смотрит на меня Билл. Он сразу понял, откуда ветер дует.

Я заехал в камеру хранения, переоделся и помылся в небольшом отеле и пошел пешком на Бонд-стрит. Дверь дома была ярко окрашена, а на окнах были жалюзи и развешаны цветочные горшки с геранью и жимолостью. Все это придавало подъезду французский колорит.

Рядом с домом стояли три машины: "кадиллак", "хамбер" и "бьюик" 1939 года, мне уже знакомый. Я еще колебался, не уйти ли мне домой, но рука сама дернула звонок.

— О, это вы, Гарри...

Она была в черном вечернем платье, открывавшем грудь почти до сосков и глубокую ложбину между грудями. Свет старого фонаря вспыхивал и переливался на нитке жемчуга. Камни казались горящими на свежей коже. В темных волосах блестела бриллиантовая диадема. Это была женщина! И как я ее хотел!

— Вот не ожидала, что фрак вам окажется так к лицу. Мальчики позеленеют от зависти.

— А вы словно кинозвезда!

— Вот уж нет. Но это первый комплимент, который вы подарили мне сегодня. И это платье, призна-

юсь, надето в честь вас. Я вам нравлюсь?

— Очень!

— Пойдемте к остальным.

— А он здесь?

— Да. Его зовут Дикс. Когда гости начнут расходиться, все немного подобреют, я вас представлю.

Она провела меня в большую полуподвальную комнату с опущенными тяжелыми занавесями, полную табачного дыма. По стенам были развешаны бра с колпачками из цветной материи.

— Встречайте... то есть честь имею представить моего нового друга, Гарри Коллинза.

Я удивленно оглянулся на нее, но уже было поздно, — она провела меня на середину комнаты.

— Слева направо, — быстро перечислила она: — Бетти, Корин и Нарцисс. Пусть они не запускают коготки в ваши сердце. Девочки, запомните, что на сегодня он мой.

Девочки были роскошно одеты и сильно накрашены: одна рыжая и две темно-платиновые блондинки. Ни одна из них мне не приглянулась. Глория тем временем подхватила мою руку своей обнаженной рукой с видом единственной хозяйки, что мне совсем не понравилось. Все девицы мило мне ухмыльнулись, рыжеволосая Паола улыбнулась и подмигнула мне заговорщицки, а Нарцисс, одна из блондиночек, сделала мне глазки.

Я, повинуясь своему лоцману, повернулся к мужчинам. Трое из них были во фраках, а четвертый, в коротком сером, американского покроя пиджаке с разрезами и в галстуке, где на желтом фоне торчали две оскаленные лошадиные морды. Высокий, хорошо сложенный, с устрашающих размеров массивной челюстью, с крохотными, так и уставившимися на меня глазами. Ему было лет двадцать пять — двадцать семь.

— Эдди, это мистер Коллинз.

Так вот он каков мистер Дикс. Он мне сразу не понравился.

— Хелло! Как поживаете? — одним гибким сильным движением он оказался рядом. Акцент у него был американский.

— Хорошо. Рад с вами познакомиться.

Он чуть приподнял губы в улыбке. Вышло у него это зло. Он продолжал:

— Отлично! А вот мои друзья: Джо, Берри и Луи.

Всем друзьям было лет по двадцать пять — двадцать семь.

Берри огненно-рыжий, коротконогий, с удивитель-

но чистой и белой кожей.

Джо — здоровый бык с такими же плечами, как у Дикса.

Луи — тоненький и стройный, с хризантемой в петлице, мерзавчик с усиками.

Кажется, они старались мне понравиться, но в этом не преуспели. Глория скользнула за импровизированную стойку бара.

— Кто что будет пить? Виски?

— Да, пожалуй.

Я осмотрелся. Стойка с разноцветными бутылками. Глория с серебряным шейкером, мягкие диваны и подушки. Современная мебель, показная роскошь, которая была повсюду. В углу стоял телевизор с экраном устрашающих размера.

— Вы хотите потанцевать со мной?

— Мне не до танцев.

— Может, все-таки потанцуем?

Глория вышла из-за стойки, и я обвил рукой ее талию. Она словно ждала этого и приникла ко мне всем телом.

Я чувствовал ее соски там, где материя расходилась лучиками, они методично дразнили меня, словно два очаровательных шаловливых зверька, вызывая неодолимое желание ласкать чудесные груди Глории, служившие их ложем. Запах волос Глории дурманил меня, ее бедра, живот касались моего тела словно с затаенным смыслом. Обнимая ее, я ощущал прохладу и нежность ее кожи, и невыносимо хотелось касаться ее все ниже и ниже. До чего же она была соблазнительна!

Я с честью выдержал два танца. С такой партнершей это было нетрудно. Она слушалась меня, как породистая лошадь жокея. Когда-то мы с Анни ходили на танцы, но, после того как я занялся гаражом, с этим было покончено.

Глория улыбнулась:

— Вы хорошо танцуете, не хуже Эдди.

— Это комплимент?

— Если хотите, да. Эд все делает хорошо, все, за что ни возьмется.

В данную минуту этот Дикс топтался около радиолы, держа за локоть Нардисс, и старался переступать ногами как можно чаще, ухитряясь оставаться на месте. Потом вся компания вернулась к бару за напитками, а я вспомнил Анни. Хорошо, что я не взял ее сюда, такую свежую, чистую в своем простеньком платьице. О чем бы она стала беседовать с этими разодетыми красотками? Эти девицы, вероятно, ночные

бабочки высокого полета. Что стоят голоса, фамильярность, раскрасневшиеся от виски лица, растрепанные прически... Черт возьми, а вдруг они в самом деле обыкновенные шлюхи! А мужчины тоже были штучки: Берри, вероятно, бывший букмекер, Джо — отставной боксер, а вот Луи, конечно, это маленький альфонс.

Что касается Дикса, то здесь я остановился. Он, разумеется, американец. Глядя, как он жует резинку, на высокий стакан в крепкой руке, вытаращенные глаза — типичный гангстер из второстепенного вестерна.

Глория провозгласила:

— Гарри прекрасно танцует.

Дикс повернулся в мою сторону и приподнялся:

— Ага, вот как... Тогда я покажу ему один фокус. — Он прошел к камину и взял в руки кочергу, большую и тяжелую.

— Эд сейчас устроит представление, — Глория захлопала в ладоши.

Дикс быстрым движением сделал из кочерги петлю и так, быстро ее развязал.

— Повторить сумеешь, дружок?

Я отрицательно покачал головой.

Он швырнул кочергу обратно и вернулся к бару.

— Господи! Ну зачем нужно было ломать мою кочергу? И так все знают, что ты самый сильный на свете. — Глория сморщила свой носик.

— Помолчи, пока тебя не спросят.

— Как ты разговариваешь, Эдди, с дамой? Ты что, пещерный человек?

Неожиданно Дикс довольно фамильярно шлепнул Глорию ниже спины. Глория густо покраснела. Кровь ударила мне в голову, и я вскочил со сжатыми кулаками, чтобы... В ту же секунду Джо встал между мной и Диксом, а тот смотрел на меня, нагло ухмыляясь.

— Пусть не лезет со своими умными мыслями.

Глория хмуро посмотрела на Дикса:

— Ты, наверное, оставил на моем теле следы своей руки.

— Ну, давай-ка посмотрим?

— Прекрати наконец! Поставь-ка музыку, Джо, — парочки обнялись, и инцидент был исчерпан.

Глория скользнула в мои объятия.

— Он сделал вам больно?

Глория рассмеялась:

— Вы собирались начать драку? Гарри, вы бы проиграли. Там, в Америке, Дикс дрался с лучшими боксерами. У него необыкновенная реакция, и он очень сильный. Даже Джо, который был профессионалом, не

чикует с ним драться.

— Все равно я бы его ударил.

Она сжала мне пальцы.

— Я вам верю, Гарри, но Дикс пошутил. Он бывает порой резковат.

Мы опять танцевали, потом еще пили, опять танцевали, вино лилось рекой, как пишут в старинных романах. Возвращаясь после очередного танца, я находил свой стакан полным, и виски было прсотличнейшего качества.

В конце концов все напились до чертиков, и я в том числе. Одна из парочек затеяла ссору. Берри, который все время накачивал Нарцисс, видимо, решил, что она дошла до нужной кондиции, и отправился с ней в спальню.

Глория сжала кулаки.

— Эд, прекрати это безобразие! Они могут развлекаться где угодно, только не в моей спальне!

Дикс нехотя проворчал:

— Вечно ты со своей моралью.

— Если ты ничего не сделаешь, я сейчас же уйду отсюда.

Дикс что-то сказал Берри, и тот отпустил Нарцисс.

— Поговори лучше с Гарри, Дикс. Сейчас как раз время.

Дикс повернулся ко мне:

— Глория говорила о тебе. Я объясню, что тебе нужно будет делать на первых порах: там, в гараже, будет склад запчастей из сто пятьдесят наименований примерно. Ты будешь это сортировать и высылать по первому требованию. Пока будешь получать десять процентов от общей суммы, а потом, возможно, больше.

— А сколько это будет?

Он закрыл глаза.

— Ну, когда как. Уж не меньше 50 фунтов в неделю.

Дикс сидел рядом, и я не смог скрыть удовольствия от возможности получить такую сумму.

— Завтра я заеду, чтобы посмотреть помещение. Если мне подойдет, то мы будем работать вместе. Пока же не могу обещать ничего определенного. Ну, как? Устраивает мое предложение?

Перспектива работать с таким вспыльчивым и сильным парнем меня совсем не прельщала. Вообще в нем было что-то такое, что настраивало против него. Но пятьдесят фунтов в неделю примирили бы меня с таким неудобством, они сразу бы разрешили мои за-

трудности. Ради этого стоило терпеть его наглую физиономию.

— Согласен. Что я должен делать?

— Стараться. Если будешь стараться, то мы поладим. Если же нет — привет.

Мы вернулись к гостям. Все мирно играли в карты. Я посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Анни, вероятно, уже дома. Как быстро прошел вечер!

— Мне надо идти.

— Пусть сначала уйдут гости, а ты выпей еще.

— Но я не могу больше оставаться.

— Глория, дай парню что-нибудь выпить. — Дикс поднял свой стакан. — За успех всяческих начинаний. Мы сработаемся, дружок. Это идея Глории, а у нее ума палата.

— Мне пора, уже поздно.

— Ба! Мы с Глорией едем в клуб. Поехали с нами.

— Но у него жена. Подожди, Эд, вот женишься и узнаешь, каково являться домой не вовремя. Сразу станешь паинькой.

— Не волнуйся. В своей семье я буду хозяином.

— Я провожу, — Глория вывела меня в пустой холл.

Перед уходом Дикс так стиснул мне суставы, что раздался хруст. Он похлопал меня по плечу.

— Вы ему понравились. Он не всем пожимает руки. Вы определенно произвели на него впечатление. И... — она запнулась, — и на меня тоже.

Ее глаза так сияли и она была так желанна, что я не выдержал и попытался привлечь ее к себе.

Глория попыталась освободиться, и от резких движений, неожиданно из плена платья вырвалась одна из ее грудей с темным упругим соском, представ передо мной во всем своем великолепии.

Глория поспешно, с очаровательным смущением прикрыла ее материей. Но мне все-таки удалось поцеловать Глорию.

Боже! Как она умела целоваться! Как умела! Губы ее, сначала твердые, узкие, потом вдруг подались, и я ощутил ее быстрый жаркий язык и холодок ровных зубов. Потом медленно, словно нехотя, она оторвалась от меня. Сверкнули глаза, опустился мрак ресниц.

— Спокойной ночи, Гарри!

Дверь бесшумно закрылась, и я остался в грустном одиночестве рядом с геранью в горшках.

На небе сверкали звезды.

ГЛАВА 5

Маршируя по вечернему городу, я обдумывал план кампании. Мне сильно мешал запах кожи Глории, ее рот, трепетавший под моими губами, податливое и не-покорное тело, ее груди, торчавшие по-козьи в разные стороны. Все это проносилось в моей голове, еще не отрезвевшей после забористого виски Дикса.

В конце концов не я первый и не я последний. В мире каждый день случаются подобные истории. Она хочет меня, а я хочу ее больше всех женщин мира. Мне кажется, что я стану круглым дураком, если упущу ее. И если Анни ничего об этом не узнает, а уж я постараюсь, чтобы вышло именно так, то какой от этого вред. Если глаз не видит, то сердце не болит. Переспи с Глорией и покончим с этим. Живи себе спокойно и развлекайся с женой. Я не обольщался: любовью здесь и не пахло, это был просто голос плоти, а она кричала — возьми меня. А потом мы красиво разойдемся. Мне или ей. Анни ничего не будет знать, а я получу самую лучшую женщину в мире и потом оставлю ее, но только потом.

Идя уже по Голливуд-стрит, я стал думать об Анни. Она славная, и я люблю ее больше всех. Эта история не внесет ничего нового в мои чувства к ней. Следует только быстрее пересечь с ней и все. Это так просто.

В спальне горел свет. Анни сидела на постели в ночной рубашке с распущенными и расчесанными на ночь волосами. Глаза у нее были серьезные и заплаканные.

— Вот я и вернулся.

— Да, Гарри.

— Понравился тебе фильм?

— Так себе.

Я чувствовал себя властелином мира.

Погоди, крошка, сейчас ты перестанешь смотреть на меня такими осуждающими глазами.

— Мне надо покаяться, Анни.

— Может, завтра? Ты, наверное, устал?

— Мне не звонили клиенты сегодня. Я солгал.

Она спокойно кивнула:

— Я знаю это, Гарри.

— Знаешь?!

Это заявление испортило мне сюрприз.

— Откуда ты знала?

— Неважно.

— Ты напрасно думаешь всякие гадости, слышишь, Анни! Я просто не хотел говорить заранее, чтобы не

спугнуть удачу.
лучиться...
Анни все еще тре
не так испуганно.
— Не понимаю, о
— Разумеется, не
что придумаю что-ни
ся из долгов. И я п
ния, которая занимас
И когда я ремонтиро
пообещал поговорить
пать лампы и встрет
ворчив, но в конце
позвонил мне — это
слегка выпить, слова
если он согласится,
тов в неделю. Тол
Теперь ты сможешь
только захочешь.
Она по-детски во
— Ах, Гарри, ка
теперь все в порядк
умный! У нас все бу

Когда я уже от
дверях гаража за рул
Я все утро себ
сковородке, дрожа о
Я даже переодел
Дикс сидел за
Рядом с ним сидел
Галстук Дикса,
ка, казался неумест
он вообще был ни
жак и мягкая шляп
Вся компания
терского фильма.
скакивать из автом
взять шайка отстав
Голливуд!
— Эй, там, сал
кальства, держа ру
сеть?
— Да, десять ш
— Но тут темно

спугнуть удачу. Кто знает, ведь могло ничего не получиться...

Анни все еще тревожно смотрела на меня, но уже не так испуганно.

— Не понимаю, о чем ты?

— Разумеется, не понимаешь. Я тебе уже говорил, что придумаю что-нибудь, что поможет нам выпутаться из долгов. И я придумал. Здесь есть одна компания, которая занимается телевизионными установками. И когда я ремонтировал тормоза одному клиенту, тот пообещал поговорить обо мне. Вчера я пошел покупать лампы и встретился с ним. Сперва он был несговорчив, но в конце концов согласился. А сегодня он позвонил мне — это был его звонок, — вот что значит слегка выпить, слова из меня лились рекой, — теперь если он согласится, то будет платить пятьдесят фунтов в неделю. Только подумать, пятьдесят фунтов! Теперь ты сможешь купить себе такие брюки, какие только захочешь.

Она по-детски всплеснула руками.

— Ах, Гарри, как ты меня сегодня напугал! Но теперь все в порядке. Я так рада, ты у меня такой умный! У нас все будет хорошо, пока мы вместе.

ГЛАВА 6

Когда я уже отчаялся его увидеть, он появился в дверях гаража за рулем голубого с красным "кадиллака".

Я все утро себя чувствовал, как на раскаленной сковородке, дрожа от возбуждения.

Я даже переоделся в свой лучший костюм.

Дикс сидел за рулем, положив руки на баранку. Рядом с ним сидел Берри.

Галстук Дикса, яркий, словно тропическая бабочка, казался неуместным в полумраке гаража, впрочем, он вообще был ни к месту. На Берри был серый пиджак и мягкая шляпа, надвинутая на глаза.

Вся компания казалась сошедшей с экрана гангстерского фильма. Манера резко открывать двери, выскакивать из автомобиля, щурить глаза — ни дать ни взять шайка отставных гангстеров на пикнике. Чистый Голливуд!

— Эй, там, салют! — Дикс стоял как монумент нахальства, держа руки в карманах. — А розетки здесь есть?

— Да, десять штук.

— Но тут темновато, э?

— Мы пользуемся переносными лампами, когда ремонтируем машины, но если нужен большой свет, то это можно устроить.

— Ну, мы потолкаемся и посмотрим что к чему, а потом зайдем в контору, ясно!

Немного разочарованный я прошел в свою конторку и уселся за стол. В это время Анни, разодетая в свое лучшее платье, просунула голову в дверь с сияющим личиком.

— Они уже приехали?

— Да, вот их машина. Хороша, не так ли?

Она стала оглядываться.

— Но он выглядит не как деловой человек.

— Он американец, а они все такие.

— Уж лучше бы он выглядел посолиднее. А кто тот, другой?

— Один из друзей, вероятно. Его зовут Берри, и больше я о нем ничего не знаю.

Анни отошла от двери, глаза у нее потухли. Ей явно было не по себе.

— А ты уверен, что они честные люди?

— Господи, что за вопрос?

— Есть в них что-такое такое...

— Дорогая, оставь. Это — дело мужчин. Я ведь не пристаю к тебе с советами в твоих делах. И набиваться им в друзья не хочу. Это — бизнес, и ничего больше.

Я взял ее за плечи и подтолкнул к двери.

— Иди наверх. Ты говоришь о них, как будто они жулики.

— Но, Гарри, ты же можешь не связываться с ними, а? Давай мы все обсудим...

Я чуть грубовато вытолкнул ее на улицу. Избавившись от Анни, я подошел к окну и стал еще раз изучать Дикса и Берри, стоявших у входа в гараж. Анни, разумеется, была права, эти люди не внушали доверия. Вспомнил я и тех девиц на вечеринке у Глории. Не совсем они шлюхи с панели, но весьма близки к этому. И зачем Глория связалась с этими девицами? Может быть, их привел Дикс, как и своих мужчин?

Повернувшись к дверям, я увидел Дикса, входившего в контору со своей наглой и развязной улыбкой.

Он бесцеремонно заявил:

— Да тут у тебя, дружок, как в норе у братца кролика.

— А почему здесь должно быть лучше?

— Ну, не сердись, друг.

Он уселся за стул верхом, достал пачку сигарет,

дал мне прикурить

— Ну, что вы реш

— Садись, приятель

У меня тревожно

фунтов! Я уже придум

редь, а что подождет.

— Я говорил, что

и взять в аренду помещ

жу, что ничего не пол

да или даже больше, ч

— Так долго я не м

деньги. Будем считать,

— Я не собираюсь

хочу арендовать часть

аренду пятнадцать фу

себе пепельницу и ст

предложение? Устраив

Я уставился на не

— Почему вы хоти

будет только через го

— Видишь ли, пр

ходится далеко и мне

роить маленькое бюр

будет экономить врем

бе. 15 долларов в нед

— Да. Какая помо

— Пойдем, покаж

еще тридцать футов в

— Это не совсем

задней части гаража,

и вам мешать, и вы

Дикс покачал гол

— Мне нужно б

Наша установка буде

жения в условиях д

больше машин. Я

обычно ты не получи

Он был прав. М

фунтов, включая на

получить пятнадцать

вал пятьдесят, не о

было бы не получить

— Я могу чем-ли

— Нет. Это для

Берри и Льюис.

Мне вдруг стало

но посматривать на

он перебрал.

дал мне прикурить и закурил сам.

— Ну, что вы решили?

— Садись, приятель, и мы потолкуем.

У меня тревожно застучало сердце. Пятьдесят фунтов! Я уже придумывал, что купить в первую очередь, а что подождет.

— Я говорил, что собираюсь устроить здесь склад и взять в аренду помещение. Но я все обдумал и вижу, что ничего не получится. Нам потребуется полгода или даже больше, чтобы все устроить.

— Так долго я не могу ждать. Я рассчитывал на эти деньги. Будем считать, что у нас ничего не получилось.

— Я не собираюсь ставить вопрос именно так. Я хочу арендовать часть этого помещения и платить за аренду пятнадцать фунтов в неделю. — Он подвинул к себе пепельницу и стряхнул в нее пепел. — Как это предложение? Устраивает?

Я уставился на него.

— Почему вы хотите снять помещение, если склад будет только через год?

— Видишь ли, приятель, наше основное бюро находится далеко и мне это очень неудобно. Я хочу устроить маленькое бюро в порядке эксперимента. Это будет экономить время мне и поможет выпутаться тебе. 15 долларов в неделю устраивает?

— Да. Какая помощь вам нужна?

— Пойдем, покажу. Мне нужен участок с окном и еще тридцать футов вглубь.

— Это не совсем удобно. Вам лучше устроиться в задней части гаража, а здесь будут заезжать машины и вам мешать, и вы мне тоже будете мешать.

Дикс покачал головой:

— Мне нужно быть как можно ближе к улице. Наша установка будет проверять устойчивость изображения в условиях движения. Мне нужно как можно больше машин. Я плачу пятнадцать фунтов, хотя обычно ты не получил бы и пяти за эту дыру.

Он был прав. Моя обычная такса составляла пять фунтов, включая налоги и плату за свет. Конечно, получить пятнадцать фунтов после того, как планировал пятьдесят, не очень-то хорошо, но гораздо хуже было бы не получить ничего.

— Я могу чем-либо помочь,

— Нет. Это для специалистов. Тут будут работать Берри и Льюис.

Мне вдруг стало не по себе, и я стал подозрительно посматривать на Дикса. Тот сразу понял, что здесь он перебрал.

— Если тебе не нравится, приятель, то можешь не соглашаться. Я плачу семьдесят пять в месяц и могу хоть на голове здесь стоять. Это мой бизнес, ясно? Хочешь ты этим заниматься? Да или нет?

Я колебался. Имея семьдесят пять фунтов в месяц, можно было уплатить долг Биллу и уловлетворить самых настойчивых кредиторов. А если Берри и Льюис начнут здесь шалить, то можно с этим и покончить. Хозяин-то здесь я.

Странным стало лицо этого человека, когда я сказал, что согласен: смесь затаенного триумфа и радостного ожидания.

— И потом еще одно: мне не нужна реклама. Это пока секрет, чем мы будем тут заниматься. А те, кто будет совать свой нос куда не следует, пусть на себя пеняют. Голову сверну! После я привезу сюда электрооборудование, станок и светильники.

— Вам нужна электроэнергия?

Он успокаивающе ухмыльнулся:

— Пришлешь мне счет, приятель. Я сам буду платить. Хочешь получить деньги вперед?

— Можно и в пятницу.

Дикс достал из кармана пачку банкнот величиной с кулак и отделил три бумажки по пять фунтов.

— Положи это в свой бумажник и не плати за них налог. Твоей бумажки мне не надо. Зачем мне она? Я все равно не плачу диким.

— Спасибо.

Я прошел вместе с Диксом к выходу, где Берри уже отметил мелом нужное место. При нашем появлении он начал вопросительно коситься на Дикса.

— Пойдет, пойдет.

Дикс все еще ухмылялся.

— Приготовь тут все к пятнице. О, вот и машина Глории. Зверь, а?

— Тигр, — мрачно ответил я.

Дикс еще шире улыбнулся.

— Через год у тебя будет самое прибыльное агентство в Вест-Энде.

— Будем надеяться.

— Пока, дружок.

Они уехали. Я вернулся в контору и мрачно уставился на пепельницу. Все было бы хорошо, но дал голову на отсечение, эта троица и рядом не была с электроникой. Тогда зачем весь этот цирк? В ушах у меня все еще гудел бас: "не хочу, чтобы всякие совали свой нос куда не следует".

Я стал уже совать нос, и мне дали понять, чтобы

я этого не делал. В конце концов мне хорошо платят, а остальное меня не касается.

Анни возникла в конторе, ступая на цыпочках.

— Я видела, как они уехали.

— Возможно, я тебя разочарую, — я посадил ее на колени и слегка приласкал, — но наше дело не получилось.

— Как хорошо! — Эти слова меня взбесили. — Знаешь, мне эти двое не понравились.

— А ты могла бы отнестись к этому по-другому. Мы сейчас с тобой не в таком положении, чтобы могли отказываться от денег, кто бы нам их ни платил. Они занимаются радио и снимают часть гаража под мастерскую. Будут творить здесь новую установку, а как только она попадет на рынок, здесь будет склад радиодеталей, и я стану компаньоном.

— Но сначала он говорил не так, он говорил, что...

— Но ему ведь надо держать в секрете свою работу. Ты же слыхала о промышленном шпионаже.

Я защищал Дикса, но в глубине души мне самому эта история не нравилась.

— И потом, хватит. Он будет платить мне по пятнадцать фунтов в неделю, и мне наплевать, есть ли у него деньги на эту штуку или нет. Это не мое дело.

— Шестьдесят фунтов в месяц! — Анни была будто довольна, но сомнения ее не оставляли, и сбить с толку мою старушку было не так просто. — Отдай назад им деньги, Гарри. Они не деловые люди, здесь что-то не чисто.

— Ну, что ты, Анни! Ты же сама знаешь, как нужны нам эти деньги!

— Такие деньги нам не нужны!

— Ты сама не знаешь, что говоришь. Что тебе не понравилось? Что у него яркий галстук?

Анни вскочила и уставилась на меня.

— Галстук — это ерунда. Но какой дурак станет платить такие деньги за твой гараж? Не так ли? Почему он не снял пустой магазин на углу за шесть фунтов? Почему он приехал сюда?

Я тоже начал злиться.

— Не лезь не в свои дела. У меня куча счетов, по которым надо платить. А чем? Эти деньги нам очень кстати и из-за твоих женских штучек я не откажусь от них, пятнадцать фунтов на дороге не валяются. Дела веду я, а твое дело — готовить обед.

— Но, дорогой...

— Замолчи.

Анни покорно ушла на кухню. Я взял деньги и подержал их в руках. Самое время показать, кто в доме хозяин.

Около шести, когда я уже собирался уходить, вошел Билл, приветствуя меня как обычно:

— Привет, дружище!

Он помог мне закрыть двойные двери.

— У нас немного работы, и вот я решил заглянуть к тебе. Вот на следующей неделе будет работа, но об этом молчок!

— Зайдем в контору, я могу вернуть тебе часть денег

— Я не тороплюсь с этим, Гарри.

— Но я не могу долго ходить в твоих должниках, и мне повезло немного, кроме того.

— Наконец-то, вовремя, надо сказать.

— Одна фирма арендует у меня часть гаража и за это платит мне пятнадцать фунтов в неделю наличными.

Билл присвистнул:

— И верно, везет. А может, я подожду?

— Нет, возьми, — я протянул ему деньги.

— А что там у тебя было в субботу?

— А, вот ты о чем. Я не хотел говорить раньше времени Анни. Я ездил договариваться с этой фирмой. Анни я потом все рассказал.

У Билла был забавный вид.

— Ты заставил нас изрядно поволноваться, но я рад, что все устроилось. В конце концов тут есть пустой магазин.

Этот магазин уже начинал мне действовать на нервы.

— Я знаю, мне Анни говорила об этом. Это их дело, где арендовать помещение.

Он заметил мое раздражение и переменил тему:

— Тебе повезло. А как, кстати, название фирмы? И вообще, что они за люди?

Я вдруг со страхом понял, что не знаю ни того, ни другого.

— Парня зовут Дикс. Эд Дикс. Он делает новую телевизионную установку, и это пока секрет, так как она в стадии разработки.

— Но как же называется фирма?

Я почувствовал, что́ краснею.

— Они — небольшая фирма и только еще начинают.

— Ну, коли платят большие деньги за гараж, то они долго не протянут. Правда, они, наверное, знают, что делают. Возможно, это утка, чтобы не платить налогов.

— Вот и я так считаю.

Он почесал нос, и на его лице появилась виноват-

...тая улыбка.
— Анни тогда очень
...ше не врал, Гарри, а?
Я вновь почувствовал
— Опять ты за свое.
...ль, тебе не надо об этом
Билл окончательно с
— Тебе лучше знать
...увшимся. Привет!
Выходя из гаража, о
— Ого! Уже здесь. Б
...чина на такую клюнет.
— Неужели?
— За такой нужен
рассчитывать, я за ней
у меня руки чесал
...ся.
— А мне хватает мо
— Это она познаком
— Что ты имеешь в
Во мне все кипело
— Это ведь ясно,
обмануть вчера. Ты х
девица надует тебя пер
— Слушай, Билли!
уходи!
— Ты встретился с
тебя этому парню. Ве
И ты по уши в нее
себя в руки. Подумай
а ведь эта девица не с
женатому все это? Зач
Я ударил Билла. Н
всем забыл, что он бы
шем батальоне. Он п
показалось, что у мен
...лампа. Я рухнул на п
— Прости, но ты с
Он поднял меня з
— Уходи отсюда!
— Прошу извинен
Я пошел обратно
— Гарри, постой...
Я хлопнул дверью

тая улыбка.
— Анни тогда очень волновалась. Ты бы ей больше не врал, Гарри, а?
Я вновь почувствовал раздражение.
— Опять ты за свое. Мы уже все с Анни обсудили, тебе не надо об этом волноваться.
Билл окончательно смутился:
— Тебе лучше знать, дружище. Ну, я пошел, еще увидимся. Привет!
Выходя из гаража, он натолкнулся на "ягуар".
— Ого! Уже здесь. Вот это женщина! Любой мужчина на такую клюнет. Я, сам клюнул.
— Неужели?
— За такой нужен глаз да глаз. Можешь на меня рассчитывать, я за ней буду приглядывать.
У меня руки чесались ударить его, но я сдержался.
— А мне хватает моего гаража.
— Это она познакомила тебя с Диксом?
— Что ты имеешь в виду?
Во мне все кипело от ярости.
— Это ведь ясно, Гарри, ты ведь не сумел меня обмануть вчера. Ты хотел обмануть Анни, но эта девица надует тебя первого.
— Слушай, Билли! Или говори все начистоту, или уходи!
— Ты встретился с ней вчера, и она представила тебя этому парню. Ведь так? Это же и дураку ясно. И ты по уши в нее втрескался. Но тебе надо взять себя в руки. Подумай об Анни. Ей будет это тяжело, а ведь эта девица не стоит ее пальца. Ну, зачем тебе женатому все это? Зачем она тебе?
Я ударил Билла. Но он не остался в долгу. Я совсем забыл, что он был чемпионом в своем весе в нашем батальоне. Он попал мне в подбородок, и мне показалось, что у меня перед глазами зажглась белая лампа. Я рухнул на пол. Билл наклонился ко мне:
— Прости, но ты сам напросился.
Он поднял меня за руку. Я яростно оттолкнул его.
— Уходи отсюда!
— Прошу извинения, Гарри...
Я пошел обратно в контору.
— Гарри, постой...
Я хлопнул дверью что было сил.

ГЛАВА 7

На следующее утро около семи явился Берри с тремя рабочими и инструментами. Я старался держаться подальше от них, так как во мне кипело раздражение. Билл и Анни со своей назойливой покорностью выводили меня из себя. И потом я очень ждал Глорию.

Приедет ли она сегодня на своей машине? Увижу ли я ее? Мне хотелось опять ощутить запах ее духов и увидеть мерцающие глаза.

Ко всему прочему я понимал, что если даже Билл смог понять многое, то Анни, если захочет посмотреть поглубже, тоже все поймет, а что потом будет...

Разумеется, шум, который подняли эти рабочие, устанавливая стенку и верстаки, не способствовал успокоению моих нервов, но, надо отдать им должное, дело они свое знали, и к вечеру всякая деятельность прекратилась — все было готово. Стенка стояла так, как будто она стояла здесь уже вечность, да и верстаки были на месте. Около шести я решил поговорить с Берри, но он был не в ин гросин

— Когда Дикс чего-то хочет, он это имеет. К пятнице все должно быть гот

— И будет?

— Разумеется.

— Я все не могу как называется ваша фирма?

— Спроси у Дикса са он скривился, — я тут человек маленький. Ну, я

— Может, посидим, здесь есть одно местечко за углом...

— Спасибо, но у меня свидание.

Он стал приводить в порядок свою одежду, потом пошел к машине, которая стояла рядом с "ягуаром".

— А где сейчас Глория?

— Кто?

Я покраснел, словно девушка:

— Глория Селби.

— Видел ее в субботу. А что?

— Ничего. Она не часто пользуется машиной?

— А ты хотел бы продавать ей бензин?

Я принужденно рассмеялся:

— Жалко, пропадает хорошая машина.

— Это не наше дело. Пока, приятель.

И он укатил, оставив меня злиться в одиночестве. И надо же было мне, дураку, говорить с ним о Глории! Мне стало так невмоготу, что хоть вешайся. Тогда я взял телефонный справочник и нашел номер

Глории. Потом подошел к двери и прислушался. Анни что-то делала на кухне. Я слышал, как она ходит наверху. Тогда я набрал номер. Вдруг кто-то стал спускаться вниз, и я в панике швырнул трубку. Вошла моя жена.

— Я хотела взять расходную книгу и посмотреть, пока готовится жаркое.

— Там, под бумагами, — я не смотрел на нее. — Пожалуй, на сегодня хватит. Пойду дверь запру.

Я уже поднялся до середины лестницы, когда зазвонил звонок.

Обернувшись так резко, что чуть не свернул себе шею, я стремительно бросился вниз, еле удерживаясь от того, чтобы не прыгать через две ступеньки.

— Да?

Я увидел, как нахмурилась Анни:

— Алло, алло...

Анни аккуратно положила трубку, пожав плечами. Господи, ну зачем ей потребовалось оказаться в конторе именно сейчас! Зачем вообще она оказалась здесь? Не глядя на Анни, я пошел к дверям гаража, а она шла следом.

А вдруг это звонила Глория? Узнала голос Анни и не стала с ней говорить. Закрывая гараж, я заметил, как Анни жалобно смотрит на меня из-под длинных ресниц. Она заговорила совсем тихо:

— Дорогой, у нас что-то не так, правда? Пусть снова все будет по-старому, хорошо? Если я вчера что-то сказала не так, то я только хотела сказать...

— Ну, хватит, Анни! Прекрати об этом! Все в порядке, слышишь?

Но она уже подставила свои губы для поцелуя. И именно в этот момент зазвонил телефон. Я почти оттолкнул ее, так мне хотелось взять трубку первым. И я ее взял, ворвавшись в контору и в спешке ударившись об угол стола.

— Да.

— Гарри... Это Гарри? Вы один?

— Да... Но...

— Мне скучно без вас. Давайте встретимся и пойдем в кино.

Мимо меня прошла Анни и стала подниматься по лестнице, потом я услышал, как наверху стукнула дверь. Я опять услышал голос Глории:

— Так, значит, у "Плаза", около восьми? Подходит?

— Да, я буду.

— А ваша жена? — она улыбнулась там, далеко.

Потом она повесила трубку.

У меня дрожали пальцы, когда я закуривал сигарету. Я не должен идти... Но я вспомнил губы Глории, когда мы поцеловались, и это было именно то, чего я хотел с того самого вечера.

Было десять минут седьмого. У меня еще оставалось время, чтобы помыться, переодеться и успеть к восьми часам на Бонд-стрит. Я пошел к Анни.

— Это был Дикс, Анни. Он хочет встретиться со мной ровно в восемь. Будут и другие ребята, которых надо повидать по делу. — Я был трезв и врать Анни мне было трудно. — Ты слышишь, Анни? — я старался не смотреть на нее. Я повысил голос, снимая рубашку. — Мне придется уйти сегодня после ужина.

— Слышу, — она промолчала это, не вставая из-за стола.

Я прошел в ванную. Помывшись и переодевшись, я вернулся в кухню. И зачем мне только понадобился этот ужин? Надо было сразу уходить: мне кусок в горло не лез.

— Как вкусно у на[illegible]. Ну, не хмурься, дорогая! Эти ребята т[illegible] заходят к Эдди, вот он и позвонил. Мне [illegible] уйти ненадолго. — Я разрезал пирог с румя[illegible]кой. — Ну, Анни не будет скучать, если се[illegible]т ненадолго по делу?

Анни подняла гла[illegible] отшатнулся, столько в них было ненависти и [illegible]ей.

— В конце концов ты [illegible] равно уйдешь, нравится ли мне это или нет. Ты думаешь, что можешь меня обмануть? Нет, Гарри, не настолько я глупа!

— Ну, что ты, Анни! Просто ты со своими подозрениями. В кои-то веки у меня появилась возможность подзаработать, чтобы помочь, между прочим, и тебе, а ты придираешься к галстуку Дикса.

— А эта Селби, подруга Дикса? Ведь это она тебя свела с ним? Только не говори, что это не так!

— Оставь Глорию в покое. Она-то здесь при чем?

— Но ведь это она тебе сейчас звонила, а совсем не Дикс. Не надо обманывать!

Я почувствовал опасность и приготовился к атаке.

— Но, послушай, дорогая...

— Если ты хочешь ее, то можешь и уходить к ней, удерживать тебя не стану. Я не могу быть с тобой, пока ты ее хочешь!

Здесь я испугался не на шутку.

— Анни! Опомнись, что ты говоришь! Ты для меня — все! А потом, ты неправильно поняла... подумай сама. Ведь... ну, как тебе...

— Не пугайся, Гарри, я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Может она и осчастливит тебя.

— Ну, прекрати, Анни, в самом деле! Если дело дойдет до выбора, то для меня ты на первом месте. Я никуда не пойду. Я не хочу причинить тебе горе, Анни!

— Я не хотела тебя пугать, Гарри. Я просто хотела убедиться, что ты меня еще любишь. Если нет — скажи сразу. Я сама могу о себе позаботиться. Но делить тебя я ни с кем не собираюсь и не буду.

— Для меня Глория ничего не значит, поверь. Конечно, она весьма привлекательна, и, может быть, я пару раз на нее нескромно взглянул, но это больше не повторится никогда! Никогда!

Анни вдруг закрыла лицо руками и заплакала, смахивая слезы ладонями. Я ее крепко обнял, она стала вырываться.

— Это надо решить раз и навсегда. Не позволяй ей испортить нашу жизнь. Мы с тобой построили наш дом, а ведь разрушить его можно гораздо быстрее, чем построить!

— Это больше никогда не повторится, Анни, девочка моя дорогая!

Она тотчас же прижалась ко мне мокрым от слез лицом и проговорила:

— Я верю, милый. Но не обманывай меня больше. Если я смогу помочь тебе чем-либо, скажи мне. Я ведь тебя люблю!

Я взял Анни на руки и отнес ее в спальню на кровать.

— Анни, — ты для меня, единственная. Я по тебе с ума схожу... я так устал от всех этих неприятностей... соскучился по тебе...

— Гарри, но твой ужин?

— Мне не до ужина!

— Дай, я сама... ты только все порвешь... помоги расстегнуть, не научился расстегивать, а еще к другим собираешься... ох!

Часы на ночном столике показывали двадцать минут восьмого, когда телефон начал звонить. Анни съежилась, и ее пальцы впились мне в плечо.

— Ответь, Гарри.

— Пусть звонит.

Так мы лежали рядом и прислушивались к стуку наших сердец.

— Это, наверное, важный звонок.

— Ты важнее.

Телефон звонил долго, но я перестал его замечать — пусть звонит.

ГЛАВА 8

Сидя в конторе на следующее утро, я понял, что был круглым идиотом. Я чуть было не разрушил семейную жизнь из-за малознакомой девушки. Я все время думал, что никто ничего не узнает, и Билл и Анни сразу все поняли. Да, я, наверное, спятил.

Ну что же, теперь с этим покончено! Анни, к счастью, привела меня в чувство. Если бы у нее хватило на это смелости, наша жизнь дала бы трещину. Я отодвинул стул. Интересно, что подумала Глория, когда я не явился на встречу? Что меня не пустила Анни или я сам не захотел? Но не все ли равно, что она подумала? Ей надо во всем винить себя. И вообще пусть забирает свою машину и едет на ней хоть к Диксу, хоть к черту!

Рабочие под руководством Дикса трудились вовсю, они уже устанавливали дверь.

— Кажется, вы сегодня закончите?

Берри пожал плечами.

— Работы внутри закончить не удалось, — он весьма существенно удалил[illegible].

Поняв намек, я пошел к Тиму и помог ему установить магнето.

Позже приехал на своем "бьюике" Джо и привез два больших тяжелых чемодана. С ним был Луи. Войдя в свою конуру, они точно так же заперлись на ключ.

Я все ждал, что хоть на минутку появится Глория, но ее не было, и мне становилось не по себе. Каждый раз, когда звонил телефон, я вскакивал и бросался к нему, к моему разочарованию, звонили по другим делам.

Берри появился у меня в конторе около пяти вечера.

— Мы собираемся работать допоздна, часов так до десяти.

— Хорошо. Я закрою, и, когда вам будет нужно, вы постучите. Как идут дела?

— Нормально. — Он ушел к себе и закрылся там.

Анни встретила меня с улыбкой:

— Сейчас будем ужинать.

— Хорошо. Я приму душ.

Стоя в ванной под душем, я принялся гадать, что ца не работники радио, ясно как день. Теперь я пожалел, что связался с Диксом, и понимал, что это агентство никогда не появится на свет. Мне заплатили хорошую цену, но почему Дикс так стремился попасть в мой гараж? То, что он не стал снимать пустой ма-

глзин на углу, только ... совало место, а не сам ... кируют вооруженный ... почти не имеет выруч... крыть свой магазинчик... лову! Однако сегодня н... ма дверь и посмотреть, ... За ужином Анни за... тери завтра. Я вздрогну... мэтери погостить на до... крутились вокруг Глор... запустила свои коготк... лагал сначала.

— Я совсем забыл... простуженный.

— Если ты не хоче...

— Но ведь она тебя...

— Я могу послать ...

Я нахмурился:

— Ну зачем, ради ...

— Да, но... — здесь...

Мы замолчали, а я...

— Ты мне не довер...

— Да, пожалуй, но...

— Но этого никогд...

— Хорошо. Ты ве... Биллом.

Когда Анни усжа... лись по-холостяцки ... бавляя это занятие ... меня с ребятами, по... читься и с которыми ... но я ждал этих вече... клуба. Но Анни я пос...

— Я с ним поговор...

— Я не видела Би...

— Нет. Почему т... понедельник.

Я, конечно, видел... стороне улицы, но бо... раж. Я на него злился...

Около десяти Бер... дат.

Я пошел закрыть ... за рулем.

— Завтра увидимс...

лись как угорелые.

Я подошел к ...

газин на углу, только доказательство, что его интересовало место, а не сам мой гараж. А вдруг они планируют вооруженный грабеж? Табачная лавка рядом почти не имеет выручки, а часовщик собирается закрыть свой магазинчик. И чего только не лезет в голову! Однако сегодня ночью стоит попытаться открыть их дверь и посмотреть, что они там творят.

За ужином Анни заявила, что хочет поехать к матери завтра. Я вздрогнул. Каждый месяц она ездила к матери погостить на день-два. И сразу мои мысли закрутились вокруг Глории. Ничего не подсластишь, она запустила свои коготки значительно глубже, чем я полагал сначала.

— Я совсем забыл... — голос у меня был сиплый и простуженный.

— Если ты не хочешь, я не поеду.

— Но ведь она тебя будет ждать, как всегда.

— Я могу послать ей телеграмму.

Я нахмурился:

— Ну зачем, ради бога. Ты ведь всегда ездила.

— Да, но... — здесь последовала неловкая пауза.

Мы замолчали, а я покраснел.

— Ты мне не доверяешь?

— Да, пожалуй, но пойми...

— Но этого никогда больше не будет.

— Хорошо. Ты ведь, кажется, пойдешь в клуб с Биллом.

Когда Анни уезжала, мы с Биллом обычно отправлялись по-холостяцки в клуб и гоняли там шары, разбавляя это занятие коктейлями. Это вновь сводило меня с ребятами, по которым я уже успевал соскучиться и с которыми я встречался после войны. Обычно я ждал этих вечеров, но теперь мне было не до клуба. Но Анни я пообещал:

— Я с ним поговорю.

— Я не видела Билла с субботы. Вы поссорились?

— Нет. Почему ты так думаешь? Он приходил в понедельник.

Я, конечно, видел Билла время от времени на той стороне улицы, но больше он не заходил ко мне в гараж. Я на него злился, но был согласен помириться.

Около десяти Берри крикнул снизу, что они уходят.

Я пошел закрыть за ними дверь. Луи уже сидел за рулем.

— Завтра увидимся, — буркнул Берри, и они умчались как угорелые.

Я подошел к закрытой двери. Открыть ее будет

нетрудно, надо только вывернуть шайбу. Я подошел к верстаку, чтобы взять отвертку, как вдруг услышал слабый шорох за дверью.

В гараже было полутемно. Я на цыпочках подкрался к двери и замер. И тут я вспомнил, что не видел в машине Джо. Уехал ли он раньше или прячется здесь за закрытой дверью? Приложив ухо к панели, я услышал слабый скрип. Внутри кто-то был. Я налег плечом на дверь и потряс ее.

— Есть здесь кто?

Последовало молчание. Потом я снова потряс дверь. Я был уверен, что там сидит Джо и старается не сопеть носом. Тогда я положил отвертку на место и выключил везде свет. Потом поднялся в квартиру. Анни была в ванной.

— Они уехали, милый?

— Да, я все там запер. Кажется, собирается дождь. — Я ничего не стал говорить Анни о своем открытии.

— Я почитаю газету, — сказал я жене.

Услышав, как в ванной опять заплескалась вода, я вновь спустился вниз. Я услышал, как чиркнула спичка, и уловил запах сигареты.

Очевидно, человек просто — просто сидел в темноте и курил сигарету, не зная? Может, они боялись, что я к ним полезу и оставили Джо охранять?

Лежа рядом с Анни, я смотрел в окно. Хотя дождь перестал, занавеси были закрыты. Улица была пустынной.

Завтра вечером я буду один. Мне не удалось выбросить мысли о Глории, да и не хотелось. Лениво я представлял себе, что раздеваю ее, глажу, трогаю за грудь... Возможно, Глория и говорить со мной теперь не захочет, так все некрасиво получилось. Все же попробую ей завтра позвонить. Только позвонить и ничего больше. Объясню, что Анни обо всем догадалась, и больше я с ней встречаться не могу. Это просто будет вежливость. И я заснул.

Должно быть, я проспал часов пять или шесть. Когда я открыл глаза, уже светало. Я услыхал, как заводят мотор машины и подумал о Джо. Я выскользнул из кровати и, подойдя к окну, отодвинул занавеску. На противоположной стороне улицы стоял фургон. Рядом с ним стояли двое мужчин. И еще там был Билл. Он кивнул им, когда они садились внутрь. Затем он сделал заметку на листе, предварительно сверившись с часами.

Я машинально тоже посмотрел на часы. Была по-

ловина третьего.

Сонная Анни подняла голову от подушки.

— Что там?

— Спи. Мне послышалось, что подъехала машина, а это почтовый фургон.

Лежа рядом с Анни и проваливаясь в сон, я вдруг услышал радостный голос Билла: "Иногда... ты не поверишь, мы перевозим ценности, и ваш покорный слуга будет сидеть рядом с шофером и следить, чтобы у мальчиков не возникло плохих мыслей..."

А потом, прежде, чем мы с ним подрались, он сказал: "Пока у нас нет ничего ценного, но на следующей неделе у нас будет проходить важный груз. Но об этом пока молчок..."

Теперь мне было не до сна. А вдруг именно за этим грузом и охотится Диксон? Может быть, он вздумал ограбить почту? Тогда все встанет на свои места. Мой гараж как раз напротив почтовой конторы, а Джо там сидит, чтобы сверить графики передвижения фургонов.

Я вспомнил, как Диксон настаивал на том, чтобы занять окно, которое выходит на задворки в дробочную комнату конторы. А вдруг это так и есть? Тогда над Биллом нависла опасность, его могут убить. Ведь он не такой человек, чтобы быть пассивным зрителем в драке.

А я ведь тоже окажусь замешанным в эту историю, если полиция обнаружит, что мне платили шестьдесят фунтов в месяц за помещение, стоившее втрое дешевле. Полиция может решить, что я тоже из их шайки.

Первой моей мыслью было все рассказать Биллу, но потом я решил прежде посоветоваться с Глорией, рассказав ей о своих подозрениях. Заодно посмотрю на ее реакцию. А Биллу рассказать никогда не поздно, уж очень большим дураком я выглядел в этой истории рядом с Диксом.

А вдруг Глория тоже из этой шайки? Вряд ли. У нее есть свое дело, квартира, машина. Вероятнее, что она просто знакома с Диксом. Мне стало приятно от мысли, что я снова ее увижу. Только без глупостей, сказал я себе. Ты поговоришь с ней о Диксе и уйдешь, мило попрощавшись. И Анни пока об этом не стоит рассказывать.

Лучше это сделать после того, как проверю свои подозрения... И опять я увижу Глорию!

ГЛАВА 9

Анни поехала к матери после ленча. Провожая ее до двери гаража, я заметил, что на нас смотрит Берри. Но я не собирался представлять его жене, а он, по правде сказать, к этому и не стремился, даже повернулся к нам спиной, когда мы выходили.

Анни тихо сказала:

— Завтра в одиннадцать я буду дома. А ты что собираешься делать?

— Как всегда, пойду в клуб с Биллом.

Она поцеловала меня и улыбнулась уголками губ.

Вернувшись, я наткнулся на Берри, снисходительно созерцавшего эту картину.

— Холостяком остался?

— Да, она уехала к матери.

— Иногда и теще могут на что-то сгодиться. Ну, будь паинькой.

Чувствуя, что вот-вот взорвусь, я прошел в контору и, усевшись на стул верхом, набрал номер телефона Глории. Подождав несколько минут, я разочарованно положил трубку. Должно быть, она где-то в городе. В течение дня я звонил еще раз пять, но результат был тот же: к телефону никто не подходил.

Около шести часов дверь в контору отворилась, и ко мне ввалился, сияя медно-красной улыбкой, мой приятель Билл. Я его не ждал и растерялся.

— Гарри! Мы пойдем в клуб или куда?

Меньше всего на свете я хотел идти в этот клуб, но тогда Анни все сразу станет известно.

— Хорошо, Билл. В семь, как всегда.

— Мы еще успеем поужинать, — его радостный тон и выражение удовольствия в глазах окончательно испортили мне настроение.

В это время на пороге появился Берри и попросил спички. Билл, добрая душа, протянул ему коробок. Я счел нужным представить их друг другу.

— Это мистер Берри. Он работает в той радиофирме, о которой я говорил. А это мистер Метс.

Они пожали друг другу руки.

— Мальчики собираются гульнуть? — Берри улыбался так отвратительно, что чуть не свернул себе челюсть. Такая уж у него была физиономия.

— Да, на радостях.

— Я, кажется, видел вас на почте. Вы работаете в охранс, не так ли?

Билл подмигнул:

— Есть грех. Только что получил повышение.

—А что будет, если ножить оружие?

—Ну, конечно! У нас у вязке гранат и еще по пу ехать стать грабителем.

—Неправда. Я слышал, что молитвенник и псалтырь.

Теперь я убедился, что наче зачем бы Берри завел (ну необходима информация.

—Почему же вы тогда не дронс, как у нас в Шта оружием и сразу же пускаю

—Ну, у нас есть сюрпр стоять, — ответил Билл, на Берри и опять дружески

—А если у вас нет слишком поспешно сказал Правда, ничего особенного, дут девочки. Ну, как идейка

—Нет, нет, — тоже сли я, — у нас есть еще дела.

Берри пожал плечами.

—А то в любое время дут все наши и Дикс. И Гло

Я почувствовал тяжелый

—Спасибо, но вряд ли.

—Я должен вернуться и дружески кивнув, вышел.

Берри проводил его вз рано на пол.

Потом он заговорил со

—Как ты думаешь, он

—Насчет оружия? — Он на меня искоса.

—А что, это тебя страш деланно засмеялся,

—Ну, я пошел работат

—А зачем Джо снял з Берри еще больше скос

—Он работал.

—В темноте? Ты думае

—А почему бы и нет никаких помех, — сказал о на свою территорию. Когда ровно в семь п стали закрывать дверь га Джо опять сидит там

— А что будет, если на вас нападут? Разрешают вам носить оружие?

— Ну, конечно! У нас у всех по два автомата, по связке гранат и еще по пулемету, так что не пытайтесь стать грабителем.

— Неправда. Я слышал, что у вас в кармане только молитвенник и псалтырь. Верно?

Теперь я убедился, что мои подозрения верны, иначе зачем бы Берри завел этот разговор. Ясно, что ему необходима информация.

— Почему же вы тогда не ездите в бронированном фургоне, как у нас в Штатах? Там ребята ходят с оружием и сразу же пускают его в ход.

— Ну, у нас есть сюрпризы, за себя мы сумеем постоять, — ответил Билл, дружелюбно покосившись на Берри и опять дружески ему подмигнул.

— А если у вас нет никаких дел, — поспешно, слишком поспешно сказал Берри, — поедем ко мне. Правда, ничего особенного потанцуем и выпьем. Будут девочки. Ну, как идейка?

— Нет, нет, — тоже слишком поспешно возразил я, — у нас есть еще дела.

Берри пожал плечами.

— А то в любое время можете заглянуть. Там будут все наши и Дикс. Приходите тоже.

Я почувствовал тяжелый взгляд Билла.

— Спасибо, но время...

— Я должен вернуться на работу, — сказал Билл, и дружески кивнув, вышел.

Берри проводил его взглядом и стряхнул пепел прямо на пол.

Потом он заговорил со мной:

— Как ты думаешь, он пошутил?

— Насчет оружия? — Он стал чесать нос, поглядывая на меня искоса.

— А что, это тебя страшит, приятель?

Он деланно засмеялся, но глаза его стали злыми.

— Ну, я пошел работать.

— А зачем Джо сидел здесь ночью?

Берри еще больше скосил глаза, но ответил:

— Он работал.

— В темноте? Ты думаешь, я дурак?

— А почему бы и нет? Ночью приятно работать, никаких помех, — сказал он и величественно удалился на свою территорию.

Когда ровно в семь появился Билл и мы вместе стали закрывать дверь гаража, я наверняка знал, что Джо опять сидит там. Ну и бог с ним, пусть сидит.

если ему нравится.

Мы сели в автобус и отправились в Сохо, в маленький греческий ресторанчик, где умудрялись прилично кормить за небольшую плату. Это нас и устраивало, но я не такой дурак, чтобы рекламировать это место.

За ужином Билл вдруг заговорил о Берри.

— Этот твой знакомый не похож на специалиста по радио, а?

— А ты похож на охранника, а?

Он ухмыльнулся и посмотрел на меня как на полоумного.

— Кстати, между нами, Билл, у тебя есть оружие?

— Ничего у нас нет, кроме дубинки и кулаков. Но зато у нас есть одна штука, но о ней я не имею права распространяться.

— А что ты говорил о важном грузе в пятницу?

— Действительно, говорил, и вчера была проверка готовности. У нас в стране уже двадцать лет не грабили почтовые фургоны. Только в Штатах. А ты-то откуда знаешь про этот груз?

— Ты же сам мне сказал...

— Ах, да! Но не стоит говорить об этом.

— Я видел, как вы сегодня делали проверку. Услышал шум машины и подошел к окну. Вы сегодня это рано затеяли, а когда будет этот груз?

— Этого я тебе сказать не могу, потому что и сам не знаю. Без всякого предупреждения придется в один прекрасный день перевозить, и все! — ответил он и, переменив тему разговора, заговорил о футболе.

Из клуба мы с Биллом выходили в начале двенадцатого. Он с трудом удерживался, чтобы не зевнуть.

— Я сегодня рано встал и страшно хочу спать. Завтра у меня, слава богу, выходной. Ты, надеюсь, знаешь дорогу домой?

— Я-то знаю, а ты найдешь?

Он заулыбался во весь рот:

— Не волнуйся, Билл в полном порядке.

— Заснешь на ходу.

— Ни черта, дойду.

Мы расстались в конце улицы, и я поехал на Бонд-стрит. Я был у квартиры Глории около половины первого ночи. Света в окнах не было. Тогда, устроившись в нише между стеной и дверью, я приготовился ждать.

Прождав около получаса, я услышал шум подъезжающей машины. Высунув нос из своего угла, я увидел, что это подъехало такси и в нем Глорию. Одет

...на была элегантно, прос...
...ратно, стоило целую ку...
Глория стала рыться в с...
...же, прежде чем она их наш...
...ловой. Она резко пове...
— Это я, Глория, — голо...
...вления.
— Господи, что вы здесь
— Простите, что я так
...зло. Можно войти
...говорить, — сказал я.
— Но уже половина вто
...ы можете так поздно за
...смотрела на меня сквозь дл
— Это очень важно, — п
Вдруг Глория рассмеялас
— Ну, хорошо, Гарри.
...такой мне нравитесь.
Открыв наконец дверь,
...ленький холл, а потом под
...сколько ступенек, и мы о
Глория зажгла несколь
...ла приемник, поймав тихую
...ее вкрадчивый голос. Урове
...потянулась. Платье обрисов
...ло Глории, ее груди нат
...словно готовясь к прыжку.
— Ох, и устала я... Ты
— Нет, я ничего не хоч
...чу что хотел, безумно хо
— Не знаю даже, почем
...ак очень некрасиво ты себ
— Прошу прощения, но
— Так вот в чем дело
...ясно, как об этом узнают
...х них?
— Мне необходимо ска
— Попозже. Мне надо
...кой я только сниму плат
...У меня замерло сердце,
— Я... я останусь здесь
— Боитесь меня? — засм
— Может быть. Не хоч
Ничего не сказав, Глор
...Я честно старался не с
...ответить, но это мне удавало
...увидел Глорию, стоявшую
...кой был кружевной

она была элегантно, просто, но со вкусом. Денег это, вероятно, стоило целую кучу.

Глория стала рыться в сумочке, отыскивая ключи, но, прежде чем она их нашла, я очутился около нее на мостовой. Она резко повернулась.

— Это я, Глория, — голос у меня был хриплым от волнения.

— Господи, что вы здесь делаете так поздно?

— Простите, что я так поздно, но у меня важное дело. Можно войти на минутку? Нам необходимо поговорить, — сказал я.

— Но уже половина второго, — возразила она, — и вы можете так поздно заходить к девушке? — она смотрела на меня сквозь длинные ресницы.

— Это очень важно, — повторил я.

Вдруг Глория рассмеялась:

— Ну, хорошо, Гарри. Это, конечно, ложь, но вы такой мне нравитесь.

Открыв наконец дверь, она впустила меня в маленький холл, а потом поднялась за мной следом на несколько ступенек, и мы очутились в гостиной.

Глория зажгла несколько светильников и включила приемник, поймав тихую музыку, звучавшую словно вкрадчивый голос. Уронив накидку в кресло, она потянулась. Платье обрисовывало красивые линии тела Глории, ее груди натянули ткань, напряглись, словно готовясь к прыжку.

— Ох, и устала я... Ты не хочешь виски?

— Нет, я ничего не хочу, — сказал я и соврал, потому что хотел, безумно хотел Глорию.

— Не знаю даже, почему я с тобой разговариваю: уж очень некрасиво ты себя вел в тот вечер.

— Прошу прощения, но моя жена...

— Так вот в чем дело? — протянула она. — Интересно, как об этом узнают жены? Интуиция, что ли, у них?

— Мне необходимо сказать вам, Глория...

— Попозже. Мне надо переодеться. Пойдем со мной, я только сниму платье.

У меня замерло сердце.

— Я... я останусь здесь.

— Боитесь меня? — засмеялась Глория.

— Может быть. Не хочу неприятностей.

Ничего не сказав, Глория ушла в спальню.

Я честно старался не смотреть на открытую дверь спальни, но это мне удавалось довольно недолго. Потом я увидел Глорию, стоявшую перед большим зеркалом. На ней был кружевной прозрачный лифчик, который не

скрывал, а подчеркивал красоту темных сосков. Прозрачные кружевные трусики не скрывали ее тела.

Глория надела роскошный халат и направилась, переступая длинными ногами, в мою сторону. Халат был не застегнут, и в переливах оранжевого шелка я увидел смуглые бедра чуть покачивающиеся на ходу. Фигура Глории напоминала амфору, которая звала себя наполнить. Уже на пороге спальни она запахнула халат и перевязала его шелковым шнуром. Все виденное настолько повлияло на мои первоначальные "хорошие" намерения, что у меня кровь запульсировала в висках от страстного желания.

— Как ты очутился здесь так [illegible]но? — спросила Глория, садясь на стульчик воз[illegible].

Я подумал, что только дорогие духи, наверное, могут так очаровательно пахнуть.

— Моя жена уехала к матери.

— И вы срочно приехали [illegible] поговорить со мной?

— Да.

Глория словно не слышала м[illegible]та, она ду мала о чем-то своем.

— Так дальше не пойдет, [illegible], — сказала она, — обычно в это время я уже в пос[illegible] это значит, что мое тело отдыхает от тугих женских резинок. Вы, мужчины, даже не представляете, сколько бедным женщинам приходится терпеть ради красоты. Вот, посмотрите сюда, — она поманила меня поближе к себе. Расстегнув халат, Глория взяла мою руку и, притянув ее к своим трусикам, заставила попробовать прочность их резинки. Резинка действительно была тугой, но до нее ли мне было!

— А так как вы покушаетесь на мое свободное время, Гарри, я думаю, что будет справедливым пойти и мне на уступки и, если я сейчас избавлюсь от этих противных резинок, ты, я думаю, не будешь шокирован. Тем более что ты уже проявил себя джентльменом и не воспользуешься моей беззащитностью.

Я молчал словно воды в рот набрал.

— Я считаю, что если мужчина джентльмен, то он даже в присутствии обнаженной женщины не позволит себе ничего лишнего, — продолжала мило болтать Глория, сбросив на кресло свой халат и повернувшись ко мне спиной, безуспешно пытаясь справиться с хитроумными застежками лифчика.

— Помоги же мне, Гарри, — попросила она.

Я призвал на помощь всю свою выдержку и, даже, самого господа бога впридачу и только после это-

го приблизился к Глории. С застежками я все же справился быстро, словно огня боясь при этом коснуться изумительной кожи Глории.

— Спасибо, Гарри, — поблагодарила меня Глория, не поворачиваясь ко мне, и плавными грациозными движениями стягивая с себя трусики.

— Ну вот и отлично, — сказала она, — ах да, еще серсжки.

А я стоял совсем близко от Глории, опьяненный запахом духов и близостью ее тела, и не мог заставить себя отойти.

Неожиданно одна из сережек выскользнула из пальцев Глории и упала вниз. Глория поспешно нагнулась за ней, ее бедра словно просились ко мне в руки.

— Помогите же мне, Гарри, я уронила сережку, — жалобно попросила она.

Я опустился на колени, разыскивая сережку, а когда нашел ее и поднял взгляд, Глория уже надела халат, плотно запахнув его спереди. А перед моими глазами так и стояли ее роскошные бедра, манящие к себе.

— Теперь совсем другое дело.

Наверное, во мне заработал какой-то автомат, потому что неожиданно для себя я произнес:

— Я... я хотел бы поговорить с вами о Диксе.

— Вы уверены?

— Что вы знаете о Диксе? Вы знаете, что он жулик?

Глория подошла ко мне. Ее глаза смеялись и звали одновременно. В этом оранжевом халате, подчеркивающем черноту ее волос и смуглость кожи, она была самой желанной женщиной в мире из всех, которые отдавались мне раисе.

— Я жду ответа, Глория, — сказал я, сам не сознавая того, что говорю.

Глория взяла меня за руку. Я понял, что это обозначает, и задрожал от ее прикосновения. Кожа у нее была нежной, как у ребенка.

— Пойдем в другую комнату, Гарри, — сказала она.

Сопротивляться было поздно. Я пошел за ней в ее спальню. Она стала включать бесчисленные светильники, бра, подсвечники: казалось, света хватит на весь зал.

— Я люблю много света, — проговорила она, стоя перед зеркалом и рассматривая себя. — Почему люди занимаются любовью в темноте? Я хочу огня, огня! Я хочу в это время видеть тебя, а ты?

Она повернулась и, сверкая глазами, вскинув

вверх голову, воскликнула:

— Я прекрасна, правда, Гарри?

— Самая прекрасная женщина в мире, — признался я совершенно откровенно.

— И это не ложь. Так смотри же на меня. — Глория развязала пояс и выскользнула из халата. Халат упал на пол. Она его не удержала. В ярком свете ее кожа отливала как серебро. Или жемчуг...

Несколько секунд Глория стояла без движения, давая мне возможность налюбоваться ею. А я чувствовал себя робким, никчемным мальчишкой перед богиней любви.

Глория сама протянула мне руки и прижала мои руки к своим грудям, вовлекая меня в игру без возврата. От своих тугих грудей она повела мои руки к своим бедрам. Она помогла мне раздеться, приводя меня в исступление своими прикосновениями. Затем я бережно поднял ее и отнес в постель.

Вкрадчиво шептала музыка из приемника, словно подсказывая мне, как поступить с Глорией. Я нежно, но настойчиво ласкал ее губы, шею, спину и чувствовал, как ее заполняет нега. Я ласкал ее всю от пальчиков ног до кончиков ушей, зная, что эти ласки сполна мне отплатятся.

Чудесные волосы Глории разметались по подушке, румянец покрыл ее лицо, и она вздрагивала, когда я доставлял ей особое удовольствие. До безумия я хотел сейчас ворваться в нее, с силой сжать, но я был неженен и терпелив. Глория застонала наконец от ответного желания.

О, как прекрасна была эта любовь, даже тогда, когда я еще не имел Глорию полностью! И как прекрасен был миг, когда, не в силах сдерживать своего желания, Глория изо всех сил рванула меня к себе, и я ворвался в нее с неудержимой мужской силой, и она во всем подчинилась мне...

ГЛАВА 10

— Отлично! Вы, там, полегче!

Язвительный голос Дикса звучал так, словно он находился в соседней комнате.

Глория оттолкнула меня, перекатилась по кровати, схватила халат и накинула его на себя.

Я остался на кровати, точно парализованный этим голосом. Я вертел головой, недоумевая, откуда этот голос

— Заткнись! — Глория прошла к зеркалу, пригладила волосы и вытерла рот тыльной стороной лодони с гримасой такого отвращения, что было страшно смотреть.

— А кто ты думаешь, ты, глупый и мерзкий скот.

Теперь я уже подскочил на кровати.

— Это Дикс?

Глория, не обращая на меня внимания, терла пальцами губы перед зеркалом.

У меня дрожали руки, и я едва дышал.

— Глория, где он?

— Ты заткнешься?

Я прошел через комнату, и, схватив ее за руки, повернул к себе.

— Он здесь?

Глория вырвала свою руку и ловко, словно кошка, влепила мне подряд три пощечины. Это получилось у нее так ловко, что я даже не успел защитить лицо.

— Не прикасайся ко мне, тварь! — она дрожала от злости, а ее глаза были как два пятна на белом лице.

Я услышал, как отворилась дверь.

— Легче, легче, — сказал Дикс, входя в комнату. — Глория, мотай отсюда, мне надо с ним поговорить.

Он был одет в черный костюм, шляпа лихо сбита на затылок, лицо вспотевшее.

— Ну, приятель, позабавился ты на славу.

Ярость, которую я ранее в себе даже и не подозревал, охватила меня. Мне хотелось перегрызть ему глотку. Задушить. Перерезать на куски. У меня пальцы сжались от судороги, и я шагнул к нему.

— Лучше не надо, дружок...

Я хотел достать его боковым ударом, куда вложил всю свою силу, но он легко ушел от меня и ответил ударом в солнечное сплетение. У меня подкосились ноги, казалось, что меня лягнула лошадь. Я упал на четвереньки.

В таком положении я оставался несколько секунд, потом нелепо стал подниматься. Дикс ждал, праздно опустив руки. На лице у него была ухмылка.

— Я на таких, как ты, учился, дурачок, — сказал он. — Не обращай внимания, нам надо поговорить.

Этот удар, казалось, вышиб из меня дух. Но все равно, когда силы чуть-чуть вернулись ко мне, захотелось ударить его, пусть после этого он даже и убьет меня. Дикс дал мне подойти поближе, потом легко, словно танцуя, ушел от моего кулака и, как паровой молот, вонзился в меня. Я растянулся на полу, словно разобранный на части. Я встал на колени, но подняться у меня не было сил. Я был беспомощен, как

ребенок, тяжело дышал, хватал ртом воздух.

А ведь Глория меня предупреждала, чтобы я не задирал Дикса, и она оказалась права, он был классным боксером.

Дикс сел на кровать, достал сигареты и закурил.

— Не принимай это близко к сердцу, — сказал он. — У нас есть еще время.

Я добрался до стула и стал медленно приходить в себя, крепко обхватив себя вокруг живота. Мне казалось, что если я не буду так держать руки, то мои внутренности вырвутся наружу.

— Я дам тебе что-нибудь выпить, — сказал Дикс и вышел из спальни.

А музыка все играла. Это был сон, просто ночным кошмаром. Я [illegible] стеной. У меня в голове не было [illegible]. Пустота и мрак. Оставался только [illegible] и ужас перед Диксом. Ярость куда-то пропала.

Он вернулся и [illegible] стакан. Я проглотил его содержимое и чуть не подавился.

— А знаешь, дружок, [illegible] волноваться. Ты оказался умнее, чем я [illegible] чуть не испортил всю обедню. До сих [illegible] клевала, а тут осечка. Но в конце [illegible] и наша последняя рыбка.

Вошел Берри, весь мокрый от пота.

— Вот они, Эд, — сказал он. — Они, правда, мокрые, но получилось отлично.

Он вручил Диксу круглый эмалированный поднос, многозначительно посмотрел на меня и удалился.

Дикс рассматривал содержимое подноса.

— Отлично получилось. Взгляни-ка, почти произведение искусства. — Дикс показал мне поднос, на котором лежали три фотографии большого формата, только что проявленные, еще влажные.

Я чуть не сошел с ума, когда посмотрел на фотографии. Мужчина на этих фотографиях был я! Оттолкнув поднос, я выбросил вперед кулаки, чтобы достать Дикса, но он перехватил мою руку и так треснул меня по голове, что я мешком опустился обратно на стул. Пистолет бы мне сейчас!

— Видишь этот маленький черный диск в центре зеркала? — спросил Дикс. — Там объектив шестнадцатимиллиметровой камеры. Пленка стоила мне две тысячи долларов. Копии этого фильма принесут тебе мировую славу. Ты станешь звездой, дружок, один из нас прославится. Говорю, что один из нас, потому что ты теперь наш, душой и телом. А если ты думаешь

иначе, то завтра твоя милая женушка в чистеньком фартучке получит эти снимки, а ты будешь очень просить, чтобы она не смотрела на них.

Да, все было ловко подстроено. Я был готов на все, только бы эти снимки не увидела Анни. А снимки были что надо, даже сейчас, глядя на них, я возбуждался.

— Ты развлекался, мальчик, а за это надо платить. Ты ведь понял уже, за чем я охочусь? Если нет, то я объясню. В конце этой недели, в субботу или воскресенье, большой груз технических алмазов пересылается на континент. Груз прибудет в почтовую контору на Ист-стрит. Оттуда его повезут в фургоне в аэропорт в Норфолк. У тебя в гараже наш штаб. "Ягуар" Глории — наша самая быстроходная машина. Мы подключились к твоему телефону, и Джо позвонит, когда фургон [illegible] в путь. Но тут есть загвоздка, для которой нужен специалист, и ты тут будешь кстати. В [illegible] пойдешь на почту и отсоединишь сигнал [illegible]. Как ты это сделаешь, нас не касается, но ты это сделаешь. Если ты этого не сделаешь, то будешь строго наказан. И твоя жена тоже будет [illegible] глядя на Луи, этого не скажешь, но он [illegible] плескать серную кислоту в лицо женщине [illegible] класс! Ты видел когда-нибудь женщину после такой процедуры? Но это будет с твоей женой потом, а сначала она получит снимки. Сегодня вечером можешь до пятницы подумать. Я после зайду и послушаю, как ты намерен отключать сигнал. Но я захвачу с собой и эти снимки, на случай, если твоя голова будет плохо работать, — он открыл дверь. — А теперь сматывайся!

Каждый шаг причинял мне боль. Я шел молча, все было ясно и без слов. Пройдя через спальню, я вышел в гостиную.

Берри и Луи сидели со стаканами в руках. Глория курила на диване. Халат у нее был распахнут, одна из прекрасных длинных ног свесилась с ковра. Она не смотрела на меня, а я словно инвалид пробирался к выходу.

— Проводи джентльмена, Берри, — это Дикс отдал команду, следуя за мной. — Люби его, Берри, он теперь играет в наши игры.

Берри сполз со стула и открыл дверь.

— Убирайся, сопляк, — сказал он, — и не споткнись, там ступеньки.

Когда я уже добрался до входной двери, он меня окликнул.

— Эй, на два слова.

Обернувшись, я заметил его кулак, но у меня не было сил защититься.

Я получил страшный удар в челюсть.

— Это от Глории, идиот, ее привет и воздушный поцелуй, — сказал Берри и захлопнул дверь.

ГЛАВА 11

На следующее утро приехала Анни.

Она быстро прошла в гараж, где мы с Тимом устанавливали стабилизатор.

— Я приду сейчас, — сказал я и помахал масляными руками, показав, что не могу ее поцеловать. — Все в порядке?

— Да. А у тебя?

Она посмотрела на меня [illegible] и лицо у нее тревожно вытянулось. Моя [illegible] с тенями под глазами и сединой на подбородке [illegible]ночью, не понравилась.

— Мы были с Биллом в клубе [illegible] меня зверски болит голова, — сказал я.

Анни пошла в квартиру, а я еще [illegible]нозился вместе с Тимом с мотором, а потом пошел [illegible]тору. В половине девятого явился Берри, чтобы [illegible]менить Джо. Берри даже не взглянул в мою сторону. Рот в том месте, куда он меня ударил, распух, а от [illegible]аров Дикса на груди остались красные полосы.

Внешне я походил на мужчину, который весело провел ночь, но внутри у меня все ныло. Предав Анни, я попал в ловушку, из которой не было выхода. Если бы не угроза Дикса облить Анни серной кислотой и показать карточки, я бы еще мог бороться, но теперь дело было дрянь.

Какой же я был дурак! Ведь ловушка мне была подстроена еще в первую нашу встречу на Вестер-авеню. Глория просто поехала за мной до Норфолка, а затем поломала машину на том месте, где я остановился.

Если бы я послушался Анни и свой внутренний голос, то не влип бы в эту историю.

Вернувшись вчера вечером в пустую квартиру, я совсем потерял голову от страха. Мне казалось, что единственный выход — покаяться перед Анни и вместе с ней просить защиты у полиции. Признаться Анни во всем после того, как я обманул ее, поклявшись больше не видеть Глорию, было немыслимо.

Наконец я получил возможность рассуждать трезво. Я вел себя как глупый мальчишка и получил по заслугам.

Я ненавидел Дикса так, как еще ни одного человека в мире. Никогда не думал, что способен на такую ненависть. Мне необходимо не дать ему выиграть игру.

Рано или поздно он ошибется, и тогда настанет моя очередь. Ведь не всегда я был таким слабым, никчемным обывателем. После войны я, правда, размяк, но в свое время я считался волком-одиночкой, а эта репутация среди солдат стоила недешево. Я один ходил за "языками", и мы с Биллом здорово сработались, снимая японских снайперов.

Убивать стало тогда моим делом, и только после войны, женившись на Анни, я размяк и забыл свое ремесло убийцы.

Но эта ночь в компании Дикса напомнила мне о забытом, о прошлых ощущениях и опыте.

Я больше не был благодушным обывателем. Я хотел отомстить Диксу, и только убийство могло меня успокоить. Он собирался показать этот гнусный фильмик в разных притонах, чтобы разные подонки визжали от восторга. Он пригрозил облить кислотой Анни. Он поставил жизнь Билла под угрозу. За все это он заслуживает смерти.

У Дикса сейчас все козыри в руках, но придет время, и он ошибется. Пока же надо притворяться испуганным человеком. Надо усыпить его подозрения, а когда придет мое время, не зевать.

И страшно мне было, и стыдно смотреть Анни в лицо. Слишком серьезное было положение, чтобы испытывать раскаяние за прошлые грехи, которые уже больше не повторятся.

Наше счастье было в опасности. Я позволил завлечь себя в ловушку, и я должен сам выкрутиться из этого положения. Это теперь наше с Диксом дело. Анни здесь ни при чем.

— Ты почему-то бледный, Гарри, — сказала она.

— Я плохо себя чувствую, может быть, чего-нибудь поел.

Анни, видимо, хотела верить, а мой прямой взгляд ее успокоил.

— Ты сейчас выглядишь так, как тогда, в день нашего первого свидания: грубый, злой и ненавидящий весь мир.

— Буду злым на тебя, если ты не дашь мне поесть.

Я обнял Анни и ощутил запах ее волос.

— Гарри, а эти люди, что они делают? — спросила она. — Они еще долго здесь пробудут?

— Они заплатили за месяц вперед, — ответил я. — Значит, и проторчат здесь месяц.

На самом деле я знал, что на следующей неделе и духу их здесь не будет.

— Но если ты захочешь, их здесь не будет.

— Может, и так, но нам нужны деньги.

— Ладно. Хватит о них.

После ленча я сделал то, чего раньше никогда не делал. Я перешел улицу и вошел в сортировочное отделение.

Здесь я очутился в большом помещении, полном почтовых фургонов. Мужчины в коричневых мундирах набивали в некоторые из них почтовые мешки. Каждый занимался своим делом, и несколько минут на меня никто не обращал внимания. За это время я осмотрелся и запечатлел в памяти это помещение.

— Сюда нельзя входить посторонним. Что вам здесь нужно?

Я повернулся на голос. Невысокий человек с усами щеточкой в коричневом мундире внимательно меня рассматривал.

— Простите, — я улыбнулся. — Я друг Билла Метса. Я здесь живу, через дорогу, зовут Коллинз, может, Билл вам говорил обо мне.. Гарри Коллинз.

Лицо человека стало приветливее.

— Ну, конечно, я вспомнил. Он говорил мне о вас вчера вечером.

Я достал пачку сигарет и предложил ему.

— Мы с ним здорово погуляли вчера вечером. Билл все еще способен влить в себя дюжину кружек пива.

— Я всегда пью только пиво. Моя фамилия Гаррис. Он говорил мне, что вы собираетесь весело провести вечер. Я рад, что он получил повышение. Он как раз подходящий для этой цели человек.

— Конечно. Ведь раньше он был боксером. Сразу можно определить, носил ли ты перчатки. Пойди Билл на профессиональный ринг, он бы далеко ушел. Он у нас в армии был чемпионом бригады в легком весе.

— Метс о себе помалкивает, но я сразу понял, что перчатки ему не в новинку. Я сам с ним имел конфликт, но, кроме синяка под глазом, не получил ничего.

— Я тоже пытался с ним боксировать, и результат тот же. Это не фургон Билла?

— Что? Эта развалина? У него новенький фургон.

— Ну, я совсем заболтался. Простите, если я помешал, я совсем забыл, что у Билла выходной.

— Рад был с вами познакомиться, — сказал Гаррис.

Я вернулся в гараж. Я знал, что Берри следил за мной, но окно в гараже было занавешено белой занавеской. Около шести явился сам Билл.

— Как доехал? — спросил он.

— А ты?

— Нормально. Я здесь принес креветки. Пусть Анни их приготовит, и мы с ними разделаемся.

— Отлично! Неси их на кухню, а пока она будет их готовить, мы сходим в бар и раздавим по кружке пива.

Билл прошел на кухню, и я думаю, что постарался окончательно убедить Анни в том, что мы провели вечер вместе. Он вскоре вернулся.

— Уже на плите, — сказал он. — Пойдем.

Закрыв двери гаража, мы отправились в бар, который был неподалеку, напротив конторы Билла.

Мы закурили, заказали пива, и здесь он увидел мое лицо.

Он тут же спросил:

— Что у тебя с лицом?

— Отвертка соскользнула и чуть не выбила мне зубы. Сначала было больно, но теперь прошло. Кстати, я сегодня видел Гарриса и он показал мне твой фургон.

Билл был удивлен.

— Показал? Но это против инструкции.

— Я совсем забыл, что ты сегодня не работаешь, и заглянул к тебе. Мы с ним немного поболтали, и я спросил его, не твой ли это фургон.

— Ну, неважно. Но там есть вещи, о которых мы не говорим посторонним.

— Да я к фургону и близко не подходил. А там есть сирена или что еще?

— Звонок тревоги. Работает от батареи. Когда случается что-нибудь, я обязан дать сигнал. Как только он включится, его не остановишь. Очень много шума получается.

Я узнал все, что мне было необходимо, и перевел разговор на футбол. Возможности выигрыша любимой команды занимали Билла в течение получаса. Пока он рассуждал, я выработал план действий.

При некоторой удаче вывести из строя эту систему сигнализации было делом возможным, а не делать этого, совсем было нельзя. Слишком рано показывать зубы. Если я хочу расправиться с Диксом, то надо показать, что он меня совсем припер к стене.

Мне пришлось немало потрудиться, чтобы не вызвать у Анни и Билла подозрений во время ужина и

казаться естественным. У меня крутились в голове тысячи планов, но я вел себя крайне непринужденно.

С облегчением я пошел проводить Билла, когда он собрался уходить. В больших воротах почтовой конторы горел свет, и они были распахнуты.

— Кажется, вы там никогда не запираете дверей на ночь, — сказал я.

— Конечно. Ведь фургоны то и дело въезжают и выезжают. Остальные помещения закрыты, но гараж всегда открыт.

— Но, наверное, есть и сторож?

— Всю эту неделю ночное дежурство у Гарриса. Он, похоже, самый большой сон из нас. Всю ночь спит в своей будке. Я здесь был как-то после полуночи и мог увести парочку фургонов у него из-под носа.

— Кому нужен этот почтовый [illegible]? — спросил я.

— Конечно. Если он пустой [illegible] и говорит Гаррис. Он заявляет, что [illegible] только заведут двигатель. Я думаю, что [illegible] нужно хорошо маневрировать, чтобы отсюда [illegible] Ну, я пошел домой.

— Завтра увидимся?

— Нет. Завтра у нас опять репетиция. Я к тебе в воскресенье загляну.

Билл пошел к автобусной остановке, а я начал вставлять болты в двери гаража.

Джо вышел наконец из комнаты.

— Как идут дела, парень? — спросил он.

— Все в порядке, — ответил я и стал его обходить. Тут он схватил меня за рукав пиджака, чтобы повернуть к себе. Это меня взбесило, и я решил врезать ему по физиономии, но в последний момент все же сдержался.

— Эд будет завтра днем. Он ждет от тебя известий, понял? — он так и буравил меня взглядом.

— Хорошо, я ему доложу, — ответил я.

Я вырвал у Джо свой рукав и пошел в контору. Пусть только оступятся один раз, и я им докажу, что я не такой слизняк, как им бы хотелось.

Дикс явился в пятницу в своем роскошном "кадиллаке". Он оставался в машине, даже не соизволил выйти ко мне.

— Залезай в машину, дружок, покатаемся.

— Я ненадолго, Тим, — сказал я, влезая в машину.

Дикс с вихрем промчался через Риджент-стрит, через арку адмиралтейства. Водитель он был отличный. На светофоры он вообще не обращал никакого внимания, а его манера ехать, не соблюдая рядности,

заставляла меня раз двадцать прощаться с жизнью. Мы молча доехали до Бэкингемского дворца.

— У тебя есть план, дружок? — спросил он наконец.

— Да. Когда это надо сделать?

— Сегодня вечером, а что за план?

— Станция остается открытой всю ночь. Вахтер спит всю ночь напролет. Фургон стоит в дальнем конце гаража, далеко от его будки. Если он меня заметит, я скажу, что приготовил чай и решил его угостить. На всякий случай возьму с собой чай в термосе. Потом уйду и попробую еще раз. Если он уснет, то пойду прямо к фургону. Надеюсь, он меня не заметит. Звонок работает от батареек, и оборвать один проводок будет нетрудно. Вот так, в принципе.

— А вдруг они проверяют провода? Это не пойдет. Может, испортить сам звонок?

— Даже если они проверяют провода, звонок испортить трудно. Другого предложить не могу.

— Хорошо, это на твоей совести. Я дважды не повторяю. Ты не забыл, что тебе обещали сделать в случае неудачи или отказа?

— Помню.

— Кажется, все планируется на воскресное утро. У меня есть сведения, что груз прибудет около часа дня на вокзал Кинг-Кросс. Будь готов встретить копов с улыбкой, а они не замедлят явиться в гараж к тебе, не сомневайся. Тогда молчи, и точка! Когда мы получим камни, весь город будут прочесывать по частям, а ты теперь тоже играешь в нашей команде, помни, дружок.

— Тим может сказать, что вы здесь крутились у гаража, — сказал я.

— Это уже твоя забота убрать парня до того, как появятся копы. Если он начнет болтать, твоя жена получит фотографии.

— Я о нем позабочусь.

— Это то, что нам нужно. Проверим все аккуратно, и в понедельник ты о нас больше никогда не услышишь. Только не вздумай шутить, парень, иначе у тебя будут большие неприятности.

— Постараюсь.

— Посмотрим. Надеюсь, что для твоей же пользы я больше не увижу твою физиономию. Надеюсь.

Я пешком возвращался домой, думая о Билле. Необходимо его как-то устранить от этого дела. Если падение произойдет в воскресенье, то Билла в этом чертовом фургоне быть не должно. Мне было безразлично, кто займет это место, но Билла там быть не должно. Ему ни к чему столкновение с шайкой Дикса.

Первая моя задача — испортить звонок. Но все могла испортить Анни. Мне необходимо было выйти после полуночи, а она могла проснуться и забеспокоиться обо мне. К счастью, прислали машину со сломанными тормозами, и я сказал Анни, что испорчен карбюратор и мне придется провозиться с машиной всю ночь.

— Хозяин машины едет в отпуск, — сказал я ей. — Я обещал, что все исправлю. Не знаю, сколько придется провозиться, но думаю, что не долго.

После ужина я пошел в гараж и вытащил карбюратор. Потом приступил к работе. Около половины одиннадцатого пришла Анни посмотреть, как идут дела.

— Ложись, дорогая, мне придется еще долго копаться с этим.

— Поставить тебе чай?

— Нет, потом я сам поставлю.

— Я к тебе еще спущусь.

Около двенадцати я пошел наверх, вскипятил чай и спустился вниз, налив его в термос. Около дверей меня остановил Джо.

— Он, должно быть, спит, — прошептал он. — Его не видно уже с час.

Я вышел на улицу. Игл-стрит была безлюдной. Бесшумно ступая, я пересек улицу и вошел в контору. Одна сильная лампа освещала вход, но остальная часть помещения тонула во мраке. Мой опыт войны в джунглях мне опять пригодился. Казалось, что я снова веду патруль в джунгли, чтобы снимать с деревьев японских снайперов. Теперь задача была посложнее.

У меня не дрожали руки и не билось сердце. Я шел, как заведенный автомат, знающий только свою задачу. Если Гаррис за мной наблюдал, то у него не возникнет никаких подозрений. Я вел себя как человек, у которого есть здесь дело, и только. Не доходя нескольких ярдов до фургона Билла, я осмотрелся. Справа от меня была застекленная будка, и в ней горела настольная лампа. Там же, в кресле, сидел Гаррис, закрыв лицо руками. Он не шевелился. Я не знал, спит он или нет. Во всяком случае он меня не заметил. Открыв дверцу кабины, я скользнул внутрь в темноту. Потом я достал фонарик и осветил панель управления, прикрывая свет ладонью. Напротив кресла водителя была красная кнопка с надписью "тревога". Я отвинтил кнопку, достал проводок, очистил его от изоляции, оборвал, потом вставил в изоляцию спичку, натянул на спичку другой конец изоляции и соединил таким образом проводок.

Место нарушения нельзя было заметить даже при внимательном осмотре. Вся работа заняла меньше минуты. Я положил отвертку и фонарик в карман и тщательно вытер носовым платком все, к чему прикасался.

Когда я открывал дверцу фургона, раздался шум мотора, и во двор въехала машина, осветив всю территорию светом фар. Я отшатнулся, пролез к задней двери и стал ждать там, приготовившись.

Фургон подъехал к пустой стоянке позади того места, где я прятался.

Я услышал ворчанье водителя:

— Дрыхнешь тут, ленивый черт.

— Я не спал, — негодующе отозвался Гаррис.

Он поспешно вылез из своей будки: — Я просто глаза закрыл, но не спал.

— Ну пошли, подпишешь бумаги, — сказал шофер.

Они подошли к будке.

Я вывалился из двери, пошел к воротам и выбрался наружу. Теперь надо было пройти небольшой участок до выхода на улицу. Я мог без опасения пройти футов двадцать, но был освещался фонарем наверху. Я двинулся к выходу, держась за стену. Звук голосов заставил меня остановиться. Они вышли из будки и пошли к выходу.

Водитель сказал:

— Ну, приятных снов. Помни — храпеть воспрещается.

— Неужели? Ладно, завтра увидимся.

Гаррис проводил шофера до выхода и постоял, почесывая голову под фуражкой. Потом вернулся в свою будку и завозился там. Я не двигался.

Если я выйду на свет, то Гаррис меня увидит. Мне оставалось только ждать, прислонившись к двери.

Мне пришлось прождать полчаса, пока он снова не засопел, видимо окончательно заснув. Тогда я начал нервничать. Быстро и бесшумно я проскользнул через световой поток и выбежал на улицу.

Все было тихо.

Джо меня ждал. В тусклом свете лампы под потолком я увидел, что он весь мокрый.

— Ты молодец, — сказал он. — Я думал, что он тебя засек.

— Он меня не видел.

— Ты все сделал?

— Да.

Я закрыл дверь гаража болтами и погасил свет перед тем, как идти в спальню.

— Гарри?
— Ты не спишь?
— Нет. Зачем ты ходил через дорогу?
У меня холодок пробежал по спине.
— Носил чай Гаррису. Думал, что он захочет промочить горло. Ты меня видела, да?
— Я просто выглянула в окно и увидела тебя. А Гаррис что, приятель Билла?
— Да. Я пойду приму душ. Не гаси свет, хорошо?
— Как там карбюратор?
— Чище лошади.
— Ложись быстрее.
— Я сейчас...

ГЛАВА 12

После демобилизации я жил с Биллом у его родителей. Отцу Билла было под восемьдесят, а мать была помоложе. Жили они одни и управлялись с хозяйством самостоятельно. Их деревушка находилась под Лондоном. Билл в них души не чаял.

Я решил использовать их как приманку, чтобы выманить Билла из Лондона.

Мне не хотелось впутывать их в это дело, но это были единственные люди в мире, кроме Анни, о которых он думал. У них не было телефона, а почта была далеко от них, и это тревожило Билла.

— Если кто из них заболеет, что тогда делать? — говорил он. — Но они не хотят переехать. Я им с пеной у рта доказывал, но они и слушать не хотят.

Около четырех вечера мне позвонил один из моих заказчиков. Зная, что Анни слышала звонок, я поговорил с ним, повесив трубку, нашел ее на кухне и сказал:

— У меня плохие новости. Мать Билла заболела. Звонил доктор и просил, чтобы Билл приехал.

— Ох, Гарри, ты не знаешь, где Билл?

— Понятия не имею. Доктор не мог до него дозвониться. Придется найти, раз случилось такое несчастье. Пусть Тим здесь пока побудет, а я пойду на почту, может, там знают?

— Это серьезно?

— Кто знает? Она упала, а в ее годы это не пустяк.

Дойдя до дверей почтовой конторы, я окликнул Гарриса.

— Где Билл? Его мать заболела и ему надо немедленно ехать домой. Вы не знаете, где он?

Гаррис огорчился.

— Он у себя дома. Отсыпается перед ночным дежурством.

— Когда его могут отпустить?

— Когда захочет.

— Тогда я поеду к нему, а потом подвезу до вокзала. Через час идет поезд, и он на него должен успеть. Доложите за него начальству. У него ведь не будет времени просить отпуск. Ему будет спокойно, если вы за него все сделаете.

Гаррис заколебался.

— По инструкции он должен сам все объяснить. Он должен сначала получить разрешение.

— Но тогда он опоздает на поезд. Это срочное дело. Вдруг она при смерти!

— Ну, хорошо. Я все устрою.

— Спасибо, друг.

Поднимаясь по лесенке в квартиру Билла, я еще раз все продумал.

Билл с трудом поддавался панике, и необходимо было приложить старания, чтобы не дать ему позвонить своим родителям. Надо было посадить его на поезд без промедления. Сев в поезд, он уже не вернется. До вечера воскресенья его не будет, а это мне и нужно.

Билл лежал на кровати в шортах, курил, читал растрепанную книжку в бумажном переплете. При виде меня он поднял голову:

— Это сюрприз, Гэрри. Что случилось?

— У меня для тебя плохие новости. Твоя мать упала, и родители хотят, чтобы ты приехал.

Он вскочил и только выговорил:

— Это серьезно?

— Не думаю, просто шок. Через сорок минут поезд, и ты можешь на него успеть, если поспешишь. Я могу тебя подвезти, я на автобусе.

— Я не могу так сразу. Мне надо отпроситься у начальства, потому что у меня ночное дежурство. Когда следующий поезд?

— У тебя есть разрешение. Я договорился с Гаррисом. Он все передаст. Так что все в порядке. Поехали.

Билл начал поспешно одеваться.

— Ты — настоящий друг, Гарри. Но откуда ты знаешь о маме?

— Твой отец попросил доктора позвонить мне.

— Какого доктора? Она что, в больнице?

— Нет, дома. Он назвал мне фамилию, но я забыл.

— Маккензи?

— Может быть.

— Может, мне лучше сначала позвонить?

— Времени нет. Я сказал, что ты приедешь этим поездом. Твоя мама спрашивала.

Это заставило Билла поторопиться. Через несколько секунд он был готов.

Доехав до вокзала Кинг, Кросс, я посадил его в вагон. Если он даже вернется в Лондон сегодня, то все равно не сможет быть раньше десяти утра. Он будет спасен.

— Все будет хорошо. Твоя мать сразу выздоровеет, как только увидит твою прелестную физиономию, — сказал я, протягивая Биллу руку, — дай мне знать обо всем, что там произошло, и не расстраивайся. Кстати, у тебя есть деньги? — спросил я и протянул ему две банкноты по пять фунтов.

— Спасибо, Гарри, — сказал он.

Я болтал без перерыва, не давая Биллу опомниться, чтобы у него не было возможности позвонить своим по телефону. Как работник почты, он имел право на срочные переговоры. Я старался, чтобы ему в голову не пришла такая мысль.

Но вот поезд тронулся, и я с легким сердцем помахал Биллу рукой. Все шло пока неплохо.

Возвращаясь на Игл-стрит, я еще раз все обдумал. Биллу удалось отстранить от этого дела, и слава богу. Что делать дальше? Это зависело от того, что Дикс будет делать после ограбления.

Уедет ли он из страны, или останется в Лондоне? Можно ли его будет поймать, если следить за квартирой Глории?

Рано или поздно Дикс совершит какую-нибудь ошибку и даст мне шанс в этой игре. Лучше всего было бы рассказать обо всем Биллу, но тогда Дикс исчезнет, а фотографии будут у Анни. Одна мысль о том, что Анни будет держать в руках эти грязные фотографии, заставляла меня потеть.

Пусть будет, что будет, но только не это!

Вернувшись домой, я стал заниматься свечами. Потом появился Джо, который обследовал бак "ягуара" и подкачал колеса моим насосом. Я вспомнил, что об этой машине Дикс говорил как о самой быстроходной из машин.

В это время меня окликнула Анни:

— Гарри, ты не знаешь, где наш термос?

— Что?

— Термос. Его нет на полке.

— Я его не видел.

— Разве ты не брал его, когда ходил вечером к

Гаррису?

У меня подкосились ноги:

— Нет. Я просто отнес ему чашку чая.

— Странно, но термоса нет.

Я старался вспомнить, куда я девал термос, но не мог.

— Я собирался его взять, но не мог найти.

— Куда же он мог подеваться? Посмотрю еще.

Я слышал, как она пошла обратно в кухню. Я все еще не мог пошевелиться. Куда я подевал этот термос? Он был со мной, когда я переходил дорогу по пути в контору и увидел в будке Гарриса. Он был со мной, когда я влез в фургон. А вдруг я оставил его в фургоне?! Как я мог допустить такую оплошность? Я должен был принести термос в гараж. Может быть, он где-то в гараже? Или он в фургоне с испорченной сигнализацией, и на нем отпечатки моих пальцев? Я принялся лихорадочно искать термос в гараже, надеясь на чудо, но чуда не произошло.

— В кухне нет термоса! — крикнула Анни сверху.

— Да найдется он. Не волнуйся.

— Посмотри еще.

Ты не найдешь его, Анни. Теперь я вспомнил. Я положил его на пол в кабине фургона, прежде чем перерезать провод. Теперь он там. Голубой с белым термос, который легко опознать и на котором отпечатки моих пальцев...

ГЛАВА 13

Стояла летняя лунная ночь. Окно, выходившее на Игл-стрит, было распахнуто, занавески подняты, но прохлады это не давало. Стояла удушливая жара. Я молча лежал в темноте и думал. Рядом со мной мирно спала Анни.

Сначала я все хотел рассказать Джо, чтобы он все передал Диксу, но потом передумал: все равно они не отложат свою операцию.

Потом я решил было пойти к фургону и взять термос, но здесь была другая трудность: Джо внимательно следит за всем и мой поход будет открыт. Тогда мне придется все рассказать.

Я дрожал как в лихорадке около часа, пока не сумел прийти в себя. Возможно, что термос нашел кто-то из охраны или водители и решили не поднимать шума, подумав, что его забыл кто-то из своих. Я, наверное, поддался панике, но выхода никакого не было. Мне оставалось только лежать в темноте и ждать рас-

света.

Около половины четвертого я вздрогнул, так как заводили двигатель на почтовой станции. Я отбросил простыню и подобрался к окну. На станции горел свет. Один из охранников стоял у входа и разговаривал с Гаррисом. Потом он ушел, а Гаррис остался стоять у входа. Затем из глубины выехал фургон и стал рядом с ним.

Я видел только крышу фургона. Тех, кто сидел внутри, не было видно совсем, и я не видел лиц обреченных. Гаррис проверил время отправления и махнул рукой. Когда фургон поехал по улице, я узнал фургон Билла. Я точно знал, что ценный груз находится внутри. Именно в эту минуту Джо звонит Диксу, предупреждая, что груз в пути. Через несколько минут произойдет ограбление. Фургон неторопливо двигался к Оксфорд-стрит.

Я посмотрел на Анни. Она крепко спала. Открыв дверь, я осторожно спустился вниз. Из конторы мне было видно, что делает Джо. Он подошел к "ягуару" и положил фонарик на его крыло. Потом вернулся за перегородку и вышел оттуда, согнувшись под тяжестью двух чемоданов. Он уложил чемоданы в багажник, и в это время я подошел к нему.

— Что это ты делаешь? — спросил я.

— Сматываюсь. Помоги мне.

— Там, напротив, в проходной стоит сторож, он может заметить машину.

— А кто говорит, что я беру машину? — сказал Джо. — Она останется тут, а завтра ее заберет твоя Глория... ха-ха...

— Она сама придет?

— Да.

— А что в чемоданах?

— А это идея Дикса на случай, если ты начнешь болтать. Там радиоаппаратура и телефон. Все это барахло Луи стащил на фабрике, на нем клеймо, и если бы ты заговорил, полиция бы нашла его, и тебе пришлось бы так долго объяснять про это барахло, что полиция бы забыла, зачем пришла.

— Вы собираетесь оставить его до завтра? А если явится полиция?

— Полиция до завтра ничего не узнает. А утром придет Глория, и ты можешь с ней поиграть, если еще охота. А сейчас я сматываюсь, и не вздумай болтать. Прощай, любитель сладкого.

Несмотря на бравый тон, Джо здорово трусил, у него даже лицо потело от страха.

— Открой мне дверь, — приказал он.

— Не нравится мне это. Если полиция найдет здесь краденые вещи, она меня обвинит, и мне придется ей все рассказать.

— Ох, как это плохо, приятель, — скорчил он гримасу. — Главное, молчи и береги свое здоровье.

Джо поспешно вышел из гаража и зашагал прочь.

Я весь дрожал от возбуждения и от ощущения опасности всего происходящего. Дело сделано, нападение совершено. Значит, скоро здесь будет полиция. Остается еще Тим, который видел всю эту банду и может ее описать. Сегодня же необходимо его уволить. Конечно, для меня потеря Тима была нежелательной, но выхода не было. Тим слишком много знал.

Вернувшись в спальню, я увидел, что Анни проснулась и смотрит на меня.

— Куда ты ходил, Гарри?

— Воды попить. Ты не хочешь?

— Нет, мне не хочется. Ты, может быть, еще поспишь?

— Не спится, жара как в парной.

— Но ведь вставать еще рано. Который час?

— Около пяти. Пойду поработаю, лежать невмоготу.

— Что случилось, Гарри? Опять что-нибудь не так?

— Ну, вот еще. Все в порядке, спи.

Я оделся, сварил себе кофе и, пройдя в комнату наверху, стал наблюдать за конторой. У меня сильно билось сердце. Дело сделано, что будет дальше? Было уже половина шестого, прошло уже полчаса, как должна была подняться тревога.

Я видел, как Гаррис подметал тротуар перед входом. Он двигался медленно и неторопливо, казалось, что у него в запасе целая вечность и он не спешит. Без десяти шесть внутри зазвонил телефон. Гаррис прислонил метлу к стене и заспешил внутрь. Ручеек пота потек у меня за воротник. Я придвинулся ближе к окну. На лице Гарриса был ужас и смятение. Значит, ограбление свершилось. Я увидел, как он опять прошел к будке, и в это время опять зазвонил телефон.

Было уже шесть часов, и я пошел открыть дверь гаража. Я бы дорого дал, чтобы узнать, что именно произошло.

Распахнув дверь, я сделал несколько шагов по мостовой в надежде, что появится Гаррис и я его окликну. Но он не вышел, и я неохотно, посматривая на голубое небо, вернулся в гараж.

Около четверти седьмого в гараж заехал первый покупатель бензина. Откручивая колпачок крана, я кивнул шоферу.

— Жара будет, — сказал я.

— Да, ну и пекло! Я ночь не спал!

— Вот и я...

Темно-синяя машина проскользнула мимо гаража к почте.

— Приятель, что тут надо дорожной полиции?

Двое полицейских прошли в контору, а один остался за рулем.

— Может, кто потерял пенс на дороге, — проворчал мой покупатель. — Это все, что может полиция. Тратить дармовой бензин и совать свой нос куда не следует.

— Пожалуй, вам лучше уехать, а то они могут задержать вас за нарушение правил. Этот проклятый знак... — мне хотелось скорее от него избавиться.

— Ты прав, старина, — до завтра!

Я подождал, пока он уехал, потом снова вернулся на свой наблюдательный пункт к окну. Сквозь занавеси можно было спокойно наблюдать за происходящим, хотя смотреть особо было не на что. Полицейская машина оставалась рядом с конторой около получаса, потом один из полицейских офицеров сел в машину, и она уехала.

— Гарри! — позвала меня Анни из спальни.

— Да, Анни.

— Что там такое? Кажется, приехала полиция?

— Понятия не имею.

Анни вышла на площадку и свесилась вниз на перила.

— Как ты думаешь, что там произошло?

— Не знаю, может быть, проверяют чью-нибудь жалобу?

Анни посмотрела на меня с сомнением.

— Может...

— Ты уже приготовила завтрак?

— Пока нет.

— Ничего. Пока обойдусь. Пойду проверю тормоза у нового автобуса. Это надо было сделать еще неделю назад, а я лодырничал.

— Может, там что-то серьезное?

Я засмеялся:

— Ну, далось тебе это! Лучше о завтраке подумай.

Казалось, мое безразличие ее успокоило. Анни отправилась на кухню. А к почтовой конторе подъехало три полицейских автомобиля.

Двое полицейских остались у двери, а остальные

прошли на почту. Один из них был в форме сержанта, а еще один нес большую черную коробку и треногу.

Придут ли они в гараж? Скорее всего нет. Ведь кража произошла в другом месте. Там полицейские и начнут свои поиски. Рассуждая таким образом, я подогнал автобус к воротам и занялся регулировкой тормозов. Время от времени я поглядывал на улицу. Но смотреть на двух полицейских у ворот было неинтересно, а ничего другого не происходило. Около половины восьмого вниз спустилась Анни.

— Там все-таки, произошло, — сказала Анни и показал на полицейских.

— Возможно, но нас это не касается.

— Как ты думаешь, что это могло быть? Может, кто-нибудь ограбил кассу?

— Не знаю. Мне хотелось бы закончить проверку тормозов до прихода Тима.

Я снова стал возиться с автобусом, скрывшись между колесами.

— А ты не мог бы спросить у Гарриса?

— Спрошу, если увижу. А чего ты так волнуешься?

Последовало продолжительное молчание. Из-под автобуса я видел ее стройные ножки и как под платьем красиво расширялись ее бедра.

— Я не волнуюсь. Я боюсь.

— Ну, перестань, Анни. Не отвлекай меня.

Анни ушла, а я работал до восьми. Я уже все закончил, когда появился Тим, толкая свой велосипед. К этому времени рядом с моим гаражом уже стояла небольшая толпа, рассматривая почту.

Появились репортеры, фотографы щелкали камерами.

— Привет, Тим. Кажется, там что-то стряслось? — я приветствовал его, вытирая руки паклей.

— Там произошло ограбление, мистер Коллинз! — ответил Тим, глядя на меня глазами, еще более округлившимися, чем обычно.

— Один из почтовых фургонов?

— Но точно никто не знает, что утащили. Даже газетчикам неизвестно. Я одного спрашивал.

— Ну и бог с ним. Пойдем в контору, мне необходимо с тобой серьезно поговорить.

Удивленно посмотрев на меня, Тим нехотя оторвался от интересного зрелища и поплелся за мной следом. В конторе я сел и закурил, чтобы скрыть возбуждение. Тим был опасен. Мне не хотелось с ним расставаться, но он видел их всех, и Дикса в том числе. От него надо было избавиться как можно быстрее, пока не пришла полиция.

— Понимаешь, Тим, наши дела идут все хуже и хуже, и мне надо экономить, чтобы не вылететь в трубу. Прости, но у меня больше нет для тебя работы. Я не могу позволить себе иметь рабочего.

У него вспыхнуло лицо.

— Я ждал этого, мистер Коллинз, я знал, что это должно скоро произойти. Кажется, работы нет действительно, совсем.

Я стряхнул пепел с сигареты и, не глядя на него, продолжал:

— Ты можешь уйти сегодня, сейчас. Я тебе заплачу за две недели вперед.

— Я отработаю еще неделю, мистер Коллинз. Я не оставлю вас в беде.

— Я справлюсь без тебя, Тим. И мне будет спокойнее, если ты сразу начнешь искать место, а не терять даром время здесь.

— Я отработаю еще одну неделю у вас. Мне легко найти новое место, мистер Коллинз.

— Не надо. У меня нет больше работы. Тебе надо уйти сегодня.

Я не мог заставить себя взглянуть Тиму в глаза. Парень явно начинал нервничать.

— Но я не сделал ничего плохого, нет?

— Перестань, Тим. Просто мне надо привыкать работать без помощника как можно скорее. А тебе лучше идти домой. Я тебе дам отличные рекомендации.

По-прежнему не глядя на него, я вытащил кошелек и отсчитал девять фунтов.

— Вот твоя плата, парень, а теперь прощай.

— Я не могу принять это! — заявил он негодующе. — Я возьму только то, что мне причитается.

Это меня удивило, я не ожидал от него подобной щепетильности.

— Хорошо, как хочешь...

Я уже начал раздражаться, что не могу от него отделаться, а вдруг спустится Анни?

Тим взял четыре шиллинга и соверен, а остальное положил на стол. Он опять не проявил ни малейшего желания уходить. Молчание затянулось.

— Ну, Тим, всего хорошего. Мне самому неприятно с тобой расставаться. Иди, Тим.

— Я бы хотел проститься с миссис Коллинз.

Я это предвидел и правильно сделал.

— Она сейчас занята, Тим. Но ты ведь можешь запросто зайти к нам в другой раз, — я деланно рассмеялся. — Не на век же прощаемся.

Я понял, что выставить его будет не так-то легко. У него была прямо-таки собачья привязанность к Анни. У парня заблестели глаза, и в них появилось даже что-то похожее на гнев.

— А миссис Коллинз знает о моем увольнении?

Тим мне надоел, и мне надо было быстрее покончить с этим делом.

— Знает, Тим, знает. И по правде сказать, это была ее идея. И потому прошу тебя больше ее не расстраивать. Ей тоже неприятно, она к тебе привязалась. Понял?

Тим покраснел, как помидор.

— Если вам понадобится моя помощь...

— Удачи тебе, парень!

— До свидания! — Тим еще больше покраснел.

Я видел, как он взял свой пиджачок и повел велосипед за руль.

Когда он уже вышел из гаража, то оглянулся и сказал через плечо:

— И вам удачи, мистер Коллинз!

Я подумал, что эта самая удача мне чертовски нужна. Жалкое и тоскливое лицо Тима заставило и меня самого затосковать. Мы с ним долго работали вместе, и я привык к мальчишке, но у меня не было выбора.

Я наблюдал за Тимом, пока он не сел на велосипед и не скрылся. Теперь надо было все объяснить Анни. Я стал подниматься к ней на кухню, но она сама вышла ко мне на площадку.

Солнечный луч падал ей прямо на лицо, и я удивился, какой бледной и встревоженной выглядела моя жена.

— Ты была права, Анни, — сказал я. — Там действительно произошло нападение.

— Слава богу, что при этом не оказалось Билла. Ему, оказывается, повезло, что его вызвали домой.

— Да... — Мы молча смотрели друг на друга.

— Беда одна не ходит. Только что был Тим. У него заболел отец и ему пришлось уйти домой.

— Что-нибудь, серьезное?

— Да, сердечный приступ. Он сразу же уехал. Полагаю, что его долго не будет. Думаю, что надо закрыть гараж совсем. С этой толпой не будет никакого толка.

— Ты прав, Гарри, — сказала она и ушла.

Анни ушла, а я остался с целой кучей лжи: Тим, Билл, Анни. Как тут не обалдеть от такого вранья и не запутаться!

— Мистер Коллинз? — я даже вздрогнул от неожиданности. В дверях стоял высокий человек в потертом костюме, с багровым лицом и в старой шляпе.

— Да, это я, — сказал я и поднялся ему навстречу. — Простите, что не заметил, как вы вошли.

— Ну, не беда. Я просто репортер. Моя фамилия Нортон. Не знаете ли вы каких-либо фактов, относительно ограбления почтового фургона? Ведь ваш гараж как раз напротив конторы.

У меня вспотела спина.

— Какого ограбления? — спросил я.

— Разве вы не знаете? Нападение на почтовый фургон в половине четвертого [illegible] время следования его в аэропорт в Норфолк [illegible] сенсация! Грабители улизнули с грузом [illegible] алмазов. Один из охранников был убит

— Убит?!

— Да. Драка бы[illegible] двое из бандитов, а один из охраны убит

— Один из охранников [illegible] повторял я, не соображая, что говорю [illegible] пропал голос, и я почти шептал.

— Я подумал, что раз вы живете напротив, то могли что-то заметить.

— Я не заметил ничего подозрительного, — ответил я ему глухо.

Охранник убит! Если бы я не отправил Билла, то это мог быть он.

— Мне кажется, мистер Коллинз, бандиты некоторое время наблюдали за конторой. Фургон выехал в неурочное время, но они его ждали. Они, вероятно, знали, когда он отправится. Не видели ли вы кого-нибудь или машину, периодически появлявшуюся на Игл-стрит?

— Нет, я ничего не знаю.

Просто не понимаю, как мне удалось усидеть на месте и вообще говорить. Я не только оказался замешанным в ограблении, но и в убийстве.

— Понимаете, — настаивал Нортон, — вы все еще уверены, что ничего не заметили? Ничего необычного около половины четвертого утра?

Я смотрел вниз, на свой письменный стол.

— Но я действительно ничего подозрительного не слышал и никого поблизости не видел.

— Ну, тогда здесь ничем не поможешь. Мне казалось, что если вы живете напротив, то могли что-то заметить. Большая часть моей работы состоит в том, чтобы задавать вопросы и не получать на них ответы.

Мне лучше поговорить с вашими соседями: может, они что-то видели? Извините, что отнял у вас столько времени. Если хоть что-то вспомните, позвоните мне, хорошо? — И он положил свою визитную карточку мне на стол. — Мы на вас рассчитываем и просим позвонить, если что будет. Постарайтесь что-нибудь вспомнить. Договорились?

Я ничего ему не ответил. Я сидел за столом и молча смотрел на толпу, собравшуюся у конторы.

— А что это за паренек, который только что отсюда уехал? — спросил Нортон. — Он здесь работает? Может, он что знает или видел?

Я едва сдержался, но вежливо ответил:

— Нет, он здесь не работает.

— Нет? А мне показалось, что работает. Значит, я ошибся.

— Мы держим [illegible] месте с женой.

— Можно мне с ней поговорить?

— Она ничего не знает, мистер Нортон. Она бы мне сказала. И потом она занята.

— Хорошо, поговорите с ней сами. Здесь никогда не знаешь, что где найдешь. Позвоните мне тогда... Всего хорошего, мистер Коллинз.

— До свидания, — ответил я.

Я видел, как он медленно идет по гаражу. Он был явно неудовлетворен нашей беседой и о чем-то размышлял. Нортон вдруг хлопнул себя по лбу и пошел обратно.

— Ну, я же говорил, что здесь есть зацепка. Вы ведь были другом охранника Метса? Я вспомнил, что один из служащих говорил мне об этом.

Я смотрел на него, не понимая. И у меня похолодело внутри от предчувствия чего-то непоправимого и страшного.

— Что вы имеете в виду?

— Охранник, который был убит, — терпеливо объяснил Нортон, — его звали Билл Метс. Вы ведь были с ним друзьями?

ГЛАВА 14

Я долго сидел, уставившись на Нортона. У меня было такое ощущение, что меня ударили по голове. Говорить или двигаться я просто не мог.

— Разве вы не знали? — спросил Нортон. — Простите, но я думал, что вам уже сообщили. Для вас это, конечно, удар.

Я медленно поднялся.

— Что вы сказали?

— Простите, — повторил Нортон, и по его лицу я понял, что он принял меня за сумасшедшего. — Я думал, что вы об этом знаете. Билл Метс, охранник, убит при ограблении.

Я обошел стол, взял его за лацканы пиджака и сильно встряхнул:

— Вы врете, Билла не было на работе.

— Эй, опомнитесь! — У Нортона выпучились глаза, и он залился краской. — Спокойно, мистер Коллинз.

— Ложь! — заорал я и снова начал трясти Нортона. — Билл уехал на север. В субботу он уехал из Лондона. Это не он убит, здесь ошибка!

— Уберите руки, — сказал Нортон.

— Не смейте больше сюда приходить и брехать!

И я отбросил Нортона с такой силой, что он ударился головой о балку.

— Вы соображаете, что творите'

— Вон отсюда!

— Ну коли вам так нравится, это был не Метс. Вот псих попался. — И Нортон уже недовольный, не оглядываясь, через гараж к выходу.

У меня сильно стучало сердце, и глядя ему вслед, я никак не мог успокоиться. Это не мог быть Билл! Он был у своих стариков за много миль отсюда, и он не мог вернуться к отходу своего фургона. Этот дурак репортер просто перепутал фамилии. Кто-то ему сказал, что Билл должен был ехать на этом фургоне, а он перепутал...

Я вытер лицо носовым платком. Не стоило мне так себя вести с этим репортером, слишком недружелюбно. Незачем было восстанавливать против себя прессу. Я даже пошел вслед за Нортоном, чтобы извиниться, но его уже не было. Он меня очень здорово напугал, но первый шок уже прошел. Билл, конечно, не пострадал, а что касается убитого охранника...

И в это время мой взгляд остановился на "ягуаре", стоявшем у стены. Я вспомнил о двух чемоданах, стоявших в нем, и у меня внутри все похолодело. Я забыл про это, совсем забыл. Если полиция обнаружит чемоданы, то у нее будет повод меня арестовать. И если они поймут, что это краденое, то мне припишут соучастие в убийстве. Джо сказал, что Глория заберет чемоданы. А если нет? Хватит ли у нее мужества явиться сюда, где столько полиции и репортеров, щелкающих фотоаппаратами направо и налево? Уж они-то не упустят такой лакомый кусочек.

Я больше не колебался ни секунды. Необходимо сразу же отделаться от чемоданов, я только не мог решить, как. Увезти их в автобусе или в "ягуаре"? Но, пожалуй, отъезд в "ягуаре" будет более подозрителен. Быстро закрыв на болты дверь гаража, я открыл багажник и достал один из чемоданов. Он был большим, и нести его было тяжело. Я спрятал его в автобусе и пошел за вторым. Я чуть не надорвался, пока донес его до автобуса. Он был слишком тяжелым, чтобы носить его в одиночку, но в конце концов я затащил его в автобус. Я был весь мокрым и задыхался, но времени на отдых не оставалось.

Я подошел к лестнице и позвал жену:

— Анни, я хочу проверить тормоза. Проеду квартал. Двери гаража я запер.

— Хорошо, Гарри.

Я поехал. Толпа уже начала рассеиваться, но двое полицейских по-прежнему оставались на посту. Они наблюдали за мной, когда я уезжал. До тех пор пока я не завернул за угол, я не мог спокойно дышать. Я проехал по Оксфорд-стрит и Соборну. Улица была пустынной и за мной никто не следил. Неподалеку от Мирфилда, рядом со станцией метро, была свалка, и там я решил выбросить свои страшные чемоданы. В это время дня, да еще в воскресенье, там никого не бывает.

Я потратил на поездку около четверти часа, и, как я и предвидел, там никого не было, но для предосторожности я немного поездил вокруг. Потом я вытащил чемоданы и протер их тряпкой, чтобы стереть отпечатки пальцев. Потом надел шоферские перчатки и столкнул чемоданы вниз. Я наблюдал, как они кувыркались по кучам мусора, пока не скрылись в груде тряпья. Я не обманывал себя: их скоро обнаружат, но уже не в моем гараже и уже не свяжут со мной.

Потом я вернулся на Игл-стрит. Было около половины девятого. Потребовалось всего полчаса, чтобы избавиться от чемоданов. Уже въезжая в гараж, я заметил, как один из полицейских резко повернулся и пошел в контору. Закрывая двери гаража, я увидел Анни, которая стояла на ступеньках.

— Гарри! Иди скорее наверх!

Тревога в ее голосе потрясла меня. Я завернул последний болт и заспешил домой. Анни уже поднялась в квартиру. Я нашел ее в гостиной. Она, видимо, плакала до моего прихода, и один взгляд на нее заставил меня испугаться.

— В чем дело? — спросил я.

— Ты слышал о Билле?

— Билл? — у меня появилась пульсирующая дрожь в ногах. — Что это значит?

— Они... они его убили, Гарри.

— Не может быть, там его не было. Это опять тот репортер...

— Билл вернулся к отправке фургона и был убит!

Я медленно опустился на стул.

— Откуда ты знаешь. Это ошибка.

— Мне сказали полицейские.

У меня сердце замерло, а потом бешено застучало опять.

— Полиция. Они здесь были?

— Приходили, — сказала Анни спокойным и безразличным тоном. — Они сразу приехали после того, как ты уехал. Они хотели поговорить с тобой и расспросить тебя о Билле.

— Но Билл не мог верить [illegible]. Это ошибка. Я сам посадил его на поезд.

— Ах, Гарри! Думаешь, я [illegible] говорить об этом, если бы это была [illegible] убили Билла, он мертв!

Я уставился на Анни. У м[illegible] в глазах. Я взял себя в руки и надавил [illegible] виски. Головокружение прошло.

— Что ты сделал для этого с[illegible], Гарри? Я должна знать!

Билл убит! Если бы я рассказал ему о своих подозрениях, то он остался бы жив. Анни что-то говорила, но я ее не слушал. У меня ныло сердце. Билла убили! Несмотря на все мои попытки и планы, они его достали!

— Гарри!

Я вздрогнул и поднял глаза на Анни.

— Оставь меня, Анни. Оставь. Мне надо подумать. Все потом. Помолчи.

— Я должна поговорить с тобой! — закричала она. — Ты что, не понял? Сюда полиция приходила! Они мне задавали вопросы, и я им говорила правду, потому что поверила тебе. Но теперь я не уверена, что это была правда. Понимаешь? Я могла сказать им что-то такое, что тебе повредит. Ты должен теперь меня выслушать.

— Что ты им сказала? — Я увидел ее побледневшее лицо. — Что ты им сказала?

— Я сказала, что ты ходил туда прошлой ночью и относил Гаррису чашку чая. Они сначала хотели узнать о Билле, про этот телефонный звонок от вра-

ча, а потом спросили, не заходил ли ты в почтовую контору. И я сказала.

Я отступил на шаг.

— Гарри, ты ведь отнес ему чай. Ведь ты за этим туда ходил, я видела.

— Нет, я не относил ему чай. Я его не видел.

— Но ты говорил, что дал ему чай.

— Разве? Я не помню, чтобы так говорил. Я ему не дал чай. Я его поискал, но не нашел. — Я не думал, что говорил. Все, о чем я мог думать, заключалось в словах "Билл мертв, и ты в этом виноват". Если бы я с самого начала предупредил его, а не думал только о себе и о своей шкуре, он бы остался в живых.

Анни сжала кулачки и крикнула.

— Гарри! Ты меня обманываешь! Скажи правду хотя бы мне! Мне ее скажи, Гарри! Ты знаешь, что я тебе люблю и все для тебя сделаю. Что ты делал в конторе прошлой ночью?

Первый шок уже прошел, и я почувствовал, как во мне поднимается волна холодной убийственной ярости против Дикса. Если это даже будет мое последнее дело в жизни, я его найду и убью!

— Гарри!

Я взглянул на Анни, и теперь она отступила.

— Не смотри на меня так. Что с тобой? О чем ты сейчас думаешь?

Я спокойно сказал:

— Да, как раз теперь, пора сказать тебе правду. Я был на станции вчера для того, чтоб вывести из строя сигнализацию почтового фургона, на котором ездил Билл, если хочешь знать.

Анни закрыла глаза, потом подняла руки к груди и застыла, потрясенная и неподвижная. Потом она внимательно на меня посмотрела.

— Почему ты это сделал?

— Потому что у меня не хватило мужества отказаться, Анни. Вот почему я это сделал.

— Значит, это ограбление совершил Дикс и его дружки!

— Да!

— И эта девица с ними?

— Да!

— Как ты мог?

— Я не сдержал своего слова, Анни. Когда ты уехала к матери, я пошел к ней. Дикс меня выследил. Если бы я отказался выполнить его требование и не повредил сигнализацию, он показал бы тебе доказательство моей неверности. А это очень некрасивые и

грязные доказательства. У меня не нашлось бы сил смотреть тебе в глаза, если бы ты увидела это. Поэтому я и исполнил его приказ.

Анни села, крепко сжав кулаки, упершись в край стола.

— Я полагал, что избавил Билла от опасности. Я бы не сделал этого, если бы знал, что могу причинить ему вред.

— Значит, его мать здорова?

— Да. Я солгал, чтобы Билл уехал из Лондона. До сих пор не знаю, почему он вернулся: ведь я сам посадил его в поезд.

— Но он все-таки вернулся. Гарри.

— Анни, я не жду, что ты меня простишь, но мне очень тяжело. Глория для меня ничто, это только тело, и все. Это было как наваждение.

Анни встала, подошла к окну и прижалась к стеклу головой.

— Что ты собираешься делать, Гарри?

— Я хочу отыскать Дикса. Тебе, пожалуй, лучше уехать к матери.

Она вздрогнула и повернулась ко мне:

— Почему ты хочешь найти Дикса? Пусть его ищет полиция. Теперь тебе надо подумать о себе. Ты что, не понимаешь, насколько это серьезно?

— Ты имеешь в виду, что меня арестуют? Да, я понимаю. Но сначала я найду Дикса.

В это время Анни заметила какое-то движение на улице и посмотрела в окно.

— Полицейские возвращаются сюда.

Я присоединился к ней и успел увидеть только двух полицейских в форме, входивших в гараж.

— Все в порядке, дорогая, — мне захотелось обнять Анни, но я не посмел. — Не бойся. Я только спущусь и поговорю с ними.

Я прошел через комнату и стал спускаться, не оглядываясь, по ступенькам. Двое полицейских как раз стояли перед входом, когда я распахнул дверь.

— Мистер Коллинз?

— Да, это я.

— Я сержант Холлис из розыскной службы, а это констебль Дэвис. Я веду расследование ограбления почтового фургона. Полагаю, что вы можете помочь следствию. Я уже знаю, что вы были другом охранника Метса, убитого сегодня утром.

Я осмотрел этих двоих. Рослые, в одинаковых мешковатых костюмах, чуть грузные ребята. Сержант был помоложе. Его резко очерченное лицо не выража-

ло ничего. Глаза были настороженные, но спокойные.

— Да, я был его другом.

— Мистер Коллинз, я думаю, что вам придется пройти с нами в участок. Старший полицейский офицер хочет с вами побеседовать.

Мне вдруг стало все безразлично.

— Мне нельзя надолго уходить из гаража. Может, он сюда подъедет?

— У вас есть помощник?

Я колебался. Идти с ними мне вовсе не хотелось, но ведь они могли меня и не спрашивать, а потащить насильно в участок. Не стоит их настораживать.

— Хорошо, жена за всем присмотрит.

— У вас машина? Вас потом привезут. Это ведь ненадолго.

— Хорошо. Я только скажу жене.

Я посмотрел на них:

— Может, вы хотите пройти со мной?

Сержант позволил себе безразличную улыбку.

— В этом нет необходимости, мистер Коллинз.

Когда я поднимался в квартиру, то думал, что если бы полиция меня подозревала, они арестовали бы меня сразу.

Анни ждала на площадке.

— Полицейские хотят, чтобы я отправился с ними в участок, — сказал я, понизив голос. — Я скоро вернусь.

Анни смотрела на меня испуганными глазами. Чтобы ее успокоить, я выдавил из себя некое подобие улыбки.

— Они потом привезут меня обратно.

Анни молча схватила меня за рукав, завела в столовую, прикрыв за нами дверь.

— Они тебя подозревают? — спросила она.

— Не думаю. Тогда бы они поднялись со мной. Не беспокойся, я скоро вернусь.

— Гарри, мы должны быть вместе! Я не оставлю тебя. То, что случилось, для меня ничего не значит. Нам предстоит борьба.

Мне показалось, что я ослышался.

— Но я причинил тебе горе.

— Не надо об этом. Я так боюсь за тебя! Подумай, что скажешь там. Я буду молиться за тебя.

Я наконец обнял ее и поцеловал в ледяные губы.

— Никого у меня нет в мире, кроме тебя, Анни. Я люблю только тебя и всегда любил только тебя.

Она прижалась ко мне.

— Все обойдется, девочка, — я снова ее обнял и слегка подтолкнул к двери. — Я скоро вернусь.

Я быстро спустился вниз.

— Все в порядке, сержант.

Дорога в участок заняла несколько минут.

— Сюда, мистер Коллинз, — сказал сержант, выбравшись из машины.

Он быстро провел меня по лестнице к двери с красовавшейся на ней табличкой "суперинтендант Дж. В. Роусон". Он взялся за ручку и распахнул дверь передо мной.

— Мистер Коллинз, сэр.

Я прошел в небольшой кабинет. Прямо передо мной находился стол, заваленный бумагами. Обстановку комнаты дополняли старое кресло у окна, стул напротив, а остальное место было занято стеллажами со множеством полок. За столом сидел широкоплечий мужчина, уже начинающий лысеть. Ему можно было дать от сорока до шестидесяти лет. Глаза у него были необыкновенно синие. Он встал, протянул мне руку, и его простое лицо осветилось улыбкой.

— Спасибо, что заглянули, мистер Коллинз. Прошу прощения, что оторвал вас от дел. Но это очень серьезный случай, и мы надеемся на вашу помощь.

— Я сделаю все, что могу.

— Садитесь! — он махнул рукой в сторону кресла, потом посмотрел на Холлиса.

— Может, чашку чая, сержант?

— Пойду спрошу, сэр.

Когда Холлис вышел из кабинета, Роусон закурил сам и предложил мне сигарету.

— У меня, правда, нет спичек, — сказал он и похлопал себя по карманам.

— Пожалуйста, — я дал ему прикурить и бросил спичку в пепельницу.

— Вы не одолжите мне спички, мистер Коллинз? Мне отсюда не выйти до ленча, а я курю помногу.

— Прошу, — я протянул ему коробок.

— Очень вам признателен, благодарю, — Роусон положил коробку в карман и ухмыльнулся. — Меня здесь зовут "попрошайка Роусон". Кажется, моя репутация от этого не пострадает.

Я почувствовал себя спокойнее рядом с этим человеком и откинулся в кресле.

— Чего не сделаешь, когда хочется курить.

— Да, да. Итак, мистер Коллинз, Уильям Метс был вашим другом?

— Лучшим другом. В войну мы вместе воевали. Я только что узнал о его гибели. Как это произошло?

В этот момент вернулся Холлис с двумя чашками

чая. Он поставил их на стол и вышел.

— Как это произошло? — Роусон пододвинул мне чашку. — Я вам сейчас объясню. Фургон ехал по Будлейн. Неожиданно появилась чужая машина и остановилась перед ним. Трое в масках и с револьверами в руках выскочили из машины и приказали всем выйти из фургона. Метс нажал сигнал тревоги, но он не сработал. Служащие все вместе вылезли из фургона. Один из бандитов держал их на прицеле, другой отогнял машину, третий забрался в фургон.

Отхлебывая чай, Роусон хмурил брови. — В тот момент, когда бандиты занимались своим делом, Метс атаковал бандита, державшего их на прицеле. Водитель рассказывал, что Билл двигался с такой быстротой, что бандит был растерян. Метс применил прием дзю-до и повалил его. Бандит ударился о бровку тротуара и был, по-видимому, сильно ранен. Тот, что залез в фургон, выскочил оттуда и бросился к Метсу, но он и его сбил с ног. Пока это происходило, второй охранник перебежал улицу и принялся звать на помощь. Водитель, самый старший из них, остался на месте с поднятыми руками. Если бы он пришел на помощь Метсу или второй охранник не сбежал, то попытка грабежа провалилась бы. Двое бандитов были выведены из строя. Один частично, другой надолго. Хотя оставшийся бандит и был вооружен, но он бы растерялся, если бы охрана действовала сообща. К сожалению, Метсу пришлось драться с ними один на один. У Метса было новое оружие. Это был пистолет, стреляющий специальной яркой и несмываемой краской. Он намеревался этим выстрелить в бандита и перебежал дорогу. Бандит крикнул, что будет стрелять, но Метс не остановился. Он выстрелил химикатом, а тот прострелил ему голову. Метс был убит наповал. Водитель заявил, что лицо, шея, руки бандита были в синей краске. Водитель не стал дожидаться, что будет дальше. Он потерял сознание. Вот как погиб ваш друг, мистер Коллиза. Очень храбрый парень! Не удивлюсь, если его наградят крестом святого Георгия.

Я смотрел на свои стиснутые кулаки.

— У вас есть описание убийцы Метса? — спросил я.

— Большого роста, в темном костюме и черной фетровой шляпе. Его теперь нетрудно будет отыскать. Благодаря Метсу его теперь легко опознать.

Дикс!

— У нас есть основание полагать, — продолжал Роусон, — что шайка некоторое время наблюдала за пе-

ресдвижением фургонов этой конторы. Не заметили ли вы в последнее время на улице кого-либо подходящего под описание шайки?

— Нет, думаю, что не видел.

— А может, мужчину, похожего на убийцу? Он был высоким и грузным.

— Нет. Боюсь, что такого не видел.

— Ну, хорошо. А теперь о телефонном звонке из Энтона. Пусть вас это не удивляет, но такой разговор с вашим гаражом нигде не зарегистрирован.

— Разве?

— Да, мистер Коллинз. Может, телефонистка сказала что-то, после чего вы решили, что звонят из Энтона?

— Нет. Я не подумал, что могут звонить не из Энтона. Человек представился мне как врач. Кажется, он назвался Макензи. Он сказал, что звонит из Энтона, и у меня не было причин ему не верить.

— Да, конечно. Ясно, что [illegible] пытался устранить Метса. Я не понимаю, почему [illegible] если бы рядом с водителем сидел другой [illegible], то что бы изменилось? Странно, мистер К[illegible] как будто кто-то боялся, что с Метсом что-то [illegible].

— Метс был чемпионом по боксу [illegible], — четко отрапортовал я. — Бандитам, вероятно, [illegible] иметь менее опытного охранника.

— Возможно, и так. — Роусон кивнул. — Но откуда им было знать, что он боксер? Как вы полагаете, мистер Коллинз?

— Не знаю.

— Вы больше ничего не хотите сказать о телефонном звонке из Энтона, мистер Коллинз?

Я взглянул на Роусона ошарашенно. Он как будто предлагал мне признаться в моей выдумке.

— Нет, больше ничего. Кстати, я ведь сам посадил Метса в поезд. Как он успел вернуться обратно?

— Этим поездом ехал и мистер Маккензи. Они встретились в тамбуре. На следующей станции Метс позвонил домой соседям, которые сбегали к нему и нашли его родителей в полном здравии. Они позвонили Метсу, который ждал звонка на станции, и Метс вернулся в Лондон. Он-то полагал, что его разыграли. Он был обязан сообщить об этой шутке в полицию, мистер Коллинз.

Он должен был сказать это мне, — я бы всем рискнул и" выдал" Дикса.

— Да, я понимаю, мистер Роусон.

— Я знаю, что в пятницу ночью вы ходили в поч-

годую контору с часом для одного из служащих. Его фамилия Гаррис.

Вот оно! Я был внешне спокоен, но чего мне стоило выдержать прямой взгляд Роусона!

— Я хотел предложить ему чай, но его поблизости не оказалось.

Роусон слегка стукнул по краю стола.

— Ну и что было дальше, мистер Коллинз?

— Ничего. Я не понимаю, это что, важно?

Роусон улыбнулся, и его васильковые глаза вспыхнули как у мальчишки. Это меня ободрило.

— Все важно, когда расследуется убийство, мистер Коллинз. Точно все вспомните, прошу вас.

— Я работал допоздна.

— Как поздно?

— Уже после полуночи.

— Вы всегда работаете так поздно?

— Нет, но у меня была срочная работа.

— Какая, мистер Коллинз?

Я опять посмотрел ему в лицо. Та же улыбка, дружелюбный и заинтересованный взгляд.

— Один клиент оставил машину на профилактический осмотр. У него сломался карбюратор. Он собирался в отпуск и просил все сделать до утра. Вот я и работал допоздна.

— Как его имя?

Роусон поймал меня на вранье. Я солгал тогда Анни, зная, что она проверить мои слова не сможет. Теперь я, как дурак, повторил это полиции, а уж она-то сможет это проверить, да еще как.

На некоторое время мозг отказался работать. Я моргал глазами, пока Роусон не повторил свой вопрос.

— Я пытаюсь вспомнить. Кажется, его фамилия Маннинг.

Роусон кивнул мне.

— Марка машины?

— "ТВР".

— А номер?

— Не помню, хоть убейте, — ответил я, собрав все свои силы. — Извините меня, но ккое это имеет отношение к делу, не пойму. По-моему, мы напрасно теряем время.

Роусон рассмеялся так, как будто я сказал что-то очень смешное.

— Буду откровенным, мистер Коллинз. Кто-то вывел из строя сигнализацию фургона. Это произошло до сегодняшнего утра. Ее проверяли в четверг. Значит, ее кто-то испортил до ночи в субботу. Я пытаюсь

выснить, кто это сделал. В почтовом отделении посторонних бывает очень немного. Я сделал список таких лиц и теперь его проверяю. Когда я найду, кто это сделал, я разгрызу орешек с этим ограблением.

Я, наверное, переменился в лице.

— Я надеюсь, что вы не думаете, что это моя работа?

— Мистер Коллинз, пятеро посторонних побывали за это время в конторе. Вы — один из них. До тех пор, пока они не докажут свою невиновность, все останутся под подозрением. Вы можете доказать, что не делали этого, мистер Коллинз?

Я сидел неподвижно, глядя ему в лицо.

— Думаю, что нет. Но, разумеется, я не мог этого сделать.

— Я бы очень удивился, если бы вы в этом сознались, мистер Коллинз. Но вернемся к "ТВР". Какого он был цвета?

— Серого.

— Этот мистер Маннинг жил неподалеку от вас, мистер Коллинз?

— Никогда его раньше не видел. Точно не знаю.

— Для вас будет лучше, если вы его найдете и мы сможем проверить ваши показания.

— Боюсь, что вам придется поверить мне на слово.

— Полиция никому не верит, мистер Коллинз, на слово. Мы народ дотошный. Найти мистера Маннинга будет нетрудно. Поищем. Дальше, мистер Коллинз, вы работали допоздна. Что потом?

Мне очень хотелось пить, но попросить воды, значило бы, что я нервничаю.

— Я приготовил себе чай около полуночи, потом подумал, что Гаррис тоже захочет выпить, и понес ему чашечку.

— Понесли чай, — Роусон сделал себе отметку в блокноте.

— Да, перешел дорогу и заглянул в контору. Но Гарриса не увидел. Потом позвал, но не услышал ответа. Я бросил это дело и вернулся в гараж.

— Вы не заходили в бюро?

— Я зашел на три-четыре ярда, но не больше того.

Роусон кивнул и сделал еще одну пометку в блокноте.

— А дальше?

— Я пошел спать.

Его голубые глаза буравили меня насквозь.

— Хорошо, мистер Коллинз... Очень, очень удов-

летворительное объяснение. Гаррис признался, что часто спит во время дежурства. Он, должно быть, спал и тогда, когда вы к нему заходили.

Я перевел дух. Роусон опять заулыбался, его глаза потеплели. Я взглянул на часы.

— Ну, если это все, суперинтендант, то я пойду домой. Моя жена...

— Я не задержу вас больше, чем нужно. Еще несколько вопросов. Это был единственный ваш визит в бюро, мистер Коллинз?

— Думаю, да, — ответил я, и струйка пота потекла у меня по спине. — Может, я там был с Биллом, но я не помню сейчас.

— Вы не заходили туда утром в четверг? Я слышал, что вы приходили и хотели поговорить с Биллом Метсом, но вам сказали, что его нет на работе. Это верно?

Я облизнул сухие губы.

— Да, про это я забыл.

— Разве вам не показали фургон Билла, когда вы попросили Гарриса об этом?

Я видел, что челюсти ловушки смыкаются, и собрал все свои силы.

— Кажется, мы говорили о фургоне.

Роусон вдруг потерял к нему всякий интерес.

— Ваш бизнес выгодный, мистер Коллинз?

Это вопрос выбил меня из колеи.

— В настоящий момент дела идут неважно, но ведь они могут и поправиться.

Роусон опять кивнул мне.

— А теперь вернемся к прошедшей ночи. Вы уверены, что отнесли Гаррису чашку чая?

Я почувствовал ловушку, но так как один раз дал уже ответ на этот вопрос, то мне пришлось повторить.

— Да, уверен.

Роусон нагнулся и достал что-то из-под стола.

— Это не ваш термос, который вы брали с собой, мистер Коллинз? — спросил он и положил передо мной на стол бело-голубой термос, который я забыл в фургоне.

ГЛАВА 15

Сержант Холлис притормозил рядом с моим гаражом.

— Если вы нам опять потребуетесь, мистер Коллинз, — сказал он мне на прощанье, — то я опять за вами заеду. Пожалуйста, не отлучайтесь из дома на эти двое суток.

— Хорошо, я буду на месте. Если я буду на вызове у клиентов, то я сообщу жене, где меня искать.

Холлис пристально посмотрел на меня.

— Это хорошо. Вы нам опять скоро будете нужны, — сказал он и уехал.

— Это очень неосторожно, дружок, — пробормотал я ему вслед, стоя у входа в гараж. — У тебя был шанс. В другой раз ты меня так просто не найдешь.

Удивительно, что Роусон меня вообще отпустил. У него было достаточно улик, чтобы сразу меня арестовать. Теперь я уже не верил его улыбке и его интересу к моей особе. Меня не обманули его извинения, когда он предложил Холлису снять мои отпечатки пальцев.

— Один из членов шайки мог обронить термос, и мы найдем на нем отпечатки пальцев. Там могут быть ваши отпечатки пальцев и отпечатки пальцев Метса, так чтобы мы не терял[illegible] времени.

Он, казалось, удовлетворил[illegible] моими объяснениям, что я отдал термос Метсу нес[illegible] недель назад, но меня не обманешь. У меня сохранилось впечатление, что он играет со мной как кошка с мышкой. Окончательно я в этом убедился, когда в[illegible] как он просил меня коробок спичек и как [illegible] с ним расстаться. Все время мне казалось, что здесь что-то не так, и вот я понял наконец! Ведь именно из этого коробка я взял спичку, чтобы соединить провода в машине Билла. Я имел представление о методах научного ведения следствия и знал, что полиция быстро докопается, что спичка взята из этого коробка. Я понимал, что, несмотря на всю свою осторожность, мог оставить несколько отпечатков пальцев в фургоне. Был один шанс к тысяче, что я оставил отпечатки, и эксперты их найдут.

Вероятно, дело только за этим, а может, и нет. Вероятно, милиция отложила арест в надежде, что я приведу ее к шайке. Но так или иначе, у меня осталось несколько свободных часов. Это меня беспокоило. О себе я не думал. У меня не будет времени найти Дикса, но я должен его найти, даже, если это будет последнее, что сделаю в жизни.

Я прошел в пустой темный гараж и в это время услышал торопливые шаги Анни. Я понял, что вперые после нашей свадьбы она мне может помешать. У меня было дело и его необходимо было сделать в одиночку.

— Так что там было, Гарри?

— Пойдем наверх.

Рука об руку прошли мы с ней через темный гараж и поднялись в контору. Я устало опустился в кресло и увидел бледное лицо Анни.

— Плохие дела.

Она села на пол рядом с креслом и посмотрела на меня.

— Расскажи мне все.

Я рассказал ей все, ничего не скрыв, почему и как умер Билл, как глупо я соврал полиции о воображаемой "ТВР", такой редкой модели, о воображаемом Маннинге, как оставил термос в фургоне и как, вымани л у меня коробок со спичками.

Они нашли термос в фургоне, — закончил я. — Они притворились, поверили моим словам, что я отдал термос Биллу, но это дало им возможность взять отпечатки.

Анни коротко вздохнула.

— Они взяли твои отпечатки?

— Да, я не мог отказаться, наверняка я оставил свои отпечатки в фургоне. Я не хочу пугать тебя, Анни, но факты против меня. Меня скоро арестуют и обвинят во всем.

— Что с нами будет, Гарри? Как ты мог? Не могу поверить, что это происходит с нами...

— Это случилось... что теперь жалеть. Это я виноват, а страдаешь ты. Лучше всего теперь...

— Подожди, осталось только одно, пойти прямо в полицию и все рассказать. Прямо сейчас.

— Слишком поздно, ведь произошло убийство. Они меня задержат и будут держать под арестом, а что будет с тобой? Дикс пригрозил, что расправится с тобой, если я их выдам, а он выполнит свою угрозу. Они грозили облить тебя серной кислотой. Я не могу сказать всего.

— Думаешь, я его боюсь? Наше счастье важнее. Ты должен все рассказать полиции. Они поверят, если ты расскажешь сейчас, когда, знают почти ничего, но, если они докопаются сами, то не рассчитывай на их сниходительность. Тебя будут судить вместе со мной.

Слишком поздно. Надо было сказать сразу. Теперь они подумают, что я просто испугался.

Ты должен это сделать, — Анни сжала мою руку. — Если ты этого не сделаешь, то я пойду сама.

— Нет, Анни!

— Ты собираешься что-то предпринять, да? Ты меня пугаешь...

— Я хочу скрыться.

— Ты не можешь! Не должен! Если ты убежишь,

полиция сочтет тебя соучастником. Ты не уйдешь, они тебя найдут. Полиция всегда находит кого хочет.

— Мне надо исчезнуть, Анни. У меня есть дело, которым я хочу заняться в одиночку.

— Дело? Что за дело?

— Я собираюсь найти Дикса.

Анни посмотрела на меня пустыми глазами.

— Но это же глупо. Дикса найдет полиция, а тебе не надо вмешиваться в это. Если ты убежишь...

— Я хочу, чтобы ты уехала к матери, Анни. Там ты будешь в безопасности. Дикс не знает, где живет твоя мать. Я хочу, чтобы ты уехала немедленно.

— Но, Гарри, это несерьезно. Ты меня пугаешь. Я не могу оставить тебя одного, ты опять натворишь каких-нибудь глупостей.

— Ты зря тратишь время, Анни. Не спорь со мной.

Анни заплакала:

— Умоляю тебя: будь благоразумней. Я буду с тобой. Давай не будем расставаться. Сделай так, я прошу, милый!

Я понял, что время идет, а Анни не переубедить. Следовало изменить линию поведения, а то меня арестуют прежде, чем она кончит рыдать.

— Дай мне немного подумать, Анни, — сказал я и поднялся. — Мне надо обдумать все самому. Дай мне полчаса.

Она подозрительно похлопала ресницами, мокрыми от слез.

— Зачем ты хочешь найти Дикса?

— Я хочу разрушить его планы. Кроме того, я хотел бы с ним побеседовать по поводу смерти Билла. Это надо сделать до суда. Хотя, возможно, ты и права: Дикса нужно отдать полиции.

Анни колебалась.

— Хорошо, Гарри, я тебя подожду здесь. Будь благоразумней. Тебе надо пойти в полицию.

Я обнял ее и поцеловал.

— Подумаю, дорогая.

Пройдя в контору, я достал бумажник и пересчитал деньги: восемь фунтов банкнотами, две бумажки по десять шиллингов и немного мелочи. Я положил деньги в карман. Потом достал чековую книжку. На счету было пятьдесят два фунта. Я выписал чек на имя Анни на всю сумму. Потом взял лист бумаги и написал:

"Дорогая Анни, нет времени на долгое объяснения. Я не прощу Диксу смерти Билла. Я найду его и

за все сразу расквитаюсь. У нас с Биллом было много общего, о чем ты даже не знаешь. Он был частью меня самого. Он убит из-за моего глупого поведения. Лучшая часть меня самого умерла вместе с ним. То, что произойдет со мной, не важно. Ведь я испортил нашу жизнь и предал тебя. Через несколько лет я выйду из тюрьмы уже не тем, каким ты меня знаешь. Продай все. У тебя останется около двух тысяч фунтов. И возвращайся к матери. Эта шайка опасна: они могут найти тебя и отомстить. Ради меня и ради твоей жизни постарайся, чтобы они тебя не нашли. Прости меня, если сможешь. Будет лучше, если мы сейчас расстанемся. Я всегда буду тебя помнить и любить. У меня есть дело и я должен сделать его один.

Прощай, дорогая! Гарри".

Потом я сделал приписку:

"Встречусь с тобой потом, чтобы проститься. Напишу тебе или твоей матери".

Я положил письмо и деньги в конверт и сразу почувствовал себя как на иголках. Глупо было уходить вот так, но выхода не было. Каждую минуту сюда могли войти Анни или полиция. Следовало бы взять с собой кое-какие вещи из одежды, но я подумал, что у полиции сразу же возникнут подозрения, если они меня увидят с чемоданом, и тогда меня арестуют.

Я посмотрел на часы: прошло уже семь минут, и мне надо было уходить. Пройдя по гаражу, я обошел "ягуар", было соблазнительно взять его, но и выследить меня тогда было бы просто.

Я открыл дверь гаража и вышел на яркий солнечный свет. Я немного помедлил, закурил, наблюдая за полицейским в дверях почты. Он настойчиво не замечал меня, так настойчиво, что было ясно — у них приказ меня игнорировать. Это могло означать только одно — Роусон следит за мной и все еще впереди.

Я пошел по направлению к Оксфорд-стрит. Я не оглядывался: как бы Анни не бросилась за мной следом, прочитав мою записку.

Мне попался автобус, свернувший с другой улицы, я нырнул в него и прошел в салон. Сев рядом с кондуктором, я огляделся. Никто за мной не гнался. Но уже через пару минут я увидел полицейскую машину, появившуюся сзади и двигавшуюся за нами в нескольких ярдах.

Да, полицию будет трудно провести. Если они меня потеряют, то им нетрудно будет оповестить все полицейские посты и патрули, и они тотчас меня обнаружат. О моих приметах будет оповещен каждый ре-

гулировщик. Не просто будет от них оторваться, но на войне я и не в таких переделках не терялся, а вот они об этом не знали, и это мой козырь. Я был уверен, что сумею оторваться от хвоста.

Взяв билет и сойдя с автобуса, я опустился в станцию подземки, потом подошел к газетному киоску. Я был уверен, что сыщик или даже двое выскочили из машины, когда я исчез из виду, и теперь меня ищут.

Я остановился около киоска, купил газету и билет, потом прошел к поезду. На платформе было мало народу. Я прошел в конец вагона и сел на скамью. Вероятно, сыщик встал так, чтобы его не было видно с платформы.

В газете на первой странице было напечатано: "Сегодня рано утром был ограблен почтовый фургон. Трое грабителей в масках исчезли, унеся с собой необработанные технические алмазы на сумму 300000 фунтов, которые перевозили из почтовой конторы на Игл-стрит в аэропорт в Норфолке. Охранник из команды, попытавшийся помешать этому самому дерзкому преступлению, был убит выстрелом в голову. Скотланд-Ярд ведет самое тщательное расследование".

300 000 фунтов! Эта сумма меня потрясла. Вот ради чего Дикс шел на все. Алмазы были почти как деньги. Теперь ему надо было переправить их за границу, где на черном рынке за них дадут еще больше.

Я подумал о том, как Дикс может поступить дальше. А если он уже на самолете улетел в Европу? Если он улетел, то он для меня потерян навсегда. Что же мне предпринять в первую очередь? Прежде чем пуститься на поиски Дикса, мне необходимо отделаться от полиции. Второй возможности уйти Роусон мне больше не даст, если они меня поймают, то немедленно арестуют, а это конец всему. Мне надо переодеться так, чтобы меня не узнали. Я подумал о квартире Берри. Сейчас он прячется вместе со всеми. Он, вероятно, оставил свои вещи в квартире. Мы с ним примерно одинакового роста, и я буду спасен, если проберусь к нему в квартиру.

Сложив газету, я поднялся. Подходил поезд, и я прошел на платформу. Когда, сверкая огнями и грохоча, поезд вырвался из туннеля, я увидел высокого и грузного парня, который вышел из-под арки, ведущей к выходу со станции. Я внимательно его рассмотрел, чтобы потом сразу узнать. Коричневый костюм, пробитая шляпа и манера поворачивать и держать голову, выдававшая непривычку к штатской одежде, выдавали

в нем полицейского. Он сел в вагон рядом со мной. Играть надо было очень осторожно. Надо было скрыться так, чтобы он не подумал, что я его заметил и понял его роль. Пусть сыщик думает, что упустил меня по неопытности.

Я сошел с поезда в Кингстонбридже и зашагал по платформе к выходу. Уже на середине лестницы я оглянулся и увидел, что сыщик стоит ниже и усердно читает газету. Станция была пустынной, и я подумал, что выбрал не лучшее место для побега. Воскресное утро с его пустынными улицами было мало пригодно для игры в прятки. В толпе не затеряешься, если толпы нет.

Надо было побли[же] к Квинз-авеню и там исчезнуть. Я пошел [к] Кинг-парку. Еще немного, и я буду у цели. [Слы]шал шаги сыщика за спиной, но не оглядывался. [Он] отставал от меня примерно ярдов на пятьдесят. [Я] перешел дорогу и остановился на углу, закурив.

Шаги резко об[орва]лись. Я положил в карман сигареты и неторопливо [свер]нул за угол. По моим расчетам я буду секунд [шесть] вне поля его зрения. Повернув за угол, я бросился бежать со всех ног. Мои туфли простучали по [тро]туару. Я пронесся как ветер к Императорскому институту. Перескакивая через три ступеньки, я спрятался за колоннами, прислонился к стене и стал наблюдать.

Детектив показался из-за угла. Он не спешил: он был уверен, что я никуда не денусь. Но когда он увидел пустую улицу и никаких следов моей особы, он остановился, как будто споткнулся. Я застыл, отступив в тень колонны. Сыщик оглянулся и бросился бежать до конца улицы, глядя растерянно по сторонам. Я оставался на месте, наблюдая за ним. Он немного постоял, словно раздумывая, а потом пошел решительным шагом к моему убежищу. Под аркой стояла телефонная кабина, и я спрятался за ней, продолжая наблюдать.

Через стекло кабины мне было хорош видна улица. Я видел, как детектив прошел мимо арки, поколебался, но потом поднялся по ступенькам. Я спрятался за панелью двери и ждал с бьющимся сердцем. Я слышал, как он поднялся к арке, видел его глаза, всматривающиеся в глубину. Я ждал, когда он откроет дверь кабины, и тогда я его ударю. Но раздались быстрые шаги вниз по ступенькам, обратно на улицу.

Я поднял голову и увидел, как детектив утирает пот, стоя внизу у лестницы. У него было потное, злое и красное лицо. Должно быть, он проклинал себя за

легкомысленное отношение к работе. После некоторого колебания он пошел по Квинз-авеню, повернул за угол и исчез совсем. Я решил немного подождать, чтобы он убедился, что совсем потерял меня из виду. Он, разумеется, не поспешит в участок сразу, но, когда он сообщит о моей пропаже, здесь появятся сразу две или три полицейских машины, начнут обшаривать все щели и меня, конечно, обнаружат.

Спустя двадцать минут я вышел из убежища и огляделся. Никого не было видно. Тогда я спустился вниз, осмотрелся и пошел к Квинз-авеню. Я не спешил, поскольку допускал, что преследователь спрятался и следит за мной. Но на углу, я не колеблясь, свернул на нужную мне улицу.

Детектив шел по улице в ярдах двадцати передо мной. Плечи у него были подняты, а шляпа сдвинута на затылок. Он сразу бы меня увидел, если бы обернулся хоть на мгновение. Я взглянул на номер дома. Был только номер семь. Квартира Берри была в следующем доме, но до него было около тридцати ярдов. Полицейский шел не останавливаясь. И я следил за ним, чуть не теряя сознание от страха. Он вошел в дом номер три. Теперь я шел на цыпочках, молясь, чтобы полицейский не оглянулся.

Добравшись до нужного подъезда, я нырнул в него. Переведя дух, постоял несколько минут и принялся исследовать список жильцов.

Нужная мне квартира была на самом верху. Лифта не было. Добравшись до третьего этажа, я выглянул в окно. Мне вовремя удалось спрятаться: в пятидесяти ярдах от дома затормозила полицейская машина, и мой преследователь стрелой помчался к ней.

Я отошел от окна и стал подниматься дальше, на пятый этаж. Было рано: около десяти утра. Обитатели дома еще нежились в кроватях, наслаждаясь воскресным отдыхом. Приложив ухо к дверям квартиры Берри, я прислушался. Там не было слышно ни звука.

Тогда мне пришлось потрясти немного дверь за ручку. Считая, что дверь заперта, я, не церемонясь, повернул ручку, но дверь отворилась, и я вошел в прихожую. Первое, что мне бросилось в глаза, заставило меня замереть на месте. Около двери стояли два больших чемодана, а сверху лежали плащ и шляпа. Похоже, что Берри был дома. Это заставило меня пожалеть о том, что я не вооружен.

Я закрыл входную дверь и подошел к следующей, внутренней. Потом прислушался. Было все так же тихо. Повернув ручку, я приоткрыл дверь так, чтобы

мне было видно все, что происходит в комнате. Комната была большая и светлая. Она была набита креслами, пуфами и подушками. Напротив окна был обрудован бар. Осторожно ступая, я прошел еще в одну дверь, ведущую, кажется, в спальню. Заглянул.

Берри лежал неподвижно на спине, раскинувшись на огромном диване. Он был одет. Лицо у него было грязно-серым. Глаза закрыты. Он, казалось, не дышал. Около него лежал пистолет, и он мог легко дотянуться до него.

ГЛАВА 16

Я медленно пересек комнату, и, когда уже подходил к кровати, Берри открыл глаза. Он попытался дотянуться до пистолета, но я опередил. Я вырвал у него пистолет одним движением руки и отошел к стене.

— Привет, Берри, — сказал я.

Он смотрел на меня. На наволочке подушки, вокруг его головы образовался грязные след. Присмотревшись внимательнее, я заметил, что его костюм весь мокрый от пота.

— Коллинз, — прохрипел он, — я думал, что это полицейские, чтоб им сдохнуть.

— Пока нет, но они уже близко. Они меня ищут.

— Как я рад тебя видеть, Коллинз. Я тебя тут так долго ждал. Дай мне пить. Я так много пережил.

— Что с тобой? — спросил я и сел на край кресла, держа пистолет стволом вниз.

— У меня сломана спина. Этот ублюдок меня ударил, и я был готов.

— Не стоит расстраиваться. Этот ублюдок, как ты сказал, уже мертв. Дикс его убил.

У Берри сузились глаза.

— Мне это безразлично. Что ты тут делаешь?

— Меня ищет полиция. Они считают, что я один из участников ограбления. Твои приятели унесли 300 000 фунтов, а за мной из-за этого охотится полиция. Они даже могут меня повесить, если поймают.

— Они этого не сделают, — прошептал быстро Берри. — Они не повесят и меня, поскольку я не убивал этого парня.

— Кажется, эти алмазы не пошли тебе на пользу, приятель?

— Оставь алмазы в покое. Дай мне лучше выпить и позвони врачу. Не пялься на меня так, я лежу уже здесь давно, сначала ужасно болело, но теперь полег-

чс. — У него вдруг осел голос. — Страшно мне, приятель. Я больше не чувствую ног.

— А Билл Метс вообще ничего не чувствует.

— О чем ты? Ради бога, дай мне что-нибуль выпить. Тебе что, жалко?

— Ты не можешь пошевелиться?

В ответ он только застонал.

— Я тебе о чем говорю! У меня разбит позвоночник, понял? Я ног не чую! Ты должен врача позвать, чловск ты или пень?

— Почему твои приятели не вызвали врача?

— Джо собирался. Может, он его не застал... но все же ты... вызови врача...

— Это все ерунда!

— В чем дело?

— Дело в том, что они оставили тебя здесь умирать.

— Нет! Ты врешь! Нет! — выдохнул он. — Они не могли так сделать: они не такие гады, как ты. Может, они сейчас сами попали в переделку. Это сейчас неважно, раз здесь ты. Вызови врача из госпиталя. Вот его телефон.

— Но тебя могут повесить.

— Не сходи с ума. Они не знают, кто я. Они не знают, что я грабил фургон. Я могу сказать, что просто упал. Черт тебя побери, позвони скорее!

— Где Дикс?

Берри зашевелил губами.

— Черт его знает. Ты вызовешь врача или нет?!

Я достал сигарету, а он продолжал ныть:

— Господи! Ты же видишь, как мне плохо. Дай мне выпить! Там, в баре, есть выпивка по любому рецепту, от всех болезней помогает. И врача позови!

— Где Дикс?

Глаза Берри горели как у затравленного зверька, попавшего в ловушку.

— Я тебя прижму, Коллинз, если не вызовешь врача. Твоя жена получит фото, где ты... с Глорией...

Я наклонился и ударил Берри по щеке. Голова его мягко перекатилась по подушке. Он вскрикнул, закрыл глаза и потерял сознание. Наклонившись, я пощупал его пульс. Он был слабенький. Похоже, что он долго не протянет. Пока Берри не скажет, где находится Дикс, с ним надо быть поаккуратнее. Если же он и сам не знает, то я пропал.

Подойдя к бару, я смешал виски с содовой и подошел к окну. Полицейская машина уже уехала, и никого не оставалось на улице.

Вернувшись к Берри, я вылил виски ему прямо в

рот. Он ожил и открыл глаза. Они были мутными.

— Пей. Пей, раз просил.

Он выпил все и опять закрыл глаза.

Дышал он тяжело. Я решил его пока больше не трогать и пошел к шифоньеру в глубине комнаты. Там висело несколько костюмов.

Я выбрал светлый легкий пиджак и светло-коричневые брюки. Пиджак был немного великоват, но это пустяки. Потом я взял желтую рубашку и в тон ей галстук. И переоделся.

Посмотрев на себя в зеркало, я остался доволен осмотром. Теперь мне можно было не опасаться, что меня узнают с первого взгляда. Я выглядел как американский турист, и до тех пор, пока сыщики не столкнутся со мной нос к носу, они мне не страшны. Потом я примерил туфли. У Берри была точно такая же нога, как и моя. Порывшись в шифоньере, я нашел зеленые очки. Надев их и шляпу, остался доволен своим маскарадом

Я вернулся к Берри. Он корчился от боли.

— Где Дикс? — опять спросил я.

Он закрыл глаза.

— Если хочешь врача, то тебе лучше сказать.

— Не знаю.

— Ты должен знать его убежище. Где вы собирались встретиться?

У Берри вспыхнули глаза.

— Здесь.

— Не болтай. Дикс сюда не пошел бы.

Я взял его за рубашку.

— Придется тебе сказать. Или я тебя сейчас переверну, и тебя будет очень больно. Так что тебе лучше сказать.

— Не надо, не надо, — взмолился он.

— Где Дикс?

Берри схватил меня за рукав и попытался вцепиться ногтями в мою кожу, надеясь оторвать мои пальцы. Тогда я его чуть повернул... У него глаза вылезли из орбит, и он закричал.

— Прекрати... я все... Я расскажу!

Я чуть ослабил руку.

— Итак, где Дикс?

— Монкс-Фарм, Ильмер.

— Это около Принс-Ринсборо, да?

— Да.

— А дальше, Берри? Ведь они бросили тебя здесь умирать, а сами хотят убежать за рубеж. Не думай, что они за тобой вернутся. Зачем им возиться с та-

ким бревном? Куда они потом хотели отправиться?

— Когда стемнеет, за ними прилетит вертолет. За фермой есть площадка. Они хотят лететь в Париж.

Я не был до конца уверен в правдивости слов Берри, но что мне оставалось делать?

— Где негативы моих снимков с Глорией?

— Врача... — простонал Берри.

Я опять взял его за ворот.

— Где они?

— Не тронь меня, пес! Они в столе, в той комнате. Да вызови же врача, гад!

Я улыбнулся ему:

— Ты, видно, спятил. Меня полиция ищет, и я не могу допустить, чтобы меня видел доктор. Тебе придется подождать, приятель.

Порывшись в столе, я нашел коробку с негативами и снимками. Мои были наверху, но мне попалось на глаза достаточно грязи, прежде чем я их увидел. Потом я все это отнес в камин и сжег. С этим пламенем уходили стыд и боль. Сколько людей страдало годами, оступившись один раз. Я не был уверен, что это все негативы, но сюда можно будет вернуться потом. Даже теперь, когда я все рассказал жене, мне не хотелось, чтобы она видела эти фотографии. Порывшись в столе, я нашел около [illegible] фунтов денег и мелочь.

Не задумываясь, я сунул все это в карман. Нашел я и ключ от машины Берри и еще один ключ с биркой "гараж 83".

Я прошел на кухню и из окна увидел внизу гараж. Я вернулся в спальню:

— Твоя машина в гараже?

— Ты ведь меня не оставишь, — спросил Берри, задыхаясь. — Ты ведь мне поможешь?

— Машина в гараже?

— Да. Но ты ведь вызовешь врача, прежде чем уедешь? Не будешь свиньей?

— Если тебе нужен врач, то сам его и вызывай. Я хотел тебя прикончить, но вижу, что ты уже и так не жилец. И врач тебе ни к чему. — Я махнул рукой на телефон. — Если считаешь, что это не так, сам вызови.

Я надел шляпу и очки и пошел к двери.

— Коллинз, не покидай меня... я... мне жаль, что так случилось. Не дай умереть мне здесь одному.

Я открыл дверь.

— Если тебе повезет, то твои друзья тебе помогут. Но я этому не верю. Ты недостоин жизни. Пока ты

жлешь смерти, подумай о тех, кому ты делал пакости в жизни. Подумай о них, и это тебя развлечет, — сказал я и хлопнул дверью.

В холле я обследовал содержимое обоих чемоданов. Кос-какие вещи я упаковал в один из них. Костюм, ботинки, коричневый пиджак, рубашки, бритву, еще один пистолет, бутылку бренди и около десяти тысяч франков.

Берри слабо стонал, проклиная меня, но я не обращал на него внимания. У меня были теперь деньги, машина, одежда и, главное, оружие. Теперь я мог расквитаться с Диксом.

ГЛАВА 17

Я проехал всю Квинз [illegible]. В конце улицы стояла полицейская машина. Последовавший меня полицейский стоял рядом с ней и разговаривал с водителем. Они оба молча посмотрели на меня, когда я проезжал мимо, но я держался невозмутимо-спокойно. Шляпа была надвинута у меня на самые глаза. Я был уверен, что меня не узнают, но момент был опасный, черт побери!

Они не обратили на меня внимания, а у меня вспотели ладони, когда я повернул к Гайд-парку и поехал вниз, к Квинз-Род. Было пять минут одиннадцатого. В полдень я буду в Ильмере. Движение было небольшим и я поехал через Фенчерч, Буш спокойно, без спешки.

Проехав по дороге почти до самого городка, я увидел женщину с тележкой. Притормозив, я высунулся из окна.

— Я ищу Монкс-Фарм, вы не подскажете, где это?

— Первый поворот направо. Это там, за лугом. Две или три мили отсюда. Это единственная ферма, так что вы не ошибетесь.

— Спасибо. Я слышал, что она продается.

Она покачала головой:

— Продавалась, но ее уже купили полгода назад.

— Мне сказали, что она снова будет продаваться, и я захотел посмотреть на нее. Вы не в курсе, как фамилия хозяина?

— Не знаю. Они, наверное, еще не въехали в дом. В прошлое воскресенье я была там и никого не видела. Они там, видно, не живут.

— Ну, раз я сюда заехал, то надо взглянуть на нее. Спасибо вам.

Две мили спустя, у поворота, стоял маленький

трактирчик. Рядом с ним, и остановился. Навстречу мне вышел хозяин, большой, крупный мужчина. Я спросил у него:

— Можно мне здесь поставить машину? Я хочу прогуляться и не знаю, где ее можно поставить...

Он дружелюбно улыбнулся:

— Все в порядке, сэр. Но, бог мой, если бы у меня была такая машина, я бы уж никогда не ходил пешком.

— Гуляли бы, если бы всю неделю просидели в Лондоне. — Я указал на тропинку: — Куда она ведет?

— На ферму Монкса, но там есть еще дорога к Темзе, если вы собираетесь основательно прогуляться. Вполне приличная дорога.

— Спасибо, — я полез в карман и достал пять шиллингов. — Вдруг я вас больше не увижу.

— Спасибо, сэр. Потом вы, я надеюсь, заглянете в бар. У вас наверняка появится желание промочить горло после такой прогулки.

Я помахал ему рукой и отправился по тропинке. Когда удалился от поворота достаточно далеко, достал пистолет и проверил его. Это был пистолет Берри, шестнадцатизарядный, 33-го калибра. Я снял предохранитель и сунул пистолет обратно. Через три четверти мили деревья расступились, и я очутился перед старым фермерским домом. Он стоял в сотне ярдов от тропинки. Вокруг дома был забор. Взобравшись на него, я изучил постройку, придерживаясь для надежности за ветку дерева.

В доме было не меньше семи комнат, а вокруг заброшенный сад. Все это давало хорошую возможность затаиться. Высокая трава и кустарник, тенистые деревья окружали дом. Подъезд зарос мхом, и его покрывала грязь.

Напротив дома, у забора, располагались коровник, свинарник и конюшня. Позади дома была летняя кухня с навесом. Там росли большие платаны и ореховое дерево.

Я перелез через забор и опять пошел по тропинке. Двигался я осторожно, ловя каждый шорох. На последнем повороте я остановился, увидев белую дверь фермы, решая, каким образом ближе подойти к дому. Ответ мне подсказал мой опыт ведения войны в джунглях. Опустившись в траву, я медленно и осторожно пополз по-пластунски, пока не добрался до кухни. Здесь я был в безопасности, поскольку навес над летней кухней был широк, и, перекатившись, я нашел щель в досках, которая давала возможность все видеть, оставаясь незамеченным.

Так я просидел полчаса, не замечая никакого движения; и уже подумал, что Берри меня обманул. Они, возможно, переменили свои планы, хотя рядом была отличная площадка для посадки вертолета или самолета.

А вдруг он уже прилетел за ними? Нет, невозможно: днем такая посадка затруднительна. Полиция, вероятно, уже предупредила всех о возможной посадке незарегистрированного самолета, так как бегство по воздуху было для Дикса единственной возможностью, и полиция это знала. Если бы мне удалось поближе подобраться к дому и заглянуть в комнаты! Я уже собирался подняться, как открылась дверь и появился Джо. У меня отчаянно забилось сердце.

На Джо была фланелевая рубашка и светлые брюки. На плече болталась кобура с пистолетом крупного калибра. Он медленно подошел к воротам и выглянул на тропинку. Потом взглянул на часы, вздрогнул и опять уставился на тропинку. Ясно, что он кого-то ожидает, но вот кого... Потом он пошел обратно к дому. В это время появился Луи. На нем был летний пиджак и под мышкой явно обрисовывался пистолет.

— Их еще не видно? — спросил он, выходя на солнечный свет.

— Нет. Кто их знает, что там с ними могло случиться, — сказал Джо. Он явно нервничал. Вокруг стояла знойная тишина, и я их отчетливо слышал.

— Думаешь, их накрыли? — спросил он, его женственное лицо стало землистым, и под глазами появились темные круги.

— Откуда мне знать? — огрызнулся Джо. — Эти деятели должны были приехать час назад.

— Давай пожрем, а то все остынет.

Они вернулись в дом и закрыли дверь.

Я поднялся на ноги. Значит, они ждали Дикса и Берри и в доме их было только двое. До дома было ярдов пятьдесят, трава была высокая, и я полз совершенно незаметно. Одно из окон с задней стороны дома было открыто. Мне необходимо было проползти к нему мимо двери, а укрыться там было негде. Мне не хотелось, чтобы меня заметили, и я переменил направление, — пополз к фасаду дома. Я полз, пока мне не стали видны элементы дома. Я увидел, что Джо и Луи сидят в комнате рядом с входом и подкрепляются. Комната была маленькая, в ней не было мебели, только пыль и паутина. Довольный тем, что меня не заметили, я пополз к задней части дома, где были открыты окна. Потом влез внутрь. Подойдя к двери, я

открыл ее со всей осторожностью. Я увидел большой коридор, связывающий обе части дома. За дверью слышались голоса, но разобрать, о чем они говорили, было невозможно. Справа от меня была лестница на второй этаж. Я решил, что наверху будет безопасней, и стал подниматься. Когда я дошел до середины лестницы, ступеньки заскрипели так, что я замер с поднятой ногой. Я стал ступать через две ступеньки и уже добрался до площадки, когда внизу открылась дверь.

— Ты что, не слышал? — раздался голос Луи, дрожавший от страха. — Мне кажется, что в доме есть кто-то еще...

— Брось дрожать, трус несчастный. Тут полно крыс. Я видел одну на кухне, как лошадь здоровая.

— Это не крыса, ты сам крыса.

— Заткнись! Тогда вот сам иди и смотри.

— Я все о Берри думаю...

— Ты думаешь, что это призрак? Не думай о покойниках.

— Мы не должны были его бросать, Джо. Это ведь страшная штука вот так умирать.

— Я тебя не держал. Мог ты оставаться и держать его за руку. Чего же ты не остался? Сам первый оттуда смылся.

— Мы должны были его взять с собой.

— У него спина сломана. Мы бы его сюда не довезли. Мы вообще не должны были везти его домой. Надо было его на месте пристрелить, а ты раскис. Вот из-за тебя мы и влипли. Когда парень ломает спину — ему крышка. Эд его обязательно бы пристрелил, а у тебя жалость появилась, гад. А вот теперь сиди и гадай, куда девался Эд. Если бы мы не разделились, то сейчас были бы вместе.

— Что мы будем делать, если Эд не приедет?

— Мы все равно улетим, с ним или без него, но все равно улетим.

— А Хаскет нас возьмет без Эда?

— Оставь это мне, — мрачно сказал Джо. — Он нас возьмет.

— Ну, чего ты злишься?

— Ладно, закрой дверь и рот заодно. Пойдем тяпнем.

Хлопнула дверь, и голоса опять зазвучали приглушенно. Кое-что я все же узнал. Они улетают в десять вечера и ждут Дикса, который застрял где-то. Я стал думать о Диксе. Если у него лицо в краске, то как он минует полицию по пути сюда? Видно, он притаился где-то в Лондоне. Осторожно двигаясь, я обследовал

комнаты наверху. Комната над тем местом, где находились Луи и Джо, была обставлена кос-какой мебелью: шкаф, буфет, стол. Буфет был вместительный, и я мог в нем спрятаться. Я открыл дверцу, чтобы сразу в нем спрятаться в случае необходимости.

Я подошел к окну и увидел, что Джо и Луи пошли к воротам. В следующей комнате мне попался чемодан. Замок легко открылся. Среди кучи барахла лежали двадцать или тридцать мешочков. Я развязал один из них: в нем была целая куча алмазов. Это была часть похищенного из фургона.

Я закрыл дверь и задумался, что мне предпринять. Звук шагов в холле заставил меня подойти к двери и прислушаться.

— Один из нас должен пойти в деревню за газетой, — это был голос Джо. — Мы должны узнать, что же там делается.

— Тогда иди ты, до прихода вертолета я отсюда не тронусь.

— Может, там написано об Эде, — это был опять голос Джо.

— Все возможно, но сходи сам. Меня не проведешь: знаю, какой ты трус. Я тебя не оставлю одного с алмазами.

— Ты что, спятил? Куда я пойду, идиот!

— Мне все равно, но пусть я сдохну, а тебя одного с алмазами не оставлю.

— Заткнись! Тошно слушать.

— Это твое дело, а мне не нравится, когда алмазы находятся далеко от меня. Пойду еще раз на них взгляну.

Я прошел в комнату и спрятался в шкаф. Потом послышались их шаги на лестнице. Плотнее прикрыв дверь, я достал пистолет.

— А что, если Эд бросил нас здесь? У него ведь основная часть алмазов. Что ему стоило встретиться с Хаскетом в другом месте? — сказал Луи.

— Как он мог с ним договориться, придурок? Не трепись и вытри губы, — дверь в комнату, где я прятался, распахнули пинком.

— Что ты тут хотел найти? — спросил Джо.

— Просто проверить, — ответил Луи, прошел к окну.

— Пошли, тут от жары можно подохнуть. Пошли на воздух, под деревья.

— Пошли... — послушно, как ребенок, ответил Луи. — Все эти хождения и мне на нервы действуют.

Я весь напрягся, ожидая, что они полезут в шкаф для проверки, но они ушли.

Подойдя к окну, я увидел, что они уселись под платанами с бутылками в руках. Они потягивали пиво и смотрели на дорогу.

Подумав немного, я отошел от окна и начал действовать. Я пошел в ту комнату, где лежали мешочки с камнями. Еще раз посмотрев в окно, я заметил, что внизу была пологая крыша кухни. Открыв окно, я выбрался наружу. Трава внизу была густой и высокой. Если я сброшу чемодан вниз, никто ничего не услышит.

Забравшись опять в комнату, я сбросил чемодан вниз. Затем вылез на крышу сам и закрыл окно. Потом растянувшись, спустился с крыши, подобрал чемодан и лежа, держа чемодан на вытянутой руке, поболтал им немного в воздухе и разжал пальцы. Ему пришлось пролететь футов шесть до земли. А вдруг они услышат и успеют обежать вокруг дома, прежде чем я спрячусь? Надо было рискнуть. Спустив ноги вниз и держась одной рукой за [illegible] желоб, я скользнул вниз. Мне необходимо [illegible] убедиться, что они ничего не слышали. Я полз[illegible] чемоданом в руке, пока не увидел, что делается [illegible] домом.

В пятидесяти ярдах от меня [illegible] продолжали лежать в тени платанов, потягивая [illegible] пиво. Я вернулся обратно, вытер лицо и руки платком, потом взял чемодан и поставил его в неглубокую канавку рядом с кустами. Трава в этом месте была густой и хорошо прятала его. Я с удовольствием подумал, что чемодан теперь не найдешь, пока не наткнешься на негослучайно. Я опять пополз вокруг дома, чтобы наблюдать за действиями Луи и Джо.

Луи теперь лежал за спине, шляпа закрывала его лицо. Он, вероятно, спал, а Джо курил, посматривая на ворота фермы. Я подумал с мрачной злобой, как они пойдут за чемоданом и не найдут его. Первый тайм я выиграл, но это только начало. Они ждали, и мне надо было ждать. Я устроился в траве так, чтобы можно было видеть эту пару. Краснорожий хозяин трактира не солгал. Было жарко и хотелось пить.

Прошло два часа. Жара становилась все сильнее, и я мучился от жажды.

Только около четырех часов послышался шум подъезжающей машины. Джо тоже услышал его и потряс Луи за плечо. Они встали, приготовили пистолеты и стали ждать.

Я поднялся повыше, чтобы все видеть. Меня всего лихорадило от возбуждения: вот оно, то, чего я ждал.

Подъехала машина и три раза просигналила. Джо

и Луи побежали к воротам. Я выбрался из укрытия и, в три прыжка одолев расстояние до платанов, встал за ними. Отсюда мне все было видно отлично. Джо открыл ворота, и въехал "кадиллак" Дикса. За рулем была Глория, но больше в машине никого не было.

— Где же Дикс? — спросил требовательно Джо.

Глория открыла дверцу машины и вышла. Потом я увидел на полу ковер, свернутый в рулон, и в нем плечи и голову человека. Это был Дикс.

ГЛАВА 18

На ярком свете Дикс выглядел пугающе и одновременно смешно. Джо и Луи непроизвольно отпрянули, когда увидели его лицо. Оно было ярко-голубым, как будто из кошмарного фильма о вампирах или дикой сказки.

— Господи, Эд! Сколько ты не смог смыть эту краску? На кого ты похож?

— Заткнись, выродок! — рявкнул тот вне себя от злости. — Загони машину в амбар и закрой ее там. Не хватало еще, чтобы нас здесь выследили.

— За целый день тут никого не было, — сказал Луи, все еще глядя на Дикса с удивлением. — Что с тобой, Эдди? Мы тебя ждали, ждали...

— Убери машину, ты, рожа! Глория, ты где? — он повернулся и протянул к ней руку.

Она подошла к нему. Я видел, как она поглядела на Джо и слегка качнула головой. Потом взяла руку Дикса.

— Дай ему выпить, Джо. Ему здорово досталось.

— Ты не ранен, Эд? — спросил Джо и посмотрел на него.

— Да нет же! Дай мне виски! — рявкнул Дикс.

Луи загнал машину в амбар.

— В доме очень душно, — Дикс посмотрел на Глорию и поднял брови. — Давай сядем под деревьями. — Он просунул два пальца под воротник рубашки и потянул. Отлетело несколько пуговиц.

— Фу, черт, я весь мокрый!

Дикс и Глория подошли как раз к тому месту, где я прятался. Я лег в траву и притаился. Они сели, прислонившись к дереву, от меня футах в десяти.

— Как твои дела, Эд? — спросила Глория и посмотрела на него пристально, словно изучая.

Дикс еще больше расстегнул рубашку: под ней у него висел в кобуре пистолет.

— Плохо. Я рад, что прикончил того парня. Он заслужил пулю, скот.

Дикс потянулся в взял Глорию за руку.

— Ты будешь мне верна, Глория? Тем двоим я не верю, псы паршивые.

Джо был в доме: он пошел за напитками, а Луи возился в амбаре с машиной. Я прислушивался к разговору, приподняв голову.

— Нет, ты не прав. Они нормальные ребята. С каждым могло такое случиться, не бойся их, Эд.

— Ты мне не ответила.

Дикс так сжал Глории руку, что она закусила губу от боли.

— Ты делаешь мне больно, Эд. Конечно, я буду с тобой, ведь я тебя люблю!

— Неужели? Мне никогда не верилось. Тебе никогда не нравилась моя кинокамера?

— Да, но мне за нее хорошо платили. Я все сделаю для тебя, и ты это знаешь.

— Держись за меня, Глория, и ты не пожалеешь. У меня есть еще деньги и нам [illegible] на что погулять в Париже. Следи за теми двумя, [illegible] не верю.

— Джо возвращается, — прошептала она.

Джо подошел к ним, неся [illegible] стаканы и виски. Луи присоединился к нему.

Они присели немного в стороне от Дикса.

— Что случилось с Берри? — спросил Дикс.

— Мы его отвезли домой. — ответил Джо и, плеснув на два пальца виски, залил содовой.

— Он мертв? — Дикс не смотрел на протянутый стакан, как будто его не было.

— А выпить, Эдди, не хочешь?

Дикс протянул руку, но она разминулась со стаканом. Джо вложил стакан в его ладонь и потрясенно посмотрел на Глорию.

— Он мертв? — спросил Дикс снова.

— Наверное, уже мертв.

— Что значит "наверное"? Вы его не прикончили?

— Он и так умирал, — негодующе ответил Луи. — В этом не было необходимости.

Дикс даже подскочил.

— Идиоты проклятые! Оба... Берри знает все наши планы. И вы его оставили в квартире с телефоном! Вот идиоты! А вдруг он разболтает все полиции?

— Он все равно не мог сдвинуться с места. Если бы он мог пошевелиться, я бы его кокнул. Спокойно, Эд. Выпей и не ругайся.

— Надо было его прикончить!

— Выстрел мог испугать соседей. Он теперь уже готов. Выпей, Эдди.

— Можно было его просто задушить или вены перерезать... язык вырвать...

— Хватит тебе.

Глория положила Диксу руку на плечо.

— Да хватит вам об этом!

Дикс отодвинулся от нее. Он выпил виски, бросил стакан в траву и полез за сигаретами. После долгого молчания Луи заговорил:

— А почему ты до сих пор не смыл краску с лица?

— А не мог! — Дикс опять начал орать. — Понимаешь ты, не мог! Я скреб лицо так, что кожу чуть не содрал, но ничего не получилось!

Все помолчали, потом Джо сказал медленно и веско:

— Тебе никуда нельзя выходить с таким лицом. Тебя сразу увидят и заметут, и мы все погорим вместе с тобой, так что сиди тут тихо.

— Заткнись, ублюдок! Я же сказал, что не могу этого смыть. Это какая-то химия. Сама пройдет со временем.

— Великолепно! — голос Луи был полон сарказма. — И когда это произойдет?

— Откуда я знаю? И не говори со мной про эту пакость, понял?

Последовало еще более долгое молчание, потом Джо спросил:

— Что было с тобой, когда ты нас оставил, Эд?

— Перестаньте спрашивать меня, — взорвался Дикс, — спросите лучше ее, она вам все расскажет.

Он поднялся и сделал несколько шагов.

— Хочу поспать. В доме есть кровать?

— Я покажу, — сказал Луи и тоже встал.

Дикс вытянул руку и взял Луи за плечо.

— У меня сильно болят глаза. Эта штука попала также и в глаза.

— Ты ослеп, Эдди?

— Я вижу хорошо, просто болят глаза.

Он не выпускал плеча Луи.

— Пошли, приятель.

И они отправились вместе.

— Хочешь сигарету, Джо? — спросила Глория.

Она вытянула свои длинные, стройные ноги и откинулась назад, чтобы показать свою крепкую грудь. Джо покосился на нее.

— Конечно... А что с ним, Глория?

— Он очень плох. Он был совсем слепой, когда я его нашла.

— С такой рожей и слепой, он нам будет мешать там, в Париже.

— Да, так и есть.

— Знаешь, ведь это твои поминки... ведь ты его девушка, Глория.

— Разве, — она повернулась так, чтобы Джо видел ее круглые колени. — Я могу стать твоей девушкой, Джо, если ты этого захочешь.

— Эду это не понравится.

— А у него не будет выбора.

Джо отодвинулся от Глории:

— Не нужно, чтобы Луи тебя слышал.

— Ты еще не знаешь всего, Джо.

Вернулся Луи. Он был очень возбужден.

— Эд совсем ослеп. Пришлось уложить его в постель. Совсем беспомощен.

— Присаживайся к нам и помолчи. Глория нам хочет что-то сказать.

— Да, я расскажу. Дикс добрался до Уайт-сити и здесь вдруг ослеп. Эта штука с [illegible] попала ему в глаза.

— Это он уже говорил, — перебил ее Джо.

— Но он вам не сказал, [illegible] машину. Он врезался в стену.

— А что с алмазами? — спросил Джо, сжав два огромных, словно тыквы, кулака.

— Он оставил их в машине.

Джо подпрыгнул:

— Ты врешь! Вы сговорились! Никто бы не оставил пятьсот тысяч!

— Не глупи, Джо! — Глория вышла из себя. — Он ничего не видел. Машина врезалась в стену: что он мог с ними сделать? Там было четыре почтовых мешка. Он что, должен тащить их на спине?

— Господи, — простонал Луи. — Это же наши алмазы.

— Нет, наши с тобой наверху, — спокойно ответил Джо. — Те, что остались, принадлежат ему и Глории.

— Каждый бы получил по 75 000, а наверху только 100 000. Это мало, — продолжал Луи свое.

— 500 000 лучше, чем ничего, — ответил Джо.

— Нет, по 25 000, — тихо сказала Глория. — Теперь мы их поделим на четверых.

— Фига с маслом... Кто так решил?

— Так сказал Эдди.

— Это наши алмазы, — возразил ей Джо. — Мы их караулили, и мы их не теряли.

— Что ты мне это говоришь? — сказала Глория,

стряхивая пепел в траву. — Ты это ему скажи.
— Ты умрешь, Джо. Он слишком быстр и опытен для тебя, — сказал Луи.
Джо его не слушал, он смотрел на Глорию.
— Хочешь со мной спать, Глория?
— Что происходит? — Луи подозрительно посмотрел на них. — Ты что, Джо, спятил? Она же девушка Дикса.
— Заткнись, слюнтяй, — обрушился на него Джо. — Так как же, Глория?
Она посмотрела на него таким же взглядом, от которого и я потерял голову когда-то.
— Я же сказала, что ты можешь взять меня, когда захочешь, Джо.
Джо придвинулся к Глории, быстро ее обнял и ощупал с ног до головы. Луи потрясенно смотрел на них, пожалуй, с долей зависти.
— Если Эд узнает, он вас прикончит.
— Ну, ну, Джо, — Глория высвободилась из его рук. — А что мы решим с Эдди?
Джо вдруг заволновался.
— Давай восьмером деньги и оставим его тут.
— Дикс думает по-другому. Помнишь, что он сказал о Гарри?
— Выстрел могут услышать.
— Что-то насчет вскрытия вен, — промурлыкала Глория.
— Да... но это непросто, — Луи стоял с лицом, белым как снег.
— Вы справитесь вдвоем, Джо.
Он покачал головой:
— Дикс хорошо стреляет и не подпустит нас близко.
— Но он ослеп, Джо. Если вы его повалите на землю, и тогда...
— До тех пор пока у него оружие, я не согласен.
Глория пожала плечами:
— Хорошо, но что тогда делать?
— А ты что скажешь, Луи?
Тот вытер потное лицо рукавом. Его бил озноб.
— Я не стану делить свою добычу на троих. Если ты ее хочешь, делись с ней сам.
— А я не просила тебя об этом, — сказала Глория резко, словно ножом отрезала.
— Но могла на это надеяться, — оскалился Луи.
— Мы про Эда говорили, Луи. Как бы нам с ним разделаться, а, Луи?
— Может, пристрелить его? — спросил Луи.
— Нет, — возразила Глория. — Нам придется оста-

ваться здесь до темноты, пока не прилетит вертолет. Это еще часов пять. А вдруг кто услышит выстрелы и вызовет полицию?

— Она права. У тебя есть нож, Луи?

— Думаешь, я спятил? Я полезу на него с ножом?

— Мы будем вдвоем. Я его повалю, а ты прикончишь.

— Нет, я не буду, пока он вооружен.

Джо кивнул:

— Ты прав. Глория, ты должна вытащить у Дикса пистолет. Тогда мы его и кокнем. Пойди приласкай его. И вытащи у него оружие. Не будет же он заниматься с тобой любовью с пистолетом... Ты уж уговори его, скажи ему что-нибудь... сама знаешь, что сказать. Дальше мы сами справимся.

Глория посмотрела на них внимательно, как бы прикидывая что-то про себя.

— Я попробую, но ничего не обещаю, — сказала она и встала.

— Достань только его пистолет, — повторил Джо.

Глория опять взглянула на них.

— Это очень просто, ведь он не видит.

Она пошла по тропинке к дому. Опять эти роскошные бедра под тонкой юбкой. Джо следил за ней, ухмыляясь.

— Ты с ума сошел, Джо, что польстился на нее. Я бы никогда ей не поверил. Перестань с ней и бросай. Она же шлюха.

— Ты ведь никому не веришь, а, Луи?

— Она доберется до твоих денег, а когда деньги кончатся, удерет от тебя. Надеюсь, ты не воображаешь, что значишь для нее что-нибудь?

— Она никогда не увидит моих денег, Луи!

Луи смотрел на него во все глаза.

— Как это?

— Хватит разевать пасть! Думаешь, мне нужна такая морковка, которая потеряла зеленый хвостик? Пока пистолет у Дикса, мы не можем его прикончить. Она единственная, кто может взять пистолет у Дикса без риска. И потом, она знает Хаскета. Он может заупрямиться, когда увидит, что с нами нет Дикса. Глория это устроит, так как Хаскет по ней с ума сходит. Она его обработает, и он нас отвезет.

Луи вдруг улыбнулся жалко и робко.

— Ты умница, Джо. А я думал, что она тебя приворожила. А в Париже ты с ней распрощаешься?

Джо кивнул.

— Она долго там будет возиться?

— Не знаю, — ответил Джо и встал. — Надо за

ней присмотреть, для нас будет плохо, если Дикс ее пристрелит.

— Я пойду с тобой. — И они пошли к дому.

Я остался лежать в траве и думал о Билле. Я не собирался вмешиваться в дела этой шайки. Это была та справедливость, о которой пишут в книгах: пусть они сами перестреляют друг друга. Если им удастся прикончить Дикса, то я буду рад, что они это сделают заменя. Если у них это не выйдет, то я закончу свою работу. Но, кажется, они справятся, ведь их было трое против полуслепого. У Дикса не было никаких шансов выжить.

Вдруг из-за дома появились Джо и Луи. Они покосились на дверь, оттуда вышла Глория и направилась к ним.

— Взяла? — спросил Джо.

Она улыбнулась, а черные глаза сверкали от радости.

— Я сделала лучше, я вынула пули из пистолета!

— Будь я проклят! Как тебе удалось это?

— Потребовалось время. Я минут двадцать провозилась, пока он спал. Наконец я вытащила его пистолет, но решила, что вытащить пули будет лучше, а то Дикс сразу все поймет, когда проснется без пистолета. Я положила пистолет ему обратно в кобуру. На это ушло больше времени, чем на то, чтобы вытащить, но я это сделала.

Глория взмахнула рукой и бросила пули в траву.

— Я вырвала ему зубы, Джо, — сказала она.

— Дикс еще спит?

Глория кивнула.

Джо вопросительно посмотрел на Луи:

— Чего же мы тогда ждем?

Луи поднялся. Он сунул руку за пазуху и достал короткий кривой нож. Острое лезвие заблестело на солнце.

— Пойдем, — хрипло сказал Луи, — и покончим с этим. Нечего тянуть.

ГЛАВА 19

Даже там, где я лежал, чувствовалось неестественное возбуждение Глории. Кулачки ее были сжаты, глаза сверкали, лицо бледное, ждущее... Она почти не дышала, глядя вслед двоим, шедшим к дому, с такой злобой, что жутко на нее было смотреть.

У Джо в руках был кастет. Он слегка опередил Луи, а тот держал нож незаметно сбоку. Джо шел ко-

роткими спотыкающимися шагами, колеблясь, но боясь остановиться.

Они уже подошли к заросшему мхом подъезду, когда открылась дверь и вышел Дикс. Он пошел к ним, вытянув руки. Глаза его были полузакрыты тяжелыми веками.

Они сразу же остановились. Он стоял в нескольких ярдах, пытаясь их разглядеть.

— Это ты, Джо?

— Да, хотел посмотреть, не проснулся ли ты, — ответил Джо, стараясь приблизиться к нему и держа кастет в опущенной руке.

— Стой, где стоишь, Джо! — крикнул ему Дикс.

Джо замер.

— Что с тобой?

— Замри на месте. Где Глория?

— Там, под деревьями. Она спит.

Джо опять двинулся вперед, а Луи возобновил свои попытки, чтобы зайти Дикс[illegible] тыл. Дикс вдруг улыбнулся, сверкнув своими [illegible]ными зубами. Его рука скользнула под рубашку [illegible] он вытащил тяжелый кольт 45-го калибра.

— Стой, ублюдок, на месте.

— Эта хлопушка тебе не [illegible] Эдди.

— А это мы еще посмотрим. [illegible]кс снял предохранитель.

— Эй, Луи, вперед, бери его!

И Джо рванулся вперед, [illegible] руке кастет. Луи побежал к Диксу, с ножом. Лицо [illegible] него стало таким диким, что на него страшно смотреть.

Глория вскочила на ноги.

— Осторожно, Эдди! — крикнула она.

У Дикса побелел палец, когда он нажимал на курок. Джо оставалось до него футов шесть, когда он кинулся на Дикса очертя голову, как бык на красное. Я ждал, что предохранитель щелкнет и обомлевший Дикс переменится в лице. Потом Луи ударит его ножом, и все кончится. У меня билось сердце в предвкушении этого момента.

Звук выстрела раздался так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул на месте, но потом плотнее прижался к земле. Я понял, что Глория их обманула и Дикс не безоружен. Этот выстрел наделал много шума. Джо остановился с разбега, точно налетел на стену. Лоб у него превратился в кашу из мозгов, волос, крови. Он рухнул вниз лицом, извиваясь в пыли. Его руки дергались, как у куклы. Кастет откатился к ногам Дикса. Потом Дикс обернулся к Луи. Казалось,

он счастлив снова его увидеть. Луи был потрясен: его парализовало зрелище мертвого Джо. Потом, секунды спустя, он яростно выругался и бросился бежать под деревья, где сидела Глория.

— Ведьма! Змея! — орал он, махая ножом.

Та не пыталась убежать, она только прижала руки к груди. Но Луи на пробежал и нескольких шагов, как Дикс выстрелил во второй раз. Макушка у Луи отвалилась. Он захрипел и повалился к ногам Глории. Он уже почти добрался до нее. Глория вскочила и, дрожа, закрыла лицо руками.

— Отлично! — прокричал ей Дикс. — Они давно этого хотели. Господи, я думал, что они умнее.

Он подошел к Луи, перевернул его на спину и посмотрел. Потом шевельнул ногой Джо.

— Теперь порядок. Мы остались с тобой вдвоем, Глория.

Она подошла к нему:

— Ты слишком близко их подпустил. Я за тебя испугалась!

— Я мог промахнуться. — Дикс обнял ее и прижал к себе. — Как на меня смотрел Джо! Он думал, что я слепой и беспомощный. Видела, как он смотрел перед смертью? — Он засмеялся: — Никогда не поверил бы, что он может оказаться таким доверивым мальчиком.

— Как ты думаешь, могли слышать выстрелы? — встревоженно спросила Глория.

— Здесь на целую милю нет никого. А если и слышали, то подумают, что это трактор. Успокойся, Глория. Садись, детка. Ты стала такой бледной. Я уберу этих двоих.

Она медленно приходила в себя.

— Ты прав. Я не собираюсь падать в обморок. Я тебе помогу. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Дикс улыбнулся Глории.

— Эд, поцелуй меня.

— Я сделаю и еще кое-что, но потом, сначала я уберу трупы.

Глория положила ему руки на плечи.

— Я люблю тебя, Эд. Все будет в порядке, когда мы доберемся до Парижа.

Дикс оттолкнул ее.

— Давай сначала уберем эти трупы, а потом отметим это дело.

Глория вопросительно посмотрела на него, а потом взяла Луи за правую ногу.

— Занесем его в амбар, — сказал Дикс и взял его за другую ногу.

Я смотрел, как они волокли труп в амбар. Увидев, что они скрылись внутри, я вытащил платок и вытер пот с лица. Пот с меня лил градом. Теперь игра повернулась по-другому. Я достал пистолет Берри. Мне тоже нельзя было промахнуться.

Теперь они тащили в амбар здоровенного Джо. Они шли медленно, оставляя на траве яркую красную полосу. Труп, видимо, был тяжелый. Когда эта троица скрылась в амбаре, я вскочил и перебежал за дом. Следующее действие этой драмы должно было состояться в доме, и я не хотел его пропустить.

— Господи, Эд, может быть, уйдем отсюда? Мне не дает покоя Берри.

— Ну хорошо, идем в лес, там можно спрятаться. Сейчас, только допью. Вечно ты паникуешь.

Я услышал, как они вышли из комнаты.

— Они сказали, что чемодан в задней комнате, наверху. Пойду принесу его.

Я высунул голову и увидел, как Дикс поднимается по лестнице. Глория стояла на площадке спиной ко мне. Я снова спрятался и стал ждать.

Я услышал, как Дикс страшно и грязно выругался и стремительно обрушился вниз по ступенькам. Он распахнул ногой дверь комнаты.

— Что такое, Эд?

— Чемодана нет.

— Не может быть!

— Пойди и посмотри сама.

Глория пошла и быстро вернулась.

— Тогда он должен быть внизу.

Они стали рыскать по дому, но чемодан не могли найти. Это было естественно.

Дикс еле сдерживал себя и свою злобу.

— Здесь ничего нет! — то и дело орал он.

— Тогда в амбаре.

— Пошли, посмотрим в амбаре.

Пока они выходили из дома, я затаился в траве, откуда мне очень хорошо все было видно. Они там долго не оставались. Ясно было и так, что чемодана там нет, а мне ясно и подавно.

Лицо Дикса стало злобной маской. Он наблюдал, как Глория мечется из конюшни в свинарник... Глория вышла с остановившимися глазами.

— Ничего нет...

— Лучше найди чемодан, Глория!

— Ты о чем, Эд?

Голос Дикса был тихим и спокойным, как у старой змеи, когда он спросил:

— Где ты его спрятала, детка?

Глория испуганно вздрогнула.

— Спрятала?! — она хрипло выдохнула. — Ты что, Эд, спятил?

— А что, не так? Меня не обманешь. Ты все уже обговорила с Томом. Хитренькая девка. Я помог тебе освободиться от парней, а теперь ты вместе с Томом собираешься улизнуть! Пока я спал, ты, подлая тварь, решила поиграть: перепрятать чемодан, а потом меня прикончить. Говори, стерва, где чемодан!

У Глории от страха и злобы лицо стало старым и отвратительным.

— Нет, это ты его спрятал. Меня хочешь прикончить, гад! Делиться стало жалко! Но я же тебя люблю! Я тебе помогла, когда ты слепой бродил по городу. Я помогла тебе обмануть ребят. Ты не можешь выгнать меня, не отдав моей доли!

Лицо Дикса, обезображенное краской, было ужасным, когда он медленно и тихо повторил свои слова:

— Где ты спрятала чемодан, Глория?

Пятясь под его взглядом, она медленно отступала к дому, а потом закричала. Голос ее звучал резко и страшно в духоте летнего зноя:

— Не трогай меня! Нет, я не брала их!

Потом она бросилась к дому. Дикс кинулся ей наперерез. Он догнал Глорию и схватил ее за руку:

— Дрянь! Стерва! Сволочь! Где?

Она билась, как рыба, в его объятиях, била его по лицу, но Дикс, схватив ее за горло, принудил опуститься на колени. Его длинные пальцы охватили ее шею.

— Где они, говори!

— Я не брала,— хрипела Глория в ответ. — Я не брала! Клянусь тебе, клянусь... не брала!

Голос ее перешел в шипение. Она задыхалась. Стоя перед Глорией с красными губами, синим от краски лицом, блестевшими в ярком свете зубами, с лицом убийцы, Дикс казался дикарем из джунглей.

— Я найду их, где бы ты их ни спрятала. Слышишь, ты, гадина!

Глория хрипела только в ответ. Глаза выкатились у нее из орбит, лицо почернело. Дикс повернул ее поудобнее и снова сжал своими волосатыми ручищами. Я уже собирался подняться, когда услышал хруст позвонков. Я понял, что опоздал. Глория обмякла у негов руках. Он отшвырнул ее тело и поднялся, глядя на нее во все глаза. Из ноздрей и из ушей трупа хлынула кровь прямо ему на руки.

У меня дрожали руки, когда я поднял пистолет. Я собирался совершить то, ради чего пришел сюда. Об Анни не стоило и думать: я ее уже потерял, когда обманул и пошел к Глории. Казалось, с той минуты прошла вечность.

Я должен был рассчитаться с Диксом. После того как я расплачусь, у меня будет подобие некоторого порядка в жизни. Что со мной потом сделает полиция, меня не беспокоило. Я собирался взять алмазы и вернуться в Лондон. Потом пойду к Роусону и расскажу все, пусть делает со мной, что хочет.

— Ну, Билл. Вот теперь он у меня на мушке, — сказал я негромко.

Дуло пистолета было как раз в центре широкого синего лица. Оно не качнулось ни на секунду. Мишень была четкой, а руки не дрожали.

Дистанция была большой, но я не собирался промахиваться. Синее лицо вдруг двинулось ко мне, точно Диксу шепнули, откуда придет его смерть и как она близка от него. У Дикса испуганно метнулись глаза. Он нагнулся за брошенным пистолетом, и пальцы его коснулись лица Глории. Я все время смотрел ему в лицо, потом нажал курок...

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190